

Humanitas

Гуманисты эпохи Возрождения о формировании личности (XIV–XVI вв.)

Humanitas

Коллектив авторов

**Гуманисты эпохи
Возрождения о формировании
личности (XIV–XVII вв.)**

«ЦГИ Принт»

2015

УДК 130
ББК 87

авторов К.

Гуманисты эпохи Возрождения о формировании личности (XIV–XVII вв.) / К. авторов — «ЦГИ Принт», 2015 — (Humanitas)

ISBN 978-5-98712-175-7

Книга дает возможность проследить становление и развитие взглядов гуманистов Возрождения на человека и его воспитание, составить представление о том, как мыслители эпохи Возрождения оценивали человека, его положение и предназначение в мире, какие пути они предусматривали для его целенаправленного формирования в качестве разносторонне развитой и нравственно ответственной личности. Ряд документов посвящен педагогам, в своей деятельности руководствовавшимся гуманистическими представлениями о человеке. Книга обращена к широкому кругу читателей.

УДК 130

ББК 87

ISBN 978-5-98712-175-7

© авторов К., 2015
© ЦГИ Принт, 2015

Содержание

Вступительная статья	6
Гуманистическая мечта о человеке	27
Франческо Петрарка	27
О невежестве своем собственном и многих других	28
О средствах против всякой судьбы	30
Книга вторая	30
Книга вторая	33
Маттео Пальмиери	37
Гражданская жизнь	37
Лоренцо Валла	40
Об истинном и ложном благе	41
Книга первая	41
Книга вторая	43
Джанноццо Манетти	45
О достоинстве и превосходстве человека	45
Книга третья	45
Джованни Пико делла Мирандола	52
Гептапл	53
Второе предисловие ко всей работе	53
Книга третья	53
Глава седьмая	53
Книга пятая	54
Глава шестая	54
Глава седьмая	55
Мишель Монтень	56
Опыты	57
Книга первая	57
Книга вторая	58
Хуан Луис Вивес	61
О причинах упадка искусств	61
«Достойное воспитание – наилучшее богатство»	65
Пьер Паоло Верджерио	65
О благородных нравах и свободных науках	66
Как следует распознавать нравы и склонности юношей, а равно как их следует оценивать	67
Что такое свободные занятия, которым должны обучаться юноши?	72
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Гуманисты эпохи Возрождения о формировании личности (XIV–XVI вв.)

© Левит С. Я., 2015

© Ревякина Н. В., Кудрявцев О. Ф., 2015

© Центр гуманитарных инициатив, 2015

Вступительная статья

Возрождение – яркий культурный период в истории Европы, приходящийся на XIV – начало XVII в. От других этапов в развитии культуры его отличает огромный интерес к человеку, который во многом объясним переходным характером эпохи Возрождения от Средневековья к Новому времени, от феодализма к буржуазному строю. Разрушение феодальных общественных структур и старых форм экономической деятельности и появление новых поставили личность в особое положение – потребовали от нее развития личной инициативы и энергии, способствовали развитию самосознания. Культура Возрождения во многом отражает этот процесс. Но, устремленная *в будущее*, она имеет и *свое* видение этого будущего, и свое видение человека. Она предлагает эпохе свой образ человека, ее система воспитания носит целенаправленный характер, идеалы ее оказываются в целом шире, возвышеннее, благороднее, чем того требовала эпоха. Поэтому культура этого периода оказалась понятной будущим поколениям, а ее идеи, учения и художественные ценности сохраняют свое значение и сегодня.

Возрождение являет нам поистине грандиозную работу человеческого самосознания, осуществляющуюся тщательно и заинтересованно во всех сферах культурной жизни – литературе и философии, искусстве и науке. Этот исключительный интерес к человеку дал название и ведущему идейному течению в Возрождении – гуманизму (от лат. homo, humanus – человек, человеческий) – и обозначил его содержание. Гуманизм возникает в сфере филологической культуры, которая понималась шире, чем в Средние века, и включала в себя наряду с традиционными дисциплинами Средневековья (прежде всего грамматикой и риторикой) еще и историю, моральную философию, поэзию. Эти studia humanitatis – науки о человеке – составляют основание гуманистической культуры, хотя и не исчерпывают ее и постоянно обогащаются, вбирая в себя и естественнонаучные представления. В сфере наук о человеке и рождается новое понимание человека, влияние которого ощутимо во всех областях культурной жизни.

Гуманизм был вдохновлен *Античностью*, именно она стала одним из его главных культурных истоков. Сочинения античных авторов гуманисты с энтузиазмом разыскивали по всей Европе и Византии, любовно возрождали к жизни, выводя на свет Божий, словно узников из подземелья (образ Поджо Браччолини), тщательно переписывали и распространяли, переводили (сначала на латынь с греческого, позже на национальные языки) и, когда появилось книгопечатание, энергично издавали. Такое своеобразное отношение к древности, с помощью которой гуманисты хотели воссоздать культуру после темных, как они считали, столетий упадка в Средние века, и дало название всей культурной эпохе – Возрождение (Ренессанс – *фр.*). К Античности (сначала к латинскому наследию, позже к греческому) гуманисты обращались и для того, чтобы обосновать собственные идеи, и в целях полемики с отживавшей свой век средневековой традицией. Цицерон и Сенека, Теренций и Плавт, Вергилий и Лукиан, Аристотель, Платон, Эпикур, Тит Ливий, Фукидид и другие римские и греческие поэты, философы, историки привлекали их каждый по-своему. Но гуманисты никогда не ставили своей целью восстановить во всей полноте и точности то или иное античное учение, они включали античные идеи в свои представления и учения, выстраивали собственный дом из самых разных кирпичей древности. К тому же часто толковали по-своему мыслителей древности, соединяли друг с другом, причудливо согласовывали с христианством.

Христианство, в основном ранее, было другим важным истоком гуманизма. Его тоже возрождали, разыскивая подчас забытые в Средние века сочинения Отцов Церкви и христианских писателей (Августина, Иеронима, Лактанция, греческих Отцов Церкви). Однако христианство у гуманистов несводимо к ссылкам на Библию и Отцов Церкви, его влияние глубже. Стоявшая за спиной гуманистов христианская традиция обогатила гуманистическую мысль духовностью и вниманием к психологии, сделала идеал человека более возвышенным, углу-

била намеченный самой жизнью интерес к индивидуальности, к «я», к самопознанию, усилила нравственное начало. В северном гуманизме, где влияние христианства было сильнее, это привело к возникновению «христианского гуманизма», с которым связаны имена Эразма Роттердамского, Томаса Мора и др.

В гуманизме дает о себе знать и *средневековая традиция*, она существовала в нем анонимно, так как на средневековых авторов гуманисты, как правило, не ссылались, хотя самые замечательные из писателей Средних веков, например Данте, гуманистам были известны и вызывали их глубокое уважение. Наибольшее влияние средневековой традиции, и в частности народной культуры, ощущается в гуманизме Германии, Франции.

Рождение гуманизма, как и начало Возрождения, было связано с Италией – страной городов-государств с их бурной экономической активностью, выходящей по своим масштабам и формам организации за рамки Средневековья; с их не менее интенсивной политической жизнью, разнообразием и динамизмом форм правления; с развитием светской культуры, спрос на которую в связи с секуляризацией очень возрос. Интенсивная жизнь итальянских городов вывела на историческую арену людей энергичных и предприимчивых, думающих, чувствующих и действующих иначе, чем их средневековые собратья. Купец, вышедший из поппланской или крестьянской среды, кондотьер незнатного происхождения, ставший правителем города или крупным военачальником, гуманист – выходец из любого слоя общества, иногда из самых низов, – все они добиваются высокого положения и удачи благодаря собственным личным качествам, труду, знаниям. В обществе возникает атмосфера, в которой начинают высоко цениться личность, стимулы и мотивы ее действий, находят понимание новые нормы поведения. Эта новая психологическая атмосфера и культурные сдвиги в городах стали благоприятной средой, в которой рождалась гуманистическая идеология. Новые настроения находили отражения в сочинениях гуманистов, и, поднимая их на уровень теории, преобразовывая в учения и концепции, гуманисты выступали как идеологи новых слоев в обществе. Но они и сами были «новыми людьми», представляли впервые появлявшуюся в обществе светскую интеллигенцию, знаменуя первый этап ее развития, и потому нуждались в самоутверждении, в *оправдании* и возвышении собственной деятельности. Как деятели культуры они разрабатывали, основываясь на богатом мыслительном материале, собственные представления о человеке и мире, о морали и воспитании и стремились внедрить их в общественное сознание. Гуманизм с самого начала заявил о себе как об активной, связанной с жизнью и влияющей на жизнь идеологии.

Первым гуманистом по праву считается Франческо Петрарка, его роль в становлении гуманизма признана его современниками и потомками. Подобно Сократу, он спустил философию с неба на землю и в полемике со схоластикой провозгласил человека главным объектом познания философии и всех наук. Самое важное знание для человека, говорит Петрарка, – это знание о нем самом: что он такое, для чего существует, куда идет? Он предлагает и способ познания человека – самопознание, блестящий опыт которого он явил миру своими трактатами, письмами, поэзией. Но самопознание для него – это не только познание конкретным человеком самого себя, хотя задача эта для Петрарки наиважнейшая, ибо человек для него – отблеск божественного света на земле, и богатства его души неисчерпаемы. Самопознание человека для Петрарки, насколько можно понять по его полемике со схоластами, – это познание человека в границах его человечности, во всей его человеческой специфике, со всей его сложной и богатой душевной жизнью, а не так, как познают животных («двуногие четвероногих» – иронизирует он над схоластами).

Своими размышлениями о человеке как главном предмете познания Петрарка, несомненно, повысил интерес к человеку и поднял значение наук, изучающих человека. В его подходе важна прежде всего позиция, на которую он встал, – *антропоцентризм*, т. е. представле-

ние о центральном месте человека в мироздании; в гуманизме до Монтеня такой подход будет ведущим.

Антропоцентризм, в сущности, не является новым подходом, он характерен для христианства: о господстве человека в мире красноречиво заявлено в Библии. По христианскому учению, человек, наделенный разумом и бессмертной душой, отличается тем самым от других творений, над которыми ему дано право властвовать. Однако грех прародителей – Адама и Евы, переданный ими роду людскому, привел к извращению воли человека, лишил его способности совершать благие дела – так говорили Августин и другие раннехристианские писатели; в средневековом богословии при толковании первородного греха акцент был перенесен на тело – проводник греха, ибо при его помощи во время зачатия грех передается людям. В силу грехопадения человек не может достичь сам, без помощи божественной благодати, спасения и найти правильный путь в земных деяниях. Так внутренне драматично выглядит место и путь человека в мире.

Гуманистическое видение центрального места человека в мироздании, совпадающее в главных идеях с христианским (человек, одаренный разумом и бессмертной душой, – царь Вселенной), выглядит в целом иначе; этому способствует новый взгляд гуманистов на природу и переосмысление представлений о первородном грехе. Гуманисты смотрят на природу как на творение Бога, создавшего мир по собственной воле, и как таковая природа – «наилучшая мать», «святейшая мать»; она все более наделяется божественными свойствами – «создательница всего сущего», «мудрейшая», «божественная», природа-Бог; некоторые гуманисты говорят даже о провидении природы, склонны видеть сознательную, целенаправленную деятельность природы в отношении человека. Такие разные гуманисты, как Лоренцо Валла и Джанноццо Манетти, сходятся в том, что природа все создала для блага человека, для его радости и наслаждения. Поэтому надо следовать законам природы, блюсти ее заповеди.

Такой взгляд на природу дает гуманистам возможность положительно оценивать человеческое естество, развивать представления о доброй природе самого человека, а это ведет к переосмыслению идеи греховной природы, первородного греха. Его влияние гуманисты понимают по-иному: грех привел к бренности и смертности человека, но превосходные качества его души и тела не утрачены, да и духовные стремления его, воля его не извращены первородным грехом. А если это так, то место человека во Вселенной становится поистине царским тронem, где восседает наделенный «красотой, умом, мудростью, могуществом и богатствами и, кроме того, властью и господством» человек, действующий по собственной воле во благо всего созданного. Словом, гуманистический антропоцентризм содержал в себе признание самостоятельной и творческой роли человека в осуществлении своего предназначения на земле.

Представления гуманистов о природе и первородном грехе были своего рода теоретическим основанием для размышлений о человеке. Но в целом гуманизм XIV и большей части XV в. не затрагивал глубоко основ старого мировоззрения и соединял часто новые взгляды с традиционными. Как молодая идеология он наступателен, эмоционален, порой дерзок, но и наивен одновременно, и трогателен своей удивительной любовью к человеку.

Что же интересует гуманистов в человеке? Человек как таковой и его обязанность, или долг, на земле, общественное бытие человека и связанные с ним нормы морали, воспитание человека – вот, пожалуй, главные проблемы, занимающие гуманистов XIV и большей части XV в.

Гуманистический интерес к «человеку вообще», к человеку, представляющему род человеческий, нов и прогрессивен, он означает разрыв с сословным, или корпоративным, человеком. Исходная позиция такого взгляда – признание природного равенства людей, не равенства природных способностей (этого гуманисты не признают), а равенства людей в их «природном» бытии (одинаково телесно устроены, обладают разумом, чувствами, волей, божественной

душой, отличаются от других творений природы). Все стороны природного бытия (природы человека) становятся предметом внимания гуманистов.

В гуманистических трактатах восторженно обсуждается человеческое тело, которое у Манетти названо прекрасным, совершенным и целесообразно устроенным. «Великую и изумительную силу разума» гуманисты подтверждают «великими и замечательными деяниями человека» и его изобретениями и открытиями. Здесь и строительство зданий и кораблей, в их числе Ноев ковчег и знаменитый купол флорентийского собора Брунеллески, и живописные и скульптурные шедевры, в которых мастера способны соперничать с природой, и многочисленные письменные памятники. Пристальное внимание привлекает душевная деятельность человека – чувства и воля. Лоренцо Валла поет настоящий гимн человеческим ощущениям и выдвигает, основываясь на Эпикуре, наслаждение как жизнеутверждающий принцип, пронизывающий все взаимоотношения людей. А Салютати и Манетти отстаивают право на страдание по поводу смерти сына. О любви к детям и семье, о радостях брачной жизни, о чувстве дружбы и еще о многих других привязанностях сообщают гуманисты в своих трактатах. Такими размышлениями о чувствах, к которым вековая аскетическая традиция выработала отрицательное отношение, гуманисты задают новую психологическую ориентацию человека – на земной мир, прекрасный и любимый, на все, что привязывает человека к земной жизни и утрата чего заставляет страдать. А занимаясь проблемой свободной воли, гуманисты дают такое ее решение, которое максимально оправдывает и развивает волевые усилия человека, т. е. делает его активным, ведь «человек рожден не для того, чтобы, покаясь, увядать в праздности, а чтобы быть деятельным», – говорит Альберти.

Итак, в своих рассуждениях о человеке гуманисты видят его волевым, деятельным, эмоционально привязанным к миру. И сам земной мир уже более не воспринимается как юдоль скорби и долина слез, которую надо пройти равнодушно и с наименьшими потерями для души. «Красивейший и наипрекраснейший мир так хорош, – пишет Манетти, – что не может быть лучше ни в действительности, ни в помыслах». Никто не сомневается уже, что жизнь – великое благо, которое не хочется терять, а это обостряет отношение к смерти и заставляет задуматься над проблемой бессмертия. Традиционное бессмертие обретает черты «гуманистического рая», красочно изображаемого Валлой и Манетти в меру фантазии каждого. Но волнует и страстное желание продолжить жизнь на земле в памяти потомков, увековечить себя славными деяниями и подвигами.

Изменив прежние представления о земной жизни, мире и человеке, гуманисты по-новому осмысливают и долг человека на земле. Эти размышления о человеке находят свое выражение в понятии «достоинство», которое включает в себе представление об особом месте и назначении человека на земле, его отличиях от прочих творений. Это представление родилось еще в раннехристианской мысли и понималось достоинство как дарованное Богом человеку, созданному по образу и подобию Божию.

Гуманистическая мысль, сохраняя понятие «образа и подобия», дает *достоинству* совершенно светское толкование, основанное на разработанных в гуманизме представлениях о человеке и мире. Наиболее ярко это делает Манетти в трактате «О достоинстве и превосходстве человека», хотя тему эту начал обсуждать еще Петрарка. В первой книге своего трактата Манетти показывает превосходные качества тела человека, во второй – замечательные, высокие свойства его души, в третьей – человека в гармоническом единстве души и тела. Достоинство человека, по Манетти, заключается в познании и деятельности в мире, что составляет его долг и обязанность и отличает его от других живых существ, свидетельствуя о его «наилучшем качестве и свойстве». Познание и действие сближают человека с Богом и ангелами. Человек продолжает дело Бога на земле, выступает как бы Его соавтором, так как «после первоначального и еще не законченного творения мира» человек все сам создает на земле, доводит до совершенства данные ему мир и его красоты, делая их «более прекрасными и изящными

и с гораздо большим вкусом отделанными». «Ведь люди, словно хозяева всего и возделыватели земли, своими разнообразными трудами обработали ее удивительным образом, украсив равнины, острова, берега пашнями и городами». Но, исполняя свой долг, человек через это познает Бога, любит Его и почитает, и в этом для Манетти состоит «собственное предназначение человека, основание дел и весь смысл блаженной жизни». Так, отождествляя познание Бога и любовь к Нему с долгом человека, т. е. с его познанием и действием на земле (достоинством), Манетти придает достоинству самостоятельное значение и земной смысл, высказывает мысль о творчестве человека – соавтора Бога на земле в деле творения – и дает высочайшее оправдание земной деятельности человека.

Земная жизнь человека мыслится гуманистами как жизнь *общественная*. Тема «мира и монастыря» довольно рано была решена ими (Салютати и др.) в пользу жизни в обществе, жизни без отречения. Гуманисты прекрасно усвоили мысль Аристотеля о человеке как общественном животном, и многим из них наверняка был близок взгляд Бруни: «...достаточность и совершенство человек приобретает из общества». Итальянский гуманизм отличается ярко выраженным социальным характером. Но эта социальность не корпоративно-сословная: место человека в обществе мыслится гуманистами иначе – в соответствии с личными заслугами. Начатое еще Петраркой и продолженное его последователями обсуждение темы «*благородства*» как раз и показывает новый взгляд на человека: благородство не дается знатным происхождением, а приобретается личными усилиями человека, оно составляет внутреннюю ценность личности, в соответствии с чем человек и должен занимать то или иное место в обществе. «Люди могут называться благородными только по праву собственной добродетели» – эта мысль Пикколомини, высказанная, кстати сказать, его венценосному ученику, была близка всем гуманистам. Предлагается, таким образом, иной, отличный от средневекового способ организации общества.

Как идеология, претендующая на самую тесную связь с жизнью, гуманизм рассматривает человека в конкретной среде – городе-государстве, сохранившем еще в Италии XIV–XV вв. в ряде мест (и прежде всего во Флоренции) республиканские формы правления. Так появляется одно из наиболее значительных течений в гуманизме Италии – *гражданский гуманизм*, характерный как раз для городов-республик и идейно тяготевший к Аристотелю и Цицерону. Главными в нем были идеи общественного блага, гражданского служения, гражданско-патриотического поведения, а также гражданского воспитания и самовоспитания. Их наиболее выразительно демонстрировали в своих сочинениях Леонардо Бруни, Маттео Пальмиери, Монтеманьо и другие. Для Пальмиери «среди всех человеческих деяний самым превосходным, наиболее важным и достойным является то, которое совершается ради усиления и блага родины и ради наилучшего положения хорошо устроенного государства». Античные герои, которых гуманист ставит в пример современникам, «будучи благородны душой и в высшей степени мужественны, не имели в душе ничего другого, кроме блага государства и его усиления, ради чего они выносили часто многие трудности, заботы, лишения, опасности, раны, принимали жесточайшую смерть...». Подобные рассуждения соединяются с защитой республиканской формы правления, показом ее преимуществ – законности, свободы и др. У гуманистов, живших не в республиках, а в городах, где устанавливались единоличные формы правления, идеи общего блага, законности, справедливости, свободы трактовались более абстрактно, имели сильную этическую окраску. «Нет ничего ужаснее, чем не взволноваться несчастьями других, нет ничего несправедливее, чем не сострадать чужому горю, нет ничего более несвойственного человеку, чем не проявлять по отношению к другим гуманность» – так рассматривал взаимоотношения людей Маффео Веджо.

Гуманизм был представлен разными течениями, на разных путях искал решения проблем социальной жизни, обсуждая проблемы семьи и брака, хозяйства и собственности, права

и справедливости. Связанные с конкретными общественно-политическими условиями и с разными идейными влияниями различия получали отражение и в этических учениях.

Этические поиски в этот период были исключительно интенсивными. Пожалуй, ни в какую другую эпоху не говорили так много о нравственности, никогда слово «добродетель» (почти исчезнувшее из нашего лексикона) не было столь распространено и исполнено глубокого смысла. *Добродетель* была и совокупностью высоких нравственных качеств в человеке, и образом его поведения и действия, и его славным деянием. Ее понимали всегда как активную, обращенную к людям. «Истинная хвала всякой добродетели заключена в действии», – говорил Пальмиери, выражая, в сущности, точку зрения всех гуманистов. Для всех этических исканий гуманистов характерны земной ориентир, понимание блага земной жизни как высшего, часто также эвдемонистическая окраска этого блага, т. е. толкование его как счастья. А критерии нравственного поведения, т. е. то, что определяло моральную ценность того или иного поступка, осмыслялись по-разному. В этике гражданского гуманизма моральным критерием было *благо общества*; стремление действовать во имя него наполняло высоким смыслом всякий человеческий поступок; служение обществу становилось, таким образом, нравственным долгом человека; путем воспитания и самовоспитания он приходил к осознанию этого долга и формировал в себе необходимые для этого качества.

В этическом течении, связанном с Эпикуром и Лукрецием, выдвигался другой моральный критерий – *личное благо*. Представлявший это направление Л. Валла вывел из свойственного всем живым существам по природе стремления к удовольствию и уклонению от страданий принцип наслаждения, провозгласил наслаждение высшим благом и отождествил его с пользой. И вот на этой сугубо индивидуалистической основе – личной пользе каждого – Валла пытался построить человеческие отношения, согласовать личный интерес с интересами других людей. Как он это делал? Ввел понятие большего и меньшего блага и одним из условий большего блага назвал любовь других людей, доставляющую человеку наслаждение – пользу. Человек должен уметь сделать правильный выбор, правильно осознать свой интерес, и для Валлы-гуманиста, верящего в человека, нет сомнений в том, что это выбор большего блага. Делая правильный выбор, человек, естественно, стремится к собственной пользе, но такой, которая предполагает любовь, доверие, уважение к нему других людей, – в этом высшее наслаждение для человека. Так предлагался, в сущности, другой вариант социальной сплоченности, в отличие от гражданского гуманизма. Следовательно, утилитарная этика Валлы не антисоциальна, у нее просто другое основание – благо личности, критерий морали заключен в самом человеке, в его умении правильно понять свое благо.

Этими нравственными поисками, разумеется, не исчерпывалась деятельность гуманистов. Они (прежде всего Альберти) разрабатывали и варианты гармонической связи общественного блага, интересов семьи и личности. Привлекал гуманистов и стоицизм, внутренне укреплявший личность и помогавший одолевать судьбу, сильнее которой оказывалась добродетель. Интересным были и их рассуждения на темы лицемерия, начатые еще Петраркой и обращенные к средневековым идеологам. Их значение было шире, чем просто моральная дискредитация монахов и схоластов: утверждаемое при этом единство мысли, слова и поступка несло в себе высокий нравственный смысл.

Все эти замечательные в своем роде попытки рассмотреть человека самого по себе и его бытие в обществе пронизаны были верой в человека, в его способность достичь гармоничных отношений с людьми, обществом и государством, в его умение усовершенствовать и украсить мир, продолжая дело Бога. И все же гуманисты исходили скорее не из сущего, а из должного, говорили о том, что должно быть. Весь гуманизм был, в сущности, педагогичен, он был одним большим Наставлением человечеству.

Если же говорить о педагогике в собственном смысле слова, то на конец XIV и XV в. (в основном его первую половину) приходится взлет педагогической мысли. Именно в это время

было написано большинство трактатов по воспитанию, сформировалась педагогическая мысль итальянского гуманизма как относительно цельное явление, появились и знаменитые гуманистические школы Гуарино да Верона и Витторино да Фельтре, так прославившие Италию. И это не случайно. Итальянская гуманистическая наука воспитания – плоть от плоти гуманизма этого периода со всеми его особенностями. Веря в добрую природу человека и крепкое социальное начало в нем, гуманисты именно на человека возложили все свои надежды, но на человека должным образом воспитанного. Поэтому целенаправленное воспитание рассматривалось как самое эффективное средство совершенствования самого человека, а через него и благоденствия общества, в котором человек живет, ибо человек, по мнению гуманистов, воспитывается для себя, для семьи и для общества. Об идеях воспитания будет сказано ниже, здесь же важно лишь подчеркнуть неотделимость гуманистической науки воспитания от гуманизма указанного периода.

* * *

В последней трети XV в. в итальянском гуманизме сформировалось новое течение – *флорентийский неоплатонизм*. Оно явилось дальнейшим развитием гуманизма, связанным с попыткой перейти от обсуждения этических и социальных проблем, волновавших предшествующих гуманистов, к проблемам общеполитическим. В Средние века эти проблемы в силу религиозного характера мировоззрения эпохи приобретали специфическую форму, выливаясь в обсуждение вопроса о Боге и мире. Так что, начав заниматься этим вопросом, гуманисты вторглись в темы, бывшие всегда предметом обсуждения теологов.

С помощью идей Платона и неоплатоников, чьи произведения были переведены с греческого главой Флорентийской неоплатоновской академии Марсилио Фичино, гуманисты начинают иначе, чем в средневековом богословии, решать вопросы соотношения мира и Бога, Бога и человека, а также места человека в мире. По христианскому вероучению, Бог сотворил мир из ничего, и, созданный из ничего, мир противоположен Богу, два разных начала лежат в их основе: Бог – это дух, а мир – материя, произведенная из «ничто» и потому ничтожная. У флорентийских неоплатоников мир создается эманацией (истечением) божественного Единства в мир, в результате чего мир наполняется божественностью и предстает как гармоничный, прекрасный, пронизанный любовью. Через это обожествление мир получает наивысшее оправдание. Предельно возвышен и человек, способный (у Фичино) собственными силами, без помощи божественной благодати, подняться до Бога.

Возвышение человека у неоплатоников – это возвышение его духа. Главным в человеке для них является, в соответствии с учением Платона, его душа. Исчезает столь характерное для предшествующего гуманизма понимание человека как гармоничного единства души и тела. Теряется и чувственное восприятие мира, и зримое ощущение красоты мира и человека, столь восторженно передаваемое гуманистами. Гуманизм стал более философски обоснованным, но утратил некоторые достижения предшествующего периода.

Поэтому и тема достоинства человека, в решении которой ясно видны особенности гуманизма неоплатоников, получает иное выражение. У Фичино достоинство человека проявляется в божественности его души. В такой постановке вопроса нет возврата к средневековому взгляду на достоинство. Действительно, что означает у Фичино божественность души? Прежде всего бесконечность и универсальность человеческого духа: душа все может и стремится быть везде. И потому человек использует все вещества мира – элементы, камни, металлы, растения и животных, он попирает землю, бороздит воды, вздымает в небо высочайшие башни, единственный из животных пользуется огнем, поднимается в небо, измеряет его, выходя сверхнебесной мыслью за его пределы. Господин и правитель мира, он всем повелевает, заботится обо

всем живом и неодушевленном, украшает мир. Он есть некий бог, бог животных, бог элементов.

Божественность души человека проявляется также в его творческих способностях. В отличие от животных, получивших от природы некоторые навыки и неспособных их развивать, человек изобрел многочисленные искусства и постоянно их совершенствует. Он выступает соперником самой природы, и сила его почти подобна силе божественной природы. Не защищенный телесно от природы, человек сам добывает для себя пищу, одежду, создает жилища, орудия и поддерживает себя полнее, чем природа животных.

Но человек заботится не только о телесных нуждах; пренебрегая служением телу, он развивает свободные искусства и достигает в них высот, как Архимед, понявший строение небес и построивший медную сферу, воспроизводящую их движения. А потому, узнав строй небес, человек становится обладателем почти такого же таланта, как и создатель небес, и он сможет сделать сами небеса, если найдет необходимые орудия и небесную материю. Человек, таким образом, достигает высот божественного творчества, становится чуть ли не соперником Бога в творении мира, ибо обретает способность этот мир воссоздавать.

Наконец, божественность души проявляется, по Фичино, в бессмертии. Человек собственными силами может подняться к искуплению и очищению. Самопознанием он открывает в себе Божественное.

Фичино не ограничивает человека его земным предназначением, но он и не призывает его к отречению от мира. Полностью оправдывая человека, Фичино ориентирует его в земном мире на высочайшее и верит в его способность достичь этого. Он идет далее Манетти в возвеличивании человека, но чтобы так высоко вознести человека, сказать о его неограниченных возможностях, он возвышает дух, способности души, разрывая столь прочную в предшествующем гуманизме связь души и тела.

Несколько иное понимание достоинства складывается у Джованни Пико делла Мирандола, близкого к флорентийским неоплатоникам. Человек у Пико в структуре мироздания (мир ангельский, небесный и подлунный) не занимает определенного места, а является «соединением и связью» трех миров. Он соединяет земное и небесное и заключает в себе все природы, сливающиеся в нем в одном. И потому положение его исключительное: ему подвластны земля, стихии, животные, для него трудятся небеса, о его спасении и благе пекутся ангелы. Достоинство человека заключается у Пико в его способности путем свободного выбора к самоопределению. При творении мира, пишет гуманист в «Речи о достоинстве человека», Бог не дал человеку ясно определенной сущности или природы, но дал ему свободную волю и зародыши всякого вида жизни. Человек вправе выбирать между различными природами или путями жизни. Он может низко пасть и высоко подняться. Обладая свободой выбора, человек в этом выборе себя формирует. Пико, как видим, по-своему понимает библейское повествование о создании Богом человека. Свобода воли, по Библии, была дана человеку, созданному по образу и подобию Божию, до грехопадения, грехопадение извратило эту свободу, и с тех пор, поступая по собственному усмотрению, человек выбирает неверно, для правильного выбора ему нужна Божественная благодать. Пико не прибегает к идее «образа и подобия» и ничего не говорит о грехопадении и Божественной благодати. Разумеется, у него хорош и желателен не всякий выбор. Долг человека – выбрать высшую форму моральной и интеллектуальной жизни, только тогда, когда выбрана наивысшая возможность, и реализуется полностью достоинство человека.

Неоплатоники максимально возвысили человека и в его земных деяниях, в которых он соперничает с божественной природой, и в его способностях к самоформированию. Они довели до логического конца и философски обосновали наметившуюся еще ранее тенденцию в гуманизме к возвеличиванию человека, выше поднять человека было уже невозможно.

Предельная идеализация человека, вознесение его до небес не были достоянием всего гуманизма. Особый взгляд на человека складывался в это же время в *кругах гуманистов*, так

или иначе *связанных с университетом, с естествознанием*, с аристотелевской традицией. Так, для болонских гуманистов Кодро Урчео, Филиппо Бироальдо человек – создание сложное, хрупкое, бренное, вечно меняющееся, грешащее себялюбием. «Человек – капля, а мнит себя земным богом», – говорит Бироальдо. В своих размышлениях о человеке он пользуется народной мудростью, почерпнутой из пословиц. Не воспарять ввысь, а заняться земными делами, отложив Божественное, исследовать человеческое – так толкует Бироальдо Сократа.

Человека, по мнению этих гуманистов, возвышает знание, оно является наивысшим человеческим стремлением. Знание и созидание составляют, по Кодро, достоинство человека, но оно не дано человеку, а каждодневно завоевывается в борьбе с враждебными вещами. Более реалистический взгляд университетских гуманистов на человека испытывает влияние близкого соседства с медиками и натуралистами, т. е. он несет на себе в какой-то степени печать науки. А влияние гуманистов на окружение дает о себе знать трактатами их коллег по университету схоластов, специально посвященными человеку. В них подробно описываются человеческое тело, его внутренние и внешние части, здоровье и болезни, делаются попытки сугубо натуралистического объяснения телесного устройства человека.

Свойственное университетским гуманистам более реальное видение человека наблюдалось и у других деятелей Возрождения, таких, например, как Поджо Браччолини, Альберти. Такое видение как бы уравнивало собой предельное возвышение человека, свойственное флорентийскому неоплатонизму, открывало путь научному подходу к человеку – путь, на который гуманисты не вступили, а по которому пошли такие ученые-естествоиспытатели, как Леонардо да Винчи.

Гуманизм в Италии продолжал развиваться и в XVI в., порой являя миру поразительные взлеты мысли (историческая и политическая мысль Никколо Макиавелли), но он все больше уступал место натурфилософии, науке, эстетике, оказав на них серьезное влияние. Очень сильно он повлиял и на гуманистическое движение в других европейских странах, которое с конца XV в. начало распространяться в Европе.

* * *

Европейский гуманизм XVI в. являет собой новый уровень размышлений о человеке и мире, отразивший в себе все коллизии жизни: наступающую Реформацию и затем Контрреформацию, бурное развитие в ряде стран капиталистических отношений, острые религиозно-политические и социальные конфликты, народные движения, Великие географические открытия, расширявшие горизонт, – т. е. все то, что отсутствовало или было слабо выражено в Италии в момент наиболее высокого подъема ее гуманизма и что в самом европейском гуманизме XVI в. обусловило ряд особенностей.

Гуманизм XVI в. – более сложное явление по сравнению с гуманизмом Италии XIV–XV вв. Он воспринял ряд идей итальянского гуманизма и развивавшейся в XVI в. итальянской натурфилософии (благодаря книгопечатанию и частым поездкам гуманистов из других европейских стран в Италию распространение идей значительно ускорилось), однако стал более зрелым и менее зависимым от античных учений, в нем даже появляется критическое отношение к древности (особенно у Хуана Луиса Вивеса); все ошутимее влияют на него жизненная практика, социальные коллизии.

Гуманизм XVI в. оказался теснее связан с проблемами национальной жизни – общественной и религиозной: своей критикой католицизма гуманисты подготавливали Реформацию (Эразм Роттердамский и немецкие гуманисты), их волновали проблемы объединения государства (Ульрих фон Гуттен в Германии), политики и политической власти, будь это защита сильного единовластия у Никколо Макиавелли и Жана Бодена или критика тиранической единоличной власти у Этьена Ла Боэси; они начали откликаться на обострившиеся соци-

альные проблемы (бедности, лишения производителей средств производства – Томас Мор, Х. Л. Вивес).

Сильнее звучит в гуманизме критическая струна, и объекты критики теперь не только католическая церковь, невежество, лицемерие и моральные пороки (у немецких гуманистов и Эразма эта традиция блестяще продолжена, достаточно вспомнить «Похвальное слово глупости» Эразма или «Корабль дураков» Себастьяна Бранта), но и войны (Эразм) и ужасы религиозной борьбы (Мишель Монтень), а также государство и его политика, общественные институты (Франсуа Рабле, Мор), а в числе обличаемых гуманистами пороков появились невиданные доселе фанатизм, нетерпимость, жестокость, ненависть к человеку и др. Гуманизм XVI в. (особенно на севере Европы) испытал более сильное, чем в Италии, влияние христианства, особенно раннего; представлявшие «христианский гуманизм» Эразм, Джон Колет, Мор и другие понимали христианство как этическое учение, в основе которого лежит любовь к ближнему и активное преобразование общества на основе учения Христа; так толкуя христианство, гуманисты соединяли его с требованиями природы, считали не чуждым античной культуре.

Хотя гуманизм XVI в. и отличался от раннего гуманизма, он сохранял присущие этому мировоззрению любовь к древности, веру в силу знания, в высокую миссию воспитания, интерес к человеку. Разумеется, взгляд на человека претерпел изменения. Исчезает идеализация человека, характерная для раннего гуманизма, его безудержное возвышение сменяется критическим отношением, свойственным Макиавелли, Эразму, Монтеню и др. Человек перестает рассматриваться как совокупность неизменных природных свойств, он воспринимается теперь как развивающееся, постоянно меняющееся, противоречивое существо; растет сомнение в доброте человеческой природы.

Поскольку поставлены под вопрос и добрая природа человека, и социальный инстинкт, начинаются поиски иных оснований для учений о лучшей жизни, лучшем обществе и лучшем человеке. При всем громадном различии Мора и Макиавелли они сходятся в своей попытке посмотреть на человека через призму *общественных отношений*. В отличие от гуманистов-предшественников, рассуждавших в категориях должного, Макиавелли ищет «настоящую, а не воображаемую правду вещей», он исходит не из идеала, а из реальности. Он пытается посмотреть на человека как на такового, каков он есть, и находит, что каждый стремится к удовлетворению собственных интересов, жаждет богатства, испытывает страх перед силой и наказанием. «Люди вообще неблагодарны, непостоянны, вероломны, робки и жадны» – такой приговор выносит он человеку. В этих условиях всякий желающий добиться успеха не может действовать исходя из принципов должного, он обязан действовать в соответствии с обстоятельствами, с учетом природы людей, проявлять энергию, разумно оценивать ситуацию, выбрать нужные методы. В этом заключается содержание *virtù* (добродетель – *итал.*) – качеств характера у Макиавелли, столь отличных от добродетели гуманистов XV в., которая пронизана нравственным стержнем. Но от человека, обладающего *virtù*, зависит устройство сильного государства, в таком убеждении Макиавелли, несомненно, лежит гуманистическая идея, вера в огромные возможности личности. Сильная власть в государстве – не самовластье правителя, преследующего личные цели, смысл ее – забота о государственном интересе, и ради его осуществления провозглашаются оправданными все средства. Идеал сильной власти был рожден в трагических условиях раздробленной Италии, находившейся под гнетом чужеземцев, он мог восприниматься как призыв к национальному объединению. И все же освобождение политики от морали, или, вернее, подчинение морали политике не стяжало в истории славы талантливого политическому мыслителю.

Сомневаясь в доброй природе человека, Макиавелли считал, что «люди поступают хорошо лишь по необходимости». Он рассматривал власть, государство, законы, зародившиеся, с его точки зрения, в результате общественного договора в целях самосохранения людей, как способные обуздывать их стремление к удовлетворению собственных интересов. Вспом-

ним, как совсем иначе решал подобный вопрос Валла, возлагавший надежды на человека и веривший в него.

Если государство у Макиавелли способно ставить преграды дурной природе человека, то у Мора дурной человек – вор, бродяга, достойный виселицы разбойник – порождение плохо устроенного государства, отношений в обществе. Объединяющая обоих мыслителей идея – влияние на человека отношений в обществе и государстве. Хотя зародыши подобных воззрений можно усмотреть еще в гражданском гуманизме XV в., только в XVI в. эта мысль была высказана достаточно ясно. А у Мора она получила обоснование и логическое развитие в его государстве утопийцев, где волей своей фантазии он создает такие общественные отношения, которые позволяют человеку быть нравственным и реализовывать все свои возможности, как их понимали гуманисты. Недаром для утопийцев важно, что государство обеспечивает, «насколько это возможно с точки зрения общественных нужд, всем гражданам наибольшее количество времени после телесного рабства для духовной свободы и образования». В этом, по их мнению, заключается счастье жизни. Об этом мечтали все гуманисты, только ранние, с их беспредельной верой в человека, пытались осуществить это, идя от человека. Теперь намечается противоположный подход – от государства. Думается, что и расцвет утопической мысли в XVI в. имеет с этим прямую связь.

Изменившийся взгляд на человека отразился и на понимании гуманистами поступательного развития человеческого общества, хотя, конечно, в первую очередь на таком понимании сказались реальные достижения науки и техники. У итальянских гуманистов XIV–XV вв. поступательное развитие общества мыслилось как нравственный прогресс, основанный на совершенствовании человека. В XVI в. идеи нравственного совершенствования ослабевают или вообще исчезают в размышлениях о прогрессе, и главным двигателем развития человеческого общества начинают считать науку и производство. Чтобы появилось такое понимание прогресса, надо было изменить отношение к Античности, в которой ранние гуманисты видели образцы, искали идеалы; надо было, кроме того, достаточно сильно утвердить идею творчества. Подступы к этому были уже у Манетти, говорившего, что человек совершенствует и украшает мир, данный ему Богом в неотделанном виде, у Фичино, назвавшего способность человека к творчеству одним из качеств его божественности (Фичино высоко ценил успехи наук своего времени, роль книгопечатания). Но только в XVI в. гуманисты отдадут ведущую роль в развитии человеческого общества, наряду с наукой, военной технике, книгопечатанию, текстильному и металлургическому производству и др. Теоретически обосновывать это представление выпадет уже на долю Ф. Бэкона, он же придумает и прекрасный художественный образ для идеи прогресса – эстафета с факелами. Исторический оптимизм Возрождения и гуманизма не был исчерпан, но человек выступает теперь не столько в нравственном своем качестве, сколько во всемогуществе мысли и созидания. И все же это была утрата одной из самых гуманистических идей.

Гуманисты XVI в. сказали новое слово и о природном человеке. Позиция Мишеля Монтеня, сокрушившего *антропоцентризм*, отказавшего человеку в высоком титуле царя Вселенной, пожалуй, самая радикальная и равнозначна лишь идеям Коперника и Дж. Бруно, лишивших Землю центрального места во Вселенной.

Но попытки в этом направлении делались еще до Монтеня. Оправдание человека через природу, столь характерный для Возрождения интерес к животным и стремление найти в их жизни образец поведения для человека, оценить их чувства встречались и ранее. У мыслителей XVI в., испытавших влияние флорентийских неоплатоников и натурфилософии, включение человека в природу стало еще полнее. В частности, француз Шарль де Бовель понимал человека в неразрывной связи с миром: человек – сознание мира, в его разум смотрится мир, чтобы найти в нем смысл своего существования, познание человека неотделимо от познания мира, и начинать надо с мира, чтобы прийти к познанию человека. А у немецкого мыслителя и ученого Парацельса связь человека и мира (природы) утверждается с помощью древней идеи

микро- и макрокосма, причем микрокосм (человек) состоит во всех своих частях из тех же элементов, что и макрокосм, так же развивается и, будучи частью мира или природы, через него и познается. Полное тождество макро- и микрокосма у Парацельса было уже отходом от антропоцентризма, хотя это не помешало мыслителю утвердить мысль о могуществе человека, о его способности влиять на макрокосм (равно как и макрокосм влиял на человека), но могущество это утверждалось не на пути развития науки, а на магики-мистических путях.

Все более полное включение человека в природу вело к новому методу познания человека – через природу, что означало отказ от способа самопознания человека, предложенного Петраркой; но гуманизм этого метода по-настоящему не сформировал, хотя влияние натурализма на нем ощущалось (у Рабле, Бодена и др.). Но отход от антропоцентризма был сделан. Монтень в своей книге «Опыты» в опыте «Апология Раймонда Себундского» ставит под вопрос привилегированное положение человека в мире природы. Человек объявляет себя властелином Вселенной, мнит себя стоящим выше Луны и попирающим небо, равняет себя с Богом и выделяет себя из своих собратьев и сотоварищей в природе, преуменьшая их возможности, наделяя их такой долей сил и способностей, какой ему захочется. Но как он может знать внутренние, скрытые от него душевные движения животных? На каком основании приписывает им глупость? «Когда я играю со своей кошкой, кто знает, не забавляется ли она скорее мною, чем я ею?» – этот знаменательный вопрос ясно обозначает позицию Монтеня: человек – не царь Вселенной и не центр мироздания. «Почему, например, гусенок не может утверждать о себе следующее: “Внимание Вселенной устремлено на меня: земля служит мне, чтобы я мог ходить по ней; солнце – чтобы мне светить; звезды – чтобы оказывать на меня свое влияние... я любимец природы. Разве человек не ухаживает за мной, не дает мне убежища и не служит мне?”»

Монтень всячески подчеркивает близость людей и животных, показывая, что разум и чувства, определенные знания и умения, способность к обучению и искусство строительства, дар речи – все это свойственно и животным. У человека нет преимущества.

Смысл такой позиции Монтеня, разделяющей его и с христианским антропоцентризмом, и с гуманистическим возвышением человека до Бога, – в наиболее полном включении человека в природу. «Человек не выше и не ниже других», – говорит Монтень; он, как и все остальные существа, живет, подчиняясь законам природы.

Но жизнь в согласии с природой, в которой человек не имеет никаких преимуществ, не унижает человека, напротив, это подлинно человеческая жизнь, по мнению Монтеня. Она означает прежде всего уважение к человеческому естеству, ибо «презрение к естеству – самая зверская из человеческих болезней»; тело и душа должны действовать совместно и гармонично, помогая друг другу, внося в отношение человека к жизни и наслаждение, и разумную умеренность. Жизнь, согласная с природой, означает положительное отношение к жизни, умение жить «по-человечески», и оно Монтенем ценится превыше всего: «Действительно, умение проявить себя в своем природном существе есть признак совершенства и качество почти божественное». И заключается это умение, составляющее у Монтеня подлинное достоинство человека, в том, чтобы жить просто и естественно, в духе разума, но без его химер – фанатизма, догматизма, иллюзий, жить умеренно, терпимо, без ненависти. Во времена фанатизма, нетерпимости и жестокости религиозных войн Монтень призывал человека оставаться человеком и находил в природе то надежное и устойчивое основание, которое позволяет человеку быть таковым, осознавая свое единство с «братьями меньшими».

Жизнь в согласии с природой имеет у Монтеня нравственную окраску. Однако нравственные поиски гуманиста не исчерпываются природой, они сложны и противоречивы. Критерий морального поведения личности он ищет в моральных устоях личности, в совести, ибо «вовсе не все может позволить себе порядочный человек, служа своему государю, или общему благу, или законам». Но он признает и нравственную ценность общественных устоев, нравов и

обычаев, которые – в чем Монтень смог убедиться с открытием Нового Света – повсюду разные. Заслуживают внимания раздумья Монтеня над этими проблемами, осознание трудности их разрешения; они ведь и впрямь труднейшие для человечества. В своих этических поисках Монтень продолжает и углубляет размышления на нравственные темы гуманистов-предшественников, его блестящий опыт самоанализа в «Опытах» заставляет вспомнить самопознание Петрарки, а педагогические идеи – славных итальянцев XV в. Взгляды Монтеня – последнее слово гуманизма, в котором и связь с великим гуманистическим наследием прошлого, и знак эволюции – отхода от прежних идеалов, но такого отхода, который поставил зрелый гуманизм вровень с проблемами времени.

* * *

Неотделимые от развития гуманизма идеи воспитания занимали в нем исключительное место, ибо целенаправленное воспитание было главным путем осуществления в жизни гуманистических идей, внедрения их в общественное сознание.

Италия, давшая миру первых гуманистов, дала и первых теоретиков гуманистического воспитания, и первых всеевропейски известных гуманистических педагогов. Расцвет педагогической мысли в Италии, как уже было сказано выше, приходится на XV в., точнее, даже на его первую половину, но и предшествующий период гуманизма оказался важным для становления науки воспитания. Роль Петрарки здесь исключительна, хотя сам он никогда специально не занимался вопросами воспитания. Помимо того, что он поставил человека в центр познания, он связал еще неразрывными узами *знание и нравственность*. Знание, считает он, должно обладать силой влияния, и притом не только на разум, но и на чувства и волю, оно должно заставлять человека меняться к лучшему, а не только сообщать ему сумму сведений. «Я читаю не для того, – говорил Петрарка, – чтобы стать красноречивей и изворотливей, а для того, чтобы стать лучше». В моральном воздействии знания гуманист видит его связь с жизнью, его польза, а образованность сама по себе для него бесполезна. Главное – «обращать прочитанное в правило жизни»; и «знание литературы полезно тогда, когда оно переходит в действие и в делах, а не на словах оправдывает себя». В противном же случае «ясно и быстро понимать многие и замечательные вещи, цепко помнить, говорить красиво, писать искусно и сладостно декламировать – все это орудия пустой кичливости, бесполезный труд и шумиха».

Провозглашенная Петраркой связь знания и нравственности обозначала педагогический характер гуманизма в целом, а в самой педагогике предопределила первенствующую роль воспитательных задач. Для становления гуманистической науки воспитания были важны и конкретные требования Петрарки к знанию, которое для него уже не было заключено в рамки свободных искусств, а включало историю, поэзию, моральную философию, ставшие вместе с грамматикой и риторикой основой гуманистического образования; важны также его размышления о миссии учителя как воспитателя прежде всего, идеи воспитания и самовоспитания.

На развитие идей гуманистического воспитания серьезно влияла и деятельность педагогов-практиков, одним из которых был Джованни Конверсини да Равенна. Его личный опыт обучения в средневековой школе и собственное многолетнее преподавание дали ему материал для размышлений о роли учителя и семьи в воспитании, об обстановке в школе, о новых методах воспитания. В его рассуждениях на темы воспитания ясно обозначился поворот к воспитательным задачам образования.

Становлению идей гуманистического воспитания помогала борьба гуманистов, и прежде всего Салютати (позже Бруни, Гуарино), за светское образование и античную культуру. Их противники – монахи (к примеру, Дж. Доминичи, писавший против гуманистов и оспаривавший необходимость изучения античных авторов) и сторонники средневековых воззрений –

видели в античных книгах язычество и безнравственность. И гуманистам потребовалось много сил и красноречия, чтобы отстоять в образовании античную культуру.

Ранний гуманизм подготовил расцвет педагогических идей в XV в. В это время появляются первые, специально посвященные задачам воспитания и образования трактаты (Верджерио, Бруни, Веджо, Пикколомини и ряда других гуманистов, чьи работы известны лишь по названию, так как не дошли до нас). Педагогические вопросы широко обсуждаются в сочинениях на темы социальной жизни, семьи и брака (Фр. Барбаро, Альберти, Пальмиери, Фруловизи и др.). В этот же период создаются знаменитые гуманистические школы Витторино да Фельтре – в Мантуе и Гуарино да Верона – в Ферраре, о деятельности которых мы знаем в основном по воспоминаниям учеников и современников и отчасти из писем Гуарино.

Развитие идей воспитания неотделимо от развития гуманизма в целом, многие идеи гуманизма становятся достоянием педагогики, тем более что на темы воспитания писали те же самые гуманисты, которые обсуждали различные проблемы человека, и нет гуманистов, писавших только о воспитании. Педагогическая мысль не связана с каким-либо одним течением гуманизма, она творчески заимствует и взгляды на природу и добродетель, и гражданские идеи, и мысли о гармоничном развитии, и многое другое. О воспитании пишут гуманисты Падуи и Флоренции, Милана и Рима, Венеции и Феррары. Но все же более заметный вклад в развитие педагогической мысли, в практику воспитания принадлежит, пожалуй, Северной Италии, где через падуанскую школу прошли крупнейшие теоретики и практики воспитания – Верджерио, Витторино да Фельтре, Гуарино; с севером Италии связаны и такие имена, как Фр. Барбаро, Конверсини да Равенна, Веджо, Филельфо, Фруловизи и др.; на севере же возникли знаменитые гуманистические школы.

Идейные истоки гуманистической педагогики такие же, как у гуманизма в целом, – Античность, христианство, средневековая мысль. Правда, были у педагогики и свои авторитеты – трактат Квинтилиана «О воспитании оратора» (открытый в полном объеме в 1417 г. в библиотеке монастыря Сен Галлен Поджо Браччолини), трактат Псевдо-Плутарха «О воспитании детей», переведенный с греческого на латинский язык Гуарино в 1411 г. (гуманисты считали этот труд, вышедший из кругов Плутарха, работой самого Плутарха и широко использовали наряду с его «Жизнеописаниями»), и ряд других работ. Не исключено знакомство гуманистов с педагогическими трактатами Средневековья, хотя прямых ссылок нет; использовали они и опыт рыцарского воспитания.

В рассуждениях итальянских гуманистов XV в. на темы воспитания так много общего в главных установках, что это дает основание говорить об их взглядах как о своего рода концепции воспитания.

Рассмотрим наиболее характерные черты этой концепции. Как и гуманизм в целом, гуманистическое воспитание по своему духу было светским. Оно ориентировало человека исключительно на земную жизнь, хотя с религией ни в коей мере не порывало и утверждало благочестие как важную характеристику человека.

Как и гуманизм в целом, оно было обращено к «человеку вообще» и потому было лишено сословных черт и социально открыто, и в этом смысле его можно считать демократичным и антифеодальным. Гуманистическое воспитание не преследовало профессиональных целей, оно не готовило человека ни к учительству, ни к священству, ни к миссионерству, ни к торговой деятельности, главная его задача заключалась в том, чтобы воспитать человека. И потому гуманистические трактаты о воспитании, даже посвященные воспитанию детей государя (например, трактат Верджерио), имеют самое широкое звучание.

Итальянскую науку воспитания отличает целенаправленный характер, неразрывная связь образования и воспитания, приоритет воспитательных задач. Эту главную идею хорошо выражает Бруни, когда говорит, что *studia humanitatis* названы так потому, что совершенствуют и украшают человека, а цель их – сформировать нравственного человека: «Ведь все эти науки

нацелены на формирование нравственного человека, ничего полезнее этого нельзя и помыслить». Воспитательные задачи образования неотделимы у гуманистов от социальных, они прекрасно осознают общественную ценность хорошего воспитания. Альберти, разделяя с прочими гуманистами мысль о том, что хорошее воспитание является наилучшим наследством, которое родители могут дать детям, советует им приложить все силы, чтобы сделать своих детей «благовоспитанными и честнейшими, потому что это будет полезно для них самих (ибо благовоспитанность юношей ценится не меньше, чем богатство), а также принесет славу и похвалу дому, родине и им самим: если не ошибаюсь, лучше для отечества иметь граждан добродетельных и честных, чем очень богатых и могущественных».

Приоритет воспитательных задач подчеркивается и огромным вниманием к семье, которое столь характерно для итальянского гуманизма. Семья – это место, где начинается формирование человека, и потому родители должны еще до рождения ребенка, говорит Веджо, позаботиться о его нравственности; а для этого им следует прежде всего самих себя воспитать в духе добродетели, чтобы быть в дальнейшем примером для своих детей, ведь те, как обезьяны, все перенимают и, переняв, на протяжении всей жизни крепко держатся этого. Сколь велика же тогда ответственность родителей, о которой, кроме Веджо, говорят Пальмиери, Альберти и др.

В высоких требованиях, предъявляемых гуманистами к учителям, содержатся условия, важные для задач воспитания: учителя должны быть не только прекрасно образованными и знающими свое дело, но и людьми высоконравственными, со спокойным и мягким характером, доброжелательными, проникательными и умеющими понимать ребенка. «Чем глубже культура учителя и чище его нравы, тем более прочные ростки добродетели и учености он оставит в детях своим преподаванием» – в этом убежден не один Веджо, пишущий эти строки. При этом даже для детей раннего возраста надо искать наилучшего учителя, ведь столь важно, полагают гуманисты, заложить с самого начала добрые основы.

В науке воспитания огромную роль гуманисты отводят природе. Опираясь на Псевдо-Плутарха, они считают природу вместе с «дисциплиной» (наставление, руководство, метод) и «упражнением» (практика) основой образования и воспитания. С помощью природы, авторитет которой, как мы уже знаем, в гуманизме был очень высок, они утверждают идею обоюдного воспитания души и тела, и в частности физического воспитания. Так как душа и тело взаимно влияют друг на друга, то через физические особенности (жесты, походку и др.), полагают они, можно узнать душевные свойства, а в характерах детей они пытаются усмотреть влияние физических начал, физиологии и склонны даже рассуждать, видимо, не без влияния Аристотеля, об особенностях психологии подростков. Конечно, при малом знании физиологии и психологии в те времена все эти попытки еще очень несовершенны, подчас наивны, однако важно, что гуманисты не ограничиваются рассуждениями, а стремятся дать советы и рекомендации родителям и учителям: постоянно наблюдать за детьми, выявлять путем наблюдения природные склонности, особенности характера и индивидуальные свойства и применять в зависимости от этого различные методы подхода к детям.

Природа признается важным фактором и в нравственном воспитании. Вопрос о соотношении природы и нравственности был для гуманистов животрепещущим – он ведь и для нас не утратил значения, и нам небезынтересно узнать, заложено ли что-то от природы в человеке. И хотя наука не находит никаких семян добра, мы продолжаем этот вопрос ставить. А в эпоху Возрождения, когда не изжиты еще были представления о первородном грехе и извращенности природы человека и когда сами гуманисты развивали мысли о природе – доброй матери, на этот вопрос ответы, естественно, давались разные, подчас противоречивые. Многие признавали доброту человеческой природы, говорили о семенах добра, заложенных в людях, которые необходимо взращивать. Другие полагали, что человек не рождается ни добрым, ни злым, а несет в себе семена и добра, и зла; третьи помнили еще о первородном грехе. Но в любом случае гуманисты высоко оценивали роль обучения и воспитания в формировании нравствен-

ности – и во возвращении ростков добра, и в смягчении и обуздании дурных наклонностей. Хорошо сказал об этом Веджо: «От природы нет ничего врожденного, чего нельзя было бы, не говоря совсем, но, по крайней мере, отчасти, исправить, если только приложить искусство и ученую руку наставника».

Что же касается способностей от природы, то умению их распознавать придается большое значение, ведь тогда можно направить ребенка в нужную сторону. Гуманисты признают всеобщую склонность людей к познанию, неустанную деятельность и изобретательность ума, а неспособность к обучению склонны считать неестественной. Однако они подчеркивают, что способности у людей разные; способности – как земли, по выражению Витторино да Фельтре, из которых «одни пригодны для пастбищ и скота, другие – для виноградников и пшеницы, никакая земля, однако, не остается сама по себе неплодородной». Так что каждый получает от природы нечто, и важно узнать, что именно, чтобы не ошибиться в выборе занятий для ребенка.

Основное содержание гуманистического воспитания заключается в гармоническом развитии, представления о котором излагаются в трактатах гуманистов. Эти представления шире и разработаннее, чем в Античности, хотя связь очевидна. Гармония души и тела, о которой говорил еще Платон (Тимей, 87е-89а), расшифровывается в духе гуманизма, унаследовавшего христианскую оценку души и душевной деятельности. Поэтому наряду с требованием всестороннего образования (по своему содержанию глубоко отличного от древнего) и физического воспитания (несводимого к гимнастике) обязательным и наиболее важным элементом этой гармонии становится нравственное воспитание. Оно понимается как воспитание в ребенке высоких нравственных качеств – добродетели, а добродетель, как мы знаем, всегда активна, проявляет себя в поступках, обращена к людям, поэтому нравственное воспитание оказывается одновременно и социальным, а также граждански-патриотическим.

Гуманисты понимают, что добродетель как абстрактное понятие недоступна детскому разумению (Верджерио специально это отмечает), и поэтому они предлагают воспитывать в детях нравственные и социально значимые качества, поощряя их стремление к похвале, их боязнь позора и бесчестия, склонность к деятельности, отрицательное отношение к праздности. В детях воспитывается благочестие, любовь к родителям и родине, уважение к старикам, почитание учителей. Детей учат вообще доброжелательно относиться к людям – чтобы не было в ребенке ненависти или пренебрежения, чтобы не был он упрямым и мстительным. Наряду с ориентацией на внешнее одобрение (не быть капризным, черствым, легкомысленным и др.) рекомендуется и во внешнем поведении проявлять доброе отношение к людям – иметь лицо бодрое и веселое, «чтобы было видно, что всем желаешь здравствовать, что нет в тебе ненависти к людям».

Признается польза труда, каких-либо занятий и вред бездействия и одиночества для детей, питающего дурные мысли и развращающего детей. В размышлениях гуманистов чувствуется бережное отношение к личности ребенка (оценка телесных наказаний как оскорбляющих личность; признание вредными всяких нелепых уменьшительных имен и прозвищ, сохраняющихся и у взрослых; а также всего того, что внушает страх и воспитывает трусость и др.).

Физическое воспитание, на которое обращают внимание все гуманисты, пишущие на темы воспитания, понимается ими широко. Это прежде всего физические упражнения (гимнастика), соединяющие античное пятиборье с элементами физического воспитания рыцарства; это закаливание – холодом, длительным бодрствованием, трудом и др.; наконец, это подвижные игры на воздухе, прогулки, танцы, важные, кроме прочего, и для хорошей осанки, т. е. активные виды отдыха, а также правильное питание и сон.

Физическое воспитание действует на организм разносторонне, оно через тело влияет и на душу – ведь гуманисты рассматривают их во взаимосвязи. Поэтому физические упражнения влияют и на психическое состояние и настроение человека, они, по словам Альберти, одно

из естественных лекарств, которым каждый может лечить себя без опаски; кровь становится чище, тело – крепче, ум – быстрым и живым. И напротив, от покоя и бездействия тело слабеет, становится медлительным и сонным, а ум тупеет и теряет ясность. Так же и в закаливании – вместе с телом закаляется дух, а изнеженность расслабляет то и другое.

Во всех видах физического воспитания гуманисты рекомендуют соблюдать меру и соотносить воспитание с возрастом и силами детей. А цель физического воспитания они видят в том, чтобы подготовить не только мужественного защитника отечества, но и просто человека физически и душевно здорового и крепкого, закаленного с детства, физически красивого. И еще важно оно как отдых от занятий, позволяющий вернуться к ним бодрыми и как бы обновленными.

Особенностью гуманистического воспитания является классический характер образования, в основе его – древние языки (латинский и греческий) и античная литература. Из христианской литературы – Библия и Отцы Церкви. В современной культуре гуманисты не видели ни идеалов, ни достойного стиля и языка, даже Данте не читали в гуманистических школах при всем уважении к нему гуманистов. Действенность воспитания в этих условиях зависела от мастерства педагога, способного заставить звучать в унисон с эпохой древние идеи, а не превращать их в антикварные ценности. Читали в гуманистических школах Вергилия и Гомера, Цицерона и Демосфена и других античных историков, поэтов, ораторов, философов.

Гуманистическая система образования была представлена прежде всего гуманитарными дисциплинами, такими, как история, моральная философия, поэзия, риторика; грамматика и диалектика играли роль инструментов, позволяющих овладевать знаниями. Гуманисты изменили и переосмыслили традиционную средневековую систему семи свободных искусств, они расширили тривиум (грамматика, риторика, диалектика) и ввели диалектику (логику) – главную дисциплину схоластики – в разумные границы, подчеркнув ее служебный, вспомогательный характер, наряду с грамматикой. Дисциплины из естественного цикла – квадривия (арифметика, геометрия, музыка и астрономия) – играли меньшую роль в образовании. Хотя некоторые гуманисты высоко оценивали естествознание (например, Верджерио), в школе Гуарино преподавали географию и астрологию, а у Витторино да Фельтре основательно изучали математику, музыку. Витторино одним из первых сказал о необходимости энциклопедического знания, и такая ориентация на всестороннее образование лишней раз указывает на непрофессиональную подготовку, даваемую в гуманистических школах. Но главное все же состояло в том, что всеми без исключения гуманистами гуманитарный цикл наук ставился на первый план, образование тем самым приспособлялось к выполнению воспитательных задач.

Поэтому образование и не мыслилось как формальное, оно должно было – и это гуманисты особенно подчеркивали – оказывать воздействие не только на ум, но и на чувства и волю учеников. Наставления, моральные сентенции соседствовали в нем с примерами, яркими образами и красками поэзии, риторики и истории – «учительницы жизни». По поводу риторики Бруни писал: «У ораторов мы научимся восхвалять благодеяния и проклинать злодеяния, утешать, убеждать, волновать, устрашать, хотя все это делают и философы, однако не знаю как, именно во власти ораторов вызывать гнев и милосердие, возбуждать и подавлять душу». А Пикколомини уверен, что, читая Гомера и Вергилия, «детская душа вознесется вверх простой героической песнью и увлечет дух величием дел и напоится лучшим».

Рассуждения гуманистов о красоте стиля, признание того, что в речи необходимы «блеск, красота, изысканность», позволяют говорить о появлении в гуманистическом образовании эстетических моментов, правда, пока еще в области, наиболее знакомой гуманистам, – в литературе. Но осознания нужности самостоятельного эстетического воспитания у итальянских гуманистов XV в. нет. Хотя практика, видимо, опережала теорию: в школе Витторино на высоком, несредневековом, уровне находилось преподавание музыки, а у Гуарино, возможно, преподавались изобразительные искусства.

Особого религиозного воспитания гуманисты не предполагали, хотя чтение священных книг, как правило, Библии и Отцов Церкви, в программы некоторых из них включено. В целом в гуманистическом воспитании присутствует практическое понимание религии: в детях воспитывается благочестие, уважение к культу и святым. В школе Витторино это проявляется наиболее сильно, а из теоретиков воспитания обширные наставления в этом отношении делает Пикколомини.

В полном соответствии с благородными воспитательными задачами процесс обучения понимался как добровольный, сознательный и радостный. Естественно, что методами такого обучения и воспитания могли быть только методы «мягкой руки», широкое и взвешенное применение похвалы, разумное порицание. Отношение к телесным наказаниям было, как правило, *отрицательным*, и это обосновывалось: такие наказания и унижения, их сопровождающие, формируют рабскую душу, отбивают вкус к знаниям, рожают ненависть к учителю или к родителям. И все же телесные наказания не исчезли окончательно из гуманистических сочинений и из практики гуманистической школы, даже у добрейшего к детям Витторино они применялись, но в исключительных случаях и только за нравственные проступки.

Сам процесс обучения обсуждался меньше, ведь на темы воспитания писали зачастую гуманисты, не преподававшие в школах, да и преследовали они в своих трактатах отнюдь не дидактические задачи. А у тех, кто преподавал, можно найти мысли о сознательном усвоении материала, необходимости размышлять над прочитанным. Обращали внимание на тщательный отбор и дозировку материала, учили, как надо запоминать. Поскольку ценился хороший стиль письма и речи, то для его формирования рекомендовалось отбирать лучшие произведения античной литературы и часто практиковаться в произнесении речей.

Единого мнения о школе у итальянцев не сложилось: одни писали о домашнем воспитании, другие высказывались против него и отстаивали преимущества частной школы. Верджеро видел школу под контролем государства, но мыслей о ней не развивал. А реально существовавшие школы Витторино да Фельтре и Гуарино да Верона имели неопределенный статус, они возникли на стыке частной школы и двора феодала и были полугосударственными-получастными учебными заведениями, во всяком случае, закрытыми школами, не публичными.

Итальянские гуманисты утверждали доступность образования для всех, независимо от общественного и имущественного положения, лишь бы была способность к занятию свободными науками (а таковую они признавали не у всех). Однако на практике равные возможности могли использовать далеко не все, ведь образование в гуманистических школах было платным. Видя, что препятствием к образованию может стать «недостаток средств», гуманисты тем не менее мало задумывались над тем, как помочь бедным получить хорошее образование. Они обращали мало внимания на внешние обстоятельства, полагая, как Верджеро, что «натура благородная обычно возвышается вопреки даже крайним трудностям»; словом, человек, способный к занятиям гуманистическими науками, всегда добьется того, к чему стремится. Только в школе Витторино практиковалась помощь бедным, и это благородное дело Витторино, учившего способных бедных учеников бесплатно, прославило педагога, но оно было скорее исключением.

В целом человек в гуманистических трактатах о воспитании представляет собой личность деятельную, социально и граждански ориентированную и высоконравственную; он обладает чувством собственного достоинства, мужеством, физической и душевной стойкостью, способен быть защитником отечества; ему присуще стремление к похвале, славе и большим делам; его отличают всестороннее образование и культура. Предполагалось, что такой человек способен проявить себя в разных видах деятельности. Практика гуманистических школ Витторино да Фельтре и Гуарино да Верона показывает, что их питомцы становились государственными и общественными деятелями, высшими церковными иерархами, военачальниками, гуманистами, учеными, школьными учителями, университетскими преподавателями, книго-

издателями, т. е. проявляли себя и в общественной и государственной деятельности, в сфере культуры и просвещения.

В условиях начинающейся рефеодализации Италии XVI в. гуманистические идеи воспитания становились все чаще достоянием феодально-аристократических кругов. Они использовались для воспитания образцового во всех отношениях придворного: он обретает черты гармонически развитой личности, культура украшает его, придает внешний блеск. Все это блестяще демонстрирует диалог Б. Кастильоне «О придворном». Появляются интересные новшества в воспитании: развитие эстетического вкуса путем занятий живописью, музыкой, поэзией; введение в образование родного языка. Но идеал сужен до придворной среды, сужен еще и оттого, что благородство, толкуемое ранее как личное приобретение, считается теперь достоянием знатного человека.

Гуманистические идеи воспитания сохраняются еще в сочинениях писателей XVI в. (например, у Я. Садолето); их можно встретить также у писателей-утопистов или склонных к реформационным настроениям писателей, хотя, вырванные подчас из системы представлений предшественников и включенные в контекст их собственных размышлений, они звучат иначе.

Гуманизм других европейских стран унаследовал лучшие и наиболее плодотворные идеи итальянской науки воспитания периода ее расцвета и развил их дальше. В педагогических сочинениях Эразма Роттердамского, Х. Л. Вивеса, Ф. Рабле, М. Монтеня, Р. Эшема и Т. Элиота идеи воспитания в их основных чертах похожи на итальянские – приоритет воспитательных задач, связь знания и нравственности, идеи гармоничного развития, воспитание достойного гражданина и нравственного человека как цель воспитания; похожи и многие методы.

Но появляются и существенные особенности, порожденные иными условиями, в которых развивается европейский гуманизм. Более трезвая, лишенная идеализации оценка человека в европейском гуманизме XVI в. привела в сочинениях на темы воспитания к критике человеческих пороков, семейного воспитания и родителей, особенно характерно это для Эразма в педагогическом трактате и в «Разговорах запросто». О роли семьи в воспитании говорится (Вивес, Эразм), но, пожалуй, меньше, чем у итальянцев, интерес перемещается с семьи на школу, учителя – их роль в воспитании и образовании решающая. Но и школа, и учителя, и вообще вся система средневекового образования подвергается сильнейшей критике, практически все гуманисты касаются этой темы. И в целом старая система образования с ее «авторами» и жесткими методами воспитания была разрушена именно в XVI в.

Более того, некоторые гуманисты (Монтень прежде всего) увидели серьезные недостатки и в появившихся под влиянием гуманизма новых школах, где изучается классическое наследие. Педанты, с которыми воюет Монтень, – это не столько схоласты, сколько преподаватели классических школ, где интерес к классике становится самоцелью и в силу этого теряется воспитательный характер образования. «Мы трудимся лишь над тем, чтобы заполнить свою память, оставляя разум и совесть пустыми. ... Мы умеем сказать с важным видом: “Так говорит Цицерон”, или “Таково учение Платона о нравственности”, или “Вот подлинные слова Аристотеля”. Ну а мы-то сами, что мы скажем от своего имени? Каковы наши собственные суждения? Каковы наши поступки? А то ведь это мог сказать и попугай». Монтень остается верен гуманистическим идеям воспитания с помощью знания, но он несравнимо сильнее итальянцев говорит о творческом отношении к знанию: надо не вливать знания в детей, «словно воду в воронку», а научить детей творчески усваивать и перерабатывать эти знания, превращая их в элементы собственного убеждения.

Вера в силу воспитания продолжает оставаться характерной чертой европейского гуманизма. В гуманистической триаде природа – дисциплина – упражнение роль природы несколько ослаблена по сравнению с итальянцами. Так, Монтень полагает, что склонности детей проявляются слабо и неотчетливо, и не советует особенно полагаться на «легковесные предзнаменования и догадки, которые мы извлекаем из движений детской души». На первый

план выходят дисциплина и упражнение, т. е. сам процесс воспитания. Для Эразма воспитание – путь формирования человека, ибо «людьми не рождаются, но делаются путем воспитания». Вера в силу воспитания для него – это вера в силу разума, способного совершенствоваться. «Человеком делает разум» – с этим убеждением Эразма находятся в соответствии все его педагогические рекомендации.

Основной путь воспитания у Эразма и других европейских гуманистов лежит через образование. Для Эразма это образование исключительно книжное, какой-либо опыт в нем отсутствует. Он убежден, что философия за один год большему учит, чем сколь угодно большой опыт в делах за 30 лет. У него нет даже обращения к «живому примеру», как это наблюдалось хотя бы у Веджо. Но само образование обогащается у Эразма понятием игры, наглядностью (очень характерен его пример с картинками, изображающими животных). Та же наглядность присутствует и у Рабле в процессе обучения, но у него есть еще и наблюдение природных явлений, и знакомство с различными ремеслами и искусствами, и даже «опыт» (в шутильной, правда, форме извлечения воды из вина). Монтень же, убежденный, что «ученость чисто книжного происхождения – жалкая ученость», призывает учиться не только на книгах, но и путем общения с людьми, в путешествиях, что обогащает человека знанием и воспитывает его. Так что понятие «обучение» у гуманистов XVI в. значительно расширяется. Но, кажется, никто из них уже не возвращается к старой идее ранних гуманистов – брать за образцы людей – отца, учителя, старших, добродетельного человека вообще. Безоглядная вера в человека, столь характерная для раннего гуманизма, ушла в прошлое. Однако гуманизм не утратил оптимизма, он верит в разум, в силу воспитания и потому остается гуманизмом.

Понимание знания также расширяется в XVI в. Это уже не только знание гуманитарного толка (эта традиция сохраняется еще у Эразма), играющее главную роль в воспитании, но и естественно-научное знание (в большем объеме, чем у итальянцев): включается в образование физика как наука о природе; в курсе математики, кроме традиционных дисциплин квадривия, названы оптика и архитектура; предлагаются труды натуралистов и медиков, таких, как Феофраст, Диоскорид, Гален. В обучении начинают широко использовать труды самих гуманистов: «Разговоры запросто» Эразма, «О красотах латинского языка» Л. Валлы, учебники и словари по латинскому и греческому языкам и др.

Древние языки продолжают сохранять свою роль главных орудий образования, углубляется изучение греческого языка по сравнению с XV в. Но растет интерес к изучению родного языка, рассматриваются возможности использовать его как подступ к древним языкам у Вивеса, английских гуманистов. А у некоторых гуманистов (Мора, Монтеня) предполагается преподавание на родном языке.

Гуманисты (Вивес, Эразм) обращают большое внимание на специфику детского возраста, на особенности детской психологии. Эразм выделяет память и способность к подражанию как характерные черты детей и показывает, как, опираясь на эти особенности детской психологии, сделать успешным обучение детей, как приспособить к пониманию детей содержательный материал образования и как облегчить восприятие трудных вещей. Особенно любопытны и новы для того времени его размышления об обучении как игре, где он основывается на присутствии у детей свойстве воспринимать ученье как игру и не уставать от него; а так как в любом деле значительная часть трудностей идет часто из воображения, то главная задача учителя будет заключаться, по мнению Эразма, в том, чтобы облечь занятия в игру. Интересны рассуждения Эразма о детстве как весне человеческого возраста, которой соответствует все радостное и приятное, его вера в способность юного возраста добиваться многого и призыв как можно раньше начинать заниматься. Ему свойствен какой-то культ молодости, и в этой ставке на будущее – оптимизм Эразмова гуманизма.

Из рассуждений гуманистов XVI в. о школе гораздо больше можно узнать о том, какой не должна быть школа, – в сокрушительной критике средневековой школы они едины, но у

Эразм и Вивеса есть мысли о школе общественной и притом под контролем общества, чтобы исключить там все случаи жестокости и насилия над личностью ученика. Видимо, она мыслится как бесплатная, находящаяся на общественном попечении. Общественное попечительство становится в XVI в. актуальной проблемой. Понимая школу как важный общественный институт и надеясь на ее разумное устройство, гуманисты рассчитывают на заботу о ней общества, а в случае отсутствия такой школы и невозможности для бедняка пригласить частного учителя они (Эразм) возлагают надежду на частную благотворительность. Этим они также отличаются от гуманистов XV в., либо не задававшихся такими вопросами, либо веривших, что человек, жаждущий знаний, добьется своего вопреки всяким трудностям.

Так, развивая идеи предшественников, гуманистическая наука воспитания XVI в. передает свой, ставший более зрелым опыт воспитания последующим векам.

Н. В. Ревякина

Гуманистическая мечта о человеке

Франческо Петрарка

Франческо Петрарка (1304–1374) был первым гуманистом Возрождения, основоположником гуманистического мировоззрения, сформулировавшим в своих сочинениях ряд идей и подходов, ставших в гуманизме ведущими. Сын изгнанного из Флоренции в результате политической борьбы нотариуса, он провел молодые годы в Авиньоне, куда переселилась семья отца. До 1326 г. изучал по настоянию отца право в Монпелье и Болонье. Но после смерти отца он оставил занятия нелюбимым правом и целиком посвятил себя литературе. В 1327 г. Петрарка встретил в одной из авиньонских церквей молодую женщину Лауру, ставшую на долгие годы источником его поэтического вдохновения, ей он посвятил свои стихи и не переставал воспевать ее и после ее смерти, случившейся в 1348 г.; созданная на итальянском языке и прославившая поэта «Книга песен» (1356–1358, 2-я ред. – 1373) – поэтический рассказ Петрарки о борениях своих страстей, о своей неразделенной любви.

С 1330 г. гуманист на службе у авиньонского кардинала Джованни Колонна, он принял духовный сан и стал капелланом в домашней церкви Колонна. Поприще клирика давало ему средства к существованию и позволяло заниматься поэзией, литературой, философией. В 1333 г. Петрарка совершил путешествие по Северной Франции, Фландрии, Германии, с истинной страстью путешественника он осматривал города, разыскивал и переписывал древние рукописи, составляя собственную библиотеку. В 1337 г. он впервые посетил Рим, восхищенный его древними памятниками и потрясший разрушениями. Возвратившись в Авиньон, он поселился недалеко от города, в Воклюзе, расположенном в живописной долине у истоков Сорги, там он жил в уединении с 1337 по 1353 г. с перерывами. В 1337 г. у него родился сын Джованни.

В 1341 г. Петрарка, уже известный к тому времени как поэт своей героической поэмой «Африка» о подвигах Сципиона Африканского во 2-й Пунической войне и отдельными «Стихотворными посланиями», коронуется лавровым венком на Капитолии и произносит речь о сущности и назначении поэзии. В это время он работает над историко-биографическим сочинением «О знаменитых людях» (начато в 1337 г., закончено в 1358 г.), пишет диалог-исповедь «Тайна» (1342–1343), повествующую о разладе новых чувств и настроений в душе поэта и старых идейных установок и важную с точки зрения становления нового мировоззрения. К этому же времени относится трактат «О достопамятных вещах» (1343–1345), где на материале древности и современной жизни Петрарка изучает человеческие добродетели. В трактате «Об уединенной жизни» (1346), вдохновленном жизнью в Воклюзе, защищает право на выбор собственного образа жизни и собственных занятий и осмысляет свой особый путь в жизни. Для монахов картезианского монастыря, куда удалился брат Петрарки, он пишет трактат «О монашеском призвании» (1347). В этом же году он приветствует победу в Риме антифеодалного движения под руководством Кола ди Риенци.

В 1353 г. Петрарка окончательно переселяется в Италию, оставив Воклюз. Он живет при дворе Висконти в Милане, выполняя в основном дипломатические поручения (1353–1361), затем в Венеции, Павии, Падуе и в Аркве под Падуей, где живет в своем доме вместе с семьей дочери Франчески (род. в 1343 г.), здесь Петрарка умер и похоронен.

В итальянский период жизни он доделывал многие ранее начатые работы и написал новые. Среди последних – «Инвективы против врача» в 4 книгах (1352–1353), где он отстаивает первенствующее положение поэзии и риторики по сравнению со средневековыми схоластическими дисциплинами, и прежде всего медициной; большое сочинение на этические темы

«О средствах против всякой судьбы» (1354–1366), инвектива «О невежестве своем собственном и многих других» (1367). Обширная переписка гуманиста, очень ценная для изучения его мировоззрения, включает 24 книги писем «О делах личных», «Письма без адреса», «Старческие письма», незаконченное письмо «К потомкам» – своеобразную автобиографию гуманиста, доведенную до 1351 г. Латинское стихотворное наследие составляют поэма «Африка», 12 эклог «Буколическая песнь» и «Стихотворные послания», итальянское наследие включает, кроме «Книги песен», морально-аллегорическую поэму «Триумфы», оставшуюся незаконченной.

Ниже приводятся фрагменты из инвективы «О невежестве своем собственном и многих других», направленной против венецианских философов-аверроистов и против всей схоластической философии и ее главного авторитета – Аристотеля; Петрарка противопоставляет оппонентам свое понимание задач философии, заявляет о ее ориентации на человека, соединяет неразрывными узами знание и нравственность. Публикуемые далее два диалога взяты из работы «О средствах против всякой судьбы», одной из самых популярных книг в XV–XVI вв., первой из работ Петрарки, изданной типографским способом (в 1474 г.). В диалогах обсуждаются две важнейшие для гуманистов проблемы – проблема *благородства* как собственного достоинства человека, приобретенного славными деяниями, знаниями и творчеством, и проблема *достоинства* как особого места и назначения человека по сравнению с другими творениями Бога; Петрарка открывает обсуждение этой темы, которая найдет свое развитие у Фацио, Манетти, М. Фичино, Пико делла Мирандола и гуманистов XVI в.

Н. В. Ревякина

О невежестве своем собственном и многих других

<...> Для многих знания – орудие безумия, почти для всех – высокомерия, если – что бывает редко – не упадут они в добрую и хорошо воспитанную душу. Тогда многое [такой человек] знает о животных, птицах и рыбах: знает, сколько у льва волос в гриве, сколько перьев в хвосте у ястреба, сколькими витками обвивает спрут потерпевшего кораблекрушение, как спариваются слоны, оборотившись спиной, и как у них два года длится беременность и какое слон послушное и долговечное животное, и по уму ближайшее к человеку, и живет он два или три столетия, как Феникс сгорает в благоухающем огне и сожженная вновь возрождается, как морской еж задерживает корабль, движущийся с любой скоростью, но извлеченный из воды теряет всякую силу; как охотник заколдовывает с помощью зеркала тигра, как аримасп поражает грифов мечом, как киты своими спинами вводят в заблуждение моряков; знает, как безобразен новорожденный медвежонок, редкостен детеныш у самки мула, неповторим и жалок змееныш, как слепы кроты, глухи пчелы и, наконец, что из всех животных только крокодил движет верхней челюстью¹. Эти вещи в большей части или ложны, что стало очевидным во многих подобных случаях, когда они происходили в наших землях, или они были достоверно неизвестны самим авторам [их сообщающим], но вследствие того, что они не были на виду, в них и верят охотнее, и легче их измышляют; и, наконец, даже если эти вещи были бы истинны, они ничем бы не способствовали счастливой жизни. Ведь какая польза, спрашивается, будет в том, чтобы знать природу зверей и птиц и не знать и не стремиться узнать природу людей, для чего мы рождены, откуда идем и куда направляемся?

¹ Эти сведения Петрарка мог почерпнуть как у древних авторов (Плиния, Аристотеля), так и у средневековых (Винченца из Бове, Фомы из Кантемпры и др.). Феникс – сказочная птица, прожив 500 лет, сжигала сама себя в гнезде, сделанном из сухих ароматических трав, и затем вновь возрождалась из пепла. Аримасы – мифический народ, живший к северу от Черного моря; аримасы постоянно боролись с грифами за золото, которое те охраняли.

<...> Если не ошибаюсь, я читал все моральные труды Аристотеля, о некоторых слышал, и прежде чем раскрылось столь огромное [мое] невежество², мне показалось, что я кое-что понял: благодаря этим трудам я, возможно, становился подчас учнее, но не делался, как подобало, лучше. И часто сам себе и иногда другим я жаловался, что не достигаю на деле того, что тот же философ сам обещал в первой книге «Этики»³, а именно, что эта часть философии изучается не для того, чтобы увеличить наши знания, а чтобы сделать нас нравственными. Я, разумеется, вижу, что Аристотель превосходно определяет и подразделяет и проницательно исследует добродетели, свойства их и пороков. После изучения всего этого я знаю несколько больше, чем знал, но душа моя осталась той же, что была, воля той же. Я не изменился. Действительно, одно – это знать, другое – любить, одно – это понимать, другое – желать; не отрицаю, Аристотель учит, что такое добродетель, но побуждающих и пылких слов, которые подталкивают душу и воспаляют ее любовью к добродетели и ненавистью к пороку, то чтение не имеет или имеет в самой незначительной степени. Кто ищет такие слова, найдет их у наших, особенно у Цицерона и Аннея и – никто не удивится этому – у Флакка⁴, поэта с грубым стилем, но с очень приятными мыслями. Но чем полезно будет знание того, что такое добродетель, если ее познанию не возлюбить? Какая польза в знании того, что такое грех, если, познав его, не содрогнуться? Право же, если воля извращена, то когда станет ясна трудность осуществления добродетели и соблазнительная легкость пороков, это может толкнуть ленивую и колеблющуюся душу в худшую сторону. <...> Хотя в действительности наша цель не заключена в добродетели, где ее поместили философы, однако через добродетели лежит прямо путь туда, где находится наша цель; через добродетели, говорю, не только те, которые мы познали, но те, которые возлюбили. Те, следовательно, являются истинными моральными философами и полезными учителями в добродетели, первое и последнее стремление которых заключается в том, чтобы сделать нравственным своего слушателя и читателя, и которые не только учат, что такое добродетель или порок, и доносят до ушей славное имя первой и зловещее имя второго, но и укореняют в душе стремление и любовь к добрым делам, ненависть к дурным и бегство от них. Благоразумнее трудиться ради доброй и благочестивой воли, чем ради огромного и просвещенного интеллекта. Ибо предмет [цель] воли, как считают мудрецы, – благо; предмет интеллекта – истина. Но лучше желать блага, чем знать истину. Ведь первое никогда не лишено воздаяния, второе же часто содержит [в себе] вину и не имеет оправдания. Итак, сильно заблуждаются те, кто посвящает время познанию добродетели, а не приобретению ее, и еще больше те, кто познают Бога, а не любят его.

Francesco Petrarca. Prose. A cura di G. Martellotti e di P. G. Ricci, E. Carrara, E. Bianchi. Milano; Napoli, 1955. P. 712–714, 744–748.

Пер. и комм. Н. В. Ревякиной

² «Столь огромное невежество» – полемический трактат Петрарки направлен против его венецианских знакомых – философов-аверроистов (и вообще схоластов), упрекавших гуманиста в невежестве и мало ценивших его красноречие; но Петрарка был ученым-схоластом и не желает, отсюда его заявление, скорее ироническое, о собственном невежестве.

³ Этика – «Никомахова этика» Аристотеля.

⁴ Луций Анней Сенека; Квинт Гораций Флакк.

О средствах против всякой судьбы

Книга вторая

ХСIII. О печалях и несчастьях

Скорбь. Размышление о моих теперешних несчастьях делает меня печальным.

Разум. Я не отрицаю, что несчастья человеческого состояния велики и многочисленны. Они оплакиваются в некоторых недавних книжках⁵. Но если ты посмотришь на жизнь с другой стороны, то увидишь многое, что делает ее счастливой и приятной. Об этом, если я не ошибаюсь, никто до сих пор не писал, а те, кто принимался, отказывались от своего намерения, поскольку понимали, что этот предмет труден, противоречив, бесплоден для пишущих и далеко не равнозначен тому, что можно писать о несчастьях, до какой степени многие из них бросаются в глаза. Счастье мало и скрыто, тут нужно глубже копнуть пером, чтобы можно было показать его неверящему.

Я выделяю главное из многого: мало ли вам причин для радости? Образ и подобие Бога-творца, имеющиеся в человеческой душе: ум, память, предвидение, красноречие; столь многие изобретения, столь многие искусства, служащие этой душе и этому телу, в котором божественной милостью предусмотрено все необходимое для вас. А красота столь многочисленных и столь разнообразных вещей, удивительным и непостижимым образом служащих не только вашим нуждам, но и вашему удовольствию! Что за великая сила корней, травяных соков, какое разнообразие цветов! Сколько запахов, тепла, вкусовых ощущений, из различия которых рождается гармония! Как много животных в небе, на земле, в морях, предназначенных только для вашей пользы и подчиненных только вашей власти! И если вы бы не покорились добровольно ярму греха, то владели бы всем, что есть под небом.

Прибавь холмы, согретые солнцем долины, тенистые ущелья, льдистые Альпы, теплые побережья. Прибавь столь многие источники целебных вод: сколько среди них серных и дымящихся, сколько прозрачных и холодных ключей. А сколько морей, омывающих землю или вдающихся в нее! Прибавь стремительные потоки и незыблемые пределы материков. Прибавь озера, схожие с морями; и обширные болота, и ручьи, стремительно низвергающиеся с горных теснин, и цветущие берега.

«И берегов защита, и свежие луга у ручьев», – как сказал Вергилий⁶.

Что добавить о гулких пещерах и покрытых пеной утесах, о влажных побережьях; об отливающих золотом нивах, и виноградниках в период ягод, и об удобствах городов, и о деревенском покое, и о свободе уединения?

А что может быть прекраснее и божественнее из всех зрелищ, чем вид неба с едва заметным вращением звезд? И среди них, неподвижных или блуждающих, или, как говорят, плывающих, взгляните прежде всего на Солнце и Луну, яснейшие светильники неба и мира, как говорит Марон⁷, его сверкающее украшение, как говорит Флакк⁸. От них – земные плоды, от

⁵ По мнению биографа Петрарки Уилкинза, диалог написан в 1354 г. и является одним из самых ранних в трактате. Гуманист отклонил в 1354 г. просьбу настоятеля картезианского монастыря дописать к трактату Иннокентия III «О презрении к миру, или О ничтожном состоянии человека» (1198) вторую часть, где речь должна идти о христианском понимании радостей и счастья человека: он сослался на то, что сам занят диалогом на эту тему. В диалоге Петрарки чувствуется скрытая полемика с аскетической позицией Иннокентия.

⁶ Вергилий. Энеида, VI, 674.

⁷ Вергилий. Георгики, 1, 6.

⁸ Гораций. Оды, 2, «Юбилейный гимн».

них – жизнь существ, от них – изменение погоды; при их помощи мы измеряем годы, месяцы, и дни, и ночи, и мгновения, без чего возникло бы отвращение к жизни.

То же касается тела: пусть оно бrenно и слабо, однако имеет приятный вид, выпрямлено и приспособлено к созерцанию неба. Присовокупите бессмертие души и путь к небу – при малой плате неоценимую награду, и многое такое, чего не стоит касаться вне наставлений веры. Есть надежда, что после смерти возродится и тело, станет легким, светящимся, непорочным, им можно будет пользоваться с еще большей славой. И оно превзойдет не только человеческое, но и ангельское достоинство.

Сама человеческая природа будет соединена с божественной так же, как у того, кто был Богом и стал человеком. Ведь он, единосущный, совершенным образом объединив в себе две природы, стал Богом и человеком, – так, сделавшись человеком, сделал человека Богом. Невыразимое благочестие и смирение Бога – высшее счастье и слава человека, во всех отношениях возвышенное и сокровенное таинство, удивительная и благотворная связь, которую, не знаю, как небесный, но человеческий язык выразить не может.

Разве тебе мало, что уже одним этим человеческое состояние облагорожено и несчастья уничтожены? О чем, спрашиваю, более возвышенном может помышлять человек, если не о том, чтобы стать Богом? Вот уже он Бог.

Что еще остается, спрашиваю я, о чем вы могли бы вздыхать и чего могли бы желать? Вполне достаточно того, что ты приобрел, и нечего выдумывать, что остальное является большим. Действительно, когда сила провидения склонилась к вашему спасению, Христос, хотя и мог избрать что-нибудь другое, принял, однако, человеческое тело и человеческую душу и пожелал обрести не ангельский, но человеческий облик, – чтобы ты знал, таким образом, насколько Господь любит тебя, и возрадовался этому.

Как превосходно сказал Августин, Бог показал, что нужно обращать внимание не на плоть и не на мощь, а на то, чтобы вы придали добродетельность телесным ощущениям, – в чем человеческая природа занимает выдающееся место между прочими творениями. И тот, кто с удивительным достоинством предпочел вас ангелам, самих ангелов сделал вашими стражами, чтобы еще раз показать ваше преимущество. Иероним говорил⁹, что достоинство душ таково, что каждая в отдельности имеет ангела, поставленного ей в охрану. В самом деле, забота Бога о нас – отеческая и более чем просто отеческая. И как сказано Сатириком¹⁰, поистине неизменная. Воистину, Богу человек дороже, чем самому человеку. Откуда же берется место печали и жалобам? Не природа ваша, очевидно, но грех делает вас печальными и жалующимися.

Скорбь. Меня удручают недостойное рождение, хрупкость и слабость природы, и нужда, и суровость судьбы, и краткость жизни, и неизвестность конца.

Разум. С большим рвением ты сетуешь на причины своих печалей. Следует перейти к противоположному, чтобы ты возликовала от радости. А при нынешних нравах слишком жадно вы склоняетесь к дурному. Посему все, что касается недостойного рождения или безобразия тела и прочего, – оно не только не уменьшается стремлением к воскресению, на что надеется каждый верующий, равно как и на то, что будут облагорожены тела, – но также опровергается существующей красотой и неким исключительным величием человека среди всех божьих творений.

Ибо что утрачивает от недостойного рождения человеческое достоинство? Разве не из безобразных корней вырастают высокие и стройные деревья и одевают благодатной тенью травянистую землю? Не из грязнейшего навоза поднимаются веселые нивы? И не из презренного происхождения – дела наилучшие? Вы – божий урожай, который должен провеиваться на току судилица и сыпаться в амбар высочайшего отца. Земным, хотя отчасти благородным и небес-

⁹ Иероним. Комментарии к Евангелию от Матфея, 10, 11 (помещенные в «Патрологии» Миня, т. XXVI, с. 130).

¹⁰ Ювенал. Сатиры, 10, 349.

ным, было происхождение. И каким бы ни было рождение и сколь трудным ни было бы возвышение – небо становится последним обиталищем.

Что сказать о наготы, телесной слабости и многих тяжких испытаниях несчастьем, из-за которых принято считать человеческое состояние жалким? Разве не восполняется это при помощи разнообразных искусств и многих лекарственных средств? Если для животных, лишенных разума, природа позаботилась о прочной шкуре, когтях и шерсти, только человека, изобретателя всего, наделила разумом. Не больше ли славы, чем бесчестья, можно извлечь из того для людей? Как те защищены чем-либо, так он защищен своим собственным внутренним средством. Все прочее, как бы сильно оно ни защищало существа, все равно слабее разума. Один только человек имеет столько, сколько сможет достичь проницательным разумом...

Всем существам, которых мы видим, облезлым от старости или от чесотки, хромым, слепым, никто не в состоянии помочь, кроме человека. Человек же, нагой сам по себе, одевается и украшается при помощи ума и, если дело потребует, вооружается. Хромой и бессильный скачет на лошади, или едет в повозке, или опирается на палку. Всеми способами помогает себе и себя поддерживает. Он научился изготавливать деревянные ноги, или железные руки, или восковые носы и тем самым противостоять случайным несчастьям, потере какого-либо члена тела. Пошатнувшееся здоровье он восстанавливает лекарствами, отсутствующий аппетит возбуждает лакомствами, ослабевшее зрение исправляет очками. Они, кстати, были выдуманы нашими предками: Сенека пишет, что они пользовались с этой целью сосудами, наполненными водой¹¹. Вообще удивительна игра природы, ласковой и щедрой матери: одно у сына отняв, другое даст и утешит.

Лошади, быки, слоны, верблюды, львы, тигры, барсы и подобные им существа, состарившись, становятся ненужными, умирая – исчезают бесследно. Только человека, одаренного доблестью, свойственной только ему, старость делает уважаемым, а смерть – счастливым, унося, а не уничтожая бесследно.

И самое главное: некоторые животные сильнее человека, некоторые быстрее, некоторые обладают более острыми чувствами, но нет ни одного, превосходящего человека достоинством, ни одного, о ком забота Творца была бы такой же, как о человеке. Только человеку дана круглая форма головы и небесный лик.

И когда, склоненные, видят животные только землю,
Глазам человека дано видеть высоты и небо
И поднимать обращенный к звездам лик¹².

Как прекрасно сказал Назон; возможно, такие слова есть и у Цицерона.

Только человеку даны лицо и глаза, отражающие тайны души, дан разум, дана речь, даны слезы, дан смех – признаки скрытых чувств.

Некоторые полагают, что последнее служит доказательством несчастья и ничтожества человека, так как плакать младенец начинает с момента рождения, а смеяться – только на сороковой день¹³.

Я называю человека счастливым, если им управляет доблесть, но жить ему не просто, так как от рождения предстоят непрерывные труды и тяготы.

И, наконец, что касается силы и быстроты, ловкости и приспособленности животных – всего этого недостает человеку. Но человек приучил к ярму диких быков и к узде – необъезженных лошадей. Человек сделал украшением своего стола медведей, страшных своими ког-

¹¹ Сенека. Естественно-научные вопросы, III, 17,2 и 18,4.

¹² Назон (Публий Овидий Назон). Метаморфозы I, 84–86.

¹³ Приведен один из аргументов Иннокентия III, служивший доказательством ничтожности человеческого существования.

тями, вепрей, опасных своими клыками, оленей, убивающих рогами. Человек использует мех и шкуры лис, рысей и прочих зверей, мясо которых нельзя употребить в пищу. С помощью сетей человек покорил себе моря, с помощью собак – леса, с помощью птиц – небо. Он обучил животных понимать человеческий голос и повиноваться человеческим жестам. Так из каждой части природы он что-нибудь поставил себе на пользу.

У тебя нет силы быка, но бык для тебя пашет. У тебя нет быстроты лошади, но ты на ней разъезжаешь. У тебя нет способности летать, как цапля, но и она для тебя летает. Нет у тебя силы слона или верблюда, но первый возит для тебя осадную башню, второй – грузы. Нет у тебя шкуры оленя, нет шерсти ягненка или меха лисицы, но они этим владеют для тебя. Иметь всех качеств животных человек не хочет, но хочет повелевать теми, кто их имеет. Эти слова римского полководца служат прекрасным ответом тем, кто говорит, что люди немощны и беспомощны...

Книга вторая

V. О незнатном происхождении

Скорбь. Я рожден незнатными родителями.

Разум. Может быть, не стоит считать тягостным это обстоятельство. Возможно, даже лучше родиться неблагородным, если ты рассмотришь разные жизненные пути. Действительно, если ты решишь предаваться наслаждениям и идти проторенной дорогой по следам толпы, тебе легче простятся ошибки и заблуждения, поскольку у тебя не было домашних наставников; не будет резких попреков в том, что ты не походишь на славных родителей, поскольку у твоего дома нет никакой славы, одна безвестность.

Если же ты выберешь малоисхоженную тропу доблести, то тем известнее ты станешь, чем из большей безвестности и потемок поднимешься. Вся слава будет проистекать только из твоих дел. Ничто не отнимет подражание. Нисколько славы не отнимут родители, деды, прадеды, советники и учителя. За все, что ты сделаешь хорошего, ты один пожнешь славу, тебя одного будут восхвалять, тебя одного назовут основателем и создателем рода, чего не случилось бы, если бы ты был рожден благородным. Вот видишь, какой случай прославиться выпал на твою долю: благодаря себе самому сделаться благородным, дать, а не принять благородство. Ты дашь своим потомкам то благородство, которого не дали тебе родители. Намного важнее стать основателем благородного рода, чем получить благородство от предков.

Скорбь. Нов и прост мой род.

Разум. Стал же больше известен, чем последующие правители, основатель Рима, вскормленный пастухом¹⁴, хотя те воздвигали величественные дворцы, украшенные мрамором и золотом, а он лишь построил в лесу крепость и простой, жалкий царский дворец, покрытый не менее жалкой соломой. Но велика слава новизны и большого начала.

Скорбь. Я начал свою жизнь от неблагородного корня.

Разум. Стремись стать благородным к концу жизни. Ведь вначале – труд, в конце – плод; если его сорвать незрелым, то он не будет долговечным.

Скорбь. Низкое происхождение обрубает корни славы.

Разум. В действительности-то не обрубает, а глубже закапывает, чтобы она возросла более крепкой, пусть и более поздней. Впрочем, я назову здесь не только неблагородных, но и безвестных людей из любого рода, которые стали знаменитыми благодаря доблести и усердию. Действительно, если доблесть делает человека истинно благородным, то я не понимаю,

¹⁴ Петрарка говорит о Ромуле – легендарном основателе города Рима (VIII в.), сыне Реи Сильвии и Марса. После рождения Ромула и Рема их дядя Амулий, желая уничтожить законных претендентов на царский престол, приказал бросить близнецов в Тибр во время наводнения; когда вода вошла в свои берега, Ромул и Рем оказались на твердой земле, где их нашел царский пастух и воспитал в своей хижине (*Тит Ливий. История от основания Рима*, 1,4).

что мешает тому, кто хочет стать благородным, и почему же лучше, чтобы его сделали благородным другие, чем он сам себя?

Скорбь. Я происхожу от неблагородных родителей.

Разум. А Сократ, Еврипид, Демосфен? У первого отец был облицовщиком мрамора, мать – повитухой; у второго и мать, и отец неблагородны; третий происходил не просто от жалких, но и сомнительных родителей. Из крестьян вышел ваш Вергилий. Не краснел Флакк¹⁵ из-за того, что его отец был вольноотпущенником и глашатаем. Оба достигли выдающейся славы и удостоились расположения высочайшего из правителей¹⁶, перед которым все другие склоняли головы, благодаря деяниям которого рождалось все великое, на кого возлагались надежды почти всех смертных, особенно благородных; заслужить близкого знакомства с ним было высшим стремлением лучших людей. Так этот правитель, судя по его лстивым и сладким письмам, настоятельно добивался как чего-то очень важного дружбы и общения с этими двумя незнатными людьми, приехавшими в Рим из деревни: один был из Мантуи, другой – из Венузия.

Мы думаем, что тогда при дворе было много благородных – бесполезных и невежественных людей, как это часто случается. Им казалась вполне благородной и даже вызывающей зависть незнатность тех двоих. И это вполне справедливо.

Скорбь. Я происхожу от безвестных родителей.

Разум. Если не волнуют душу приведенные примеры, перейду к более внушительным. Марк Цицерон, как о нем написано, вышел из всаднического сословия и, будучи простого происхождения, достиг консульства, пройдя прежде, благодаря выдающемуся таланту, другие почетные ступени власти. И я не знаю, было ли еще чье-либо консульство столь полезно государству¹⁷.

Скорбь. Предки мои деревенские и безвестные.

Разум. Как я понимаю, они из-за этого кажутся тебе достойными презрения. И ты теперь устремляешься к более высокому положению.

Однако и Марий был деревенским мужем, и именно мужем, как говорил о нем его земляк Цицерон. Марий долго был пахарем у марсов¹⁸, а в Риме семь раз избирался консулом. Как рассказал о нем тот же самый соотечественник, он стяжал великую славу с тех пор, как сумел дважды спасти Италию от опасности и страха порабощения.

И Марк Катон – муж плебейского происхождения, долгое время бывший безвестным жителем маленького городка, – стал затем известнейшим иноземцем великого города, а вскоре выдающимся гражданином, и консулом, и цензором.

Если недостаточно даже этих примеров, вспомни о царях. В самом деле, низкое происхождение не запрещает надеяться на достижение этой власти за заслуги – через избрание. Вспомним третьего, четвертого и шестого из римских царей¹⁹. Как сообщают надежные авторы, пусть и не у всех об этом написано, Тулл Гостилий в детстве воспитывался в деревенской хижине, в юности был пастухом. Отец Тарквиния Приска был купцом, к тому же неримского и даже неиталийского происхождения. У Сервия Туллия мать была то ли рабыней, и притом пленной, как считают одни, то ли знатной, как говорят другие. А он заслужил римское царство благодаря доблести.

¹⁵ Флакк – Квинт Гораций Флакк (65–8 гг. до н. э.) – римский поэт.

¹⁶ «Высочайшего из правителей» – императора Октавиана Августа.

¹⁷ Цицерон избирался квестором, сенатором, эдилом и консулом; в 63–62 гг. он раскрыл заговор Катилины, за что его называли «отцом отечества», спасшим Рим от переворота.

¹⁸ Марсы – древний народ, проживавший в средней Италии вокруг Фуцинского озера. Часто воевали с римлянами.

¹⁹ Из перечисленных далее Петраркой римских царей Тарквиний Приск, в соответствии с римской исторической традицией, пятый (не четвертый) царь.

И ты перестанешь удивляться, если поймешь высказывание Платона: «Всякий царь выходит из рабов, всякий раб – из царей»²⁰. Так смешали долгий век и судьба дела людей.

Я уж не говорю о правителях других народов, попадавших на царский трон прямо от стада или из ничтожнейшей ремесленной мастерской. Александр Македонский в Азии сделал царем некоего садовника. И был тот не из последних, благодаря своим похвальным деяниям.

Я уж не говорю, с другой стороны, о тех, кто с вершины царской власти соскальзывал до рабского положения. Так фортуна уравнивает свои деяния. Однако больше всего может сделать доблесть. Благодаря ей надежно поднимаются к высшим ступеням. И пусть знают правители: если они начнут колебаться или покинут вовсе стезю добродетели – то окажутся перед угрозой не только падения вниз, но и полного краха.

Возвращаясь к тебе, спрошу: так ущербно ли происхождение того, у которого не отнята надежда ни на царствование, ни на успехи?

Скорбь. Я происхожу от темного корня.

Разум. Всякий корень темен и грязен, но именно из него произрастают ветви, покрытые листьями и цветами. Важно, не откуда что-нибудь происходит, но каким становится.

Скорбь. Я рожден самыми незнатными родителями.

Разум. Я чувствую, ты призываешь меня поговорить о самой высшей власти. Сам Септимий Север, о котором выше мы говорили, был из всаднического сословия. Гельвий Пертинакс – сын вольноотпущенника и сам был продавцом дешевых бревен. И тот и другой стояли во главе Римской империи. Ею правили Филипп Аравитянин, происходивший из самого низкого арабского корня, Максимин и Максим. Максимин имел родителей безвестных и варварского происхождения: он их стыдился, когда захватил власть. У Максима отец был то ли кузнецом, то ли плотником, неясно. Среди добрых правителей, несомненно, числился Веспасиан, прославившийся не знатным происхождением, а тем, что отлично управлял государством и имел двух сыновей, по очереди унаследовавших достоинство власти. Впрочем, что говорить о менее значительных людях, если много сомнительного в происхождении самого цезаря Августа²¹. На то, как складывается жизненный путь человека, не оказывает большого влияния высокое происхождение. Отовсюду можно возвыситься: либо судьба поможет, либо доблесть.

Скорбь. Слишком жалок и темен мой род.

Разум. Относительно рангов человеческой власти мы уже привели примеры, лучше которых нельзя и найти. Остается сказать о том, что достопамятно не благодаря власти или царствованию, но благодаря некоему другому, своему собственному достоинству. Вентидий Басс, имевший простую мать и безвестного отца, был в юношеском возрасте проведен вместе с другими пленными за колесницей триумфатора Гнея Помпея Страбона (отца великого Помпея), покорившего его родину. Но фортуна переменилась: пленник стал военачальником римлян, одержал победу над парфянским царем, кичившимся древностью власти и недавней победой, убил царского сына, истребил вражеские легионы; судьба не обещала этого в тот день никому из римских военачальников. Тем самым он доблестно отомстил за небывалый разгром римлян и смерть Красса²².

Победителем и триумфатором почтительно въехал на Капитолий на собственных колесницах тот, кто украшал когда-то как пленник чужие; пленными врагами наполнил римскую темницу тот, кто сам когда-то был связан и брошен в подобную темницу. И тем приятнее было

²⁰ Это высказывание Платона было известно Петrarке скорее всего через Сенеку. (См.: *Сенека*. Нравственные письма к Луцилию, XLV, 4.)

²¹ Август – основатель Римской империи Гай Октавиан Август (63 г. до н. э. – 14 г. н. э.) принадлежал к роду Октавиев, который ведет свое начало из Велитр, небольшого города в южном Лациуме. Октавиан был внучатым племянником Юлия Цезаря, который его усыновил.

²² Марк Лициний Красс, римский политический деятель, консул 70 и 55 гг. до н. э., погиб в сражении с парфянами при Каррах, где римляне потерпели страшное поражение, потеряв 45 тыс. человек.

зрелище и удивительнее победа, что случилось это по истечении лет в тот же самый день, когда произошло то страшное поражение при Каррах²³. Кто же до такой степени честолюбив и столь жаждет власти, чтобы не предпочесть эту славу без власти бесславному царствованию? Разве что-нибудь помешало счастью и высшей славе Вентидия? Быть может, то, что он был низкого происхождения? Или то, что в юности его положение было униженным и жалким? Нет. Во всяком случае, Рим высоко почтил мужа, презираемого соотечественниками, и поместил темное имя чужеземца среди славных имен своих граждан.

Вот лестница для восхождения, вот ступени для доблести, идя которыми, прилагая все усилия, надеясь и неутомимо трудясь, можно достичь не только славы и лучшей судьбы, но и самого неба. Так и ты, если рожден безвестным, – стремись возвыситься, направляй свои шаги от начала до конца по следу доблести, никуда не отклоняясь и не останавливаясь.

Скорбь. Начало было низким.

Разум. Оно осталось в прошлом; думай о том, что последует. Некоторым кажется, насколько мне известно, что первый и последний дни жизни более всего определяют или, как они говорят, заключают в себе сущность человеческого состояния. Относительно последнего дня я, возможно, согласился бы, относительно первого – нет. Пусть даже они считают очень важным, с каких предзнаменований этот день начинается. Пусть даже Сатирик, соглашаясь с ними, так написал, говоря о самом Вентидии: «Узнай же, какие звезды встретили тебя, только начинающего издавать писк и доныне краснеющего из-за матери».

Мы, однако, отвергаем подобное, отрицаем и эти предзнаменования, и эту столь великую силу звезд, отдавая всю власть благому создателю звезд. И ни одного человеческого создания мы не лишаем возможности ступить на стезю доблести, счастья и славы.

Скорбь. Род очень низок.

Разум. Неужели ты предпочтешь назойливое высокомерие? Или ты чувствуешь, что тебе чего-то не хватает, если атрий²⁴, наполненный закопченными изображениями и разбитыми статуями, и фамильный склеп с множеством полуосыпавшихся надгробных надписей не служат твоему безумию, по причине которого ты мог бы спесиво болтать на площадях о тех, кого не знаешь?

Скорбь. Я рожден незнатным.

Разум. Некоторым казалось, что счастье не только родиться, но и жить незнатным. Или ты не читал у Цицерона в «Тускуланских беседах» стихотворение могущественного царя, который хвалит старца и говорит, что тот счастлив, так как незнаменит? И намеревается остаться незнатным до смертного часа.

Итальянский гуманизм эпохи Возрождения: Сб. текстов / Под ред. С. М. Стама. Саратов, 1984. Ч. 1. С. 122–127, 131–137.

Пер. и комм. Н. И. Девятайкиной

²³ Марк Лициний Красс, римский политический деятель, консул 70 и 55 гг. до н. э., погиб в сражении с парфянами при Каррах, где римляне потерпели страшное поражение, потеряв 45 тыс. человек..

²⁴ Атрий – парадная средняя часть римского дома; в ней обычно ставили изображения предков, здесь же находился очаг, от которого могли закоптиться и стены, и статуи.

Маттео Пальмиери

Маттео Пальмиери (1406–1475) родился в семье флорентийских аптекарей, образование получил в школе Созомено да Пистойя и во Флорентийском университете, где слушал лекции известных гуманистов Карло Марсуппини и Амброджо Траверсари; в зрелые годы участвовал в философско-богословском кружке, возглавляемом византийцем Иоанном Аргиропулом. Пальмиери – заметная фигура в политической жизни своего города, он служил дипломатом, занимал различные гражданские должности, в их числе и такую высокую, как гонфалоньер справедливости.

По творчеству Пальмиери видно, как флорентийский гуманизм XV в. совершает переход от предпочтения моральной философии и идеалов гражданственности к увлечению тем направлением мысли, которое открывали творения Платона и его последователей. В 1439 г. Пальмиери пишет диалог «О гражданской жизни», а в 1464 г., подражая Данте, он слагает в терцинах поэму «Град жизни», философско-богословское содержание которой отразило возросший интерес к платонизму; заподозренная в ереси, она имела хождение только в списках. Пальмиери принадлежат также историко-политические сочинения: «История Флоренции» (с 1432 по 1474 г.), «О взятии Пизы» (1440-е годы), «Хроника» (от сотворения мира до 1449 г.), жизнеописания и надгробные речи, посвященные некоторым гуманистам – его современникам, официальные речи, произнесенные при вступлении на тот или иной пост.

Концепция человека, которой Пальмиери держится в ранних своих сочинениях, построена на идеалах гражданственности, служения общему благу, отечеству. Именно требованиями гражданской морали определяются в конечном счете цели воспитания, которое, в понимании гуманиста, является делом чрезвычайной важности, нуждающимся в специальном наставлении. Нельзя утверждать, будто Пальмиери совершенно отделился от сословного подхода к проблемам воспитания. Но несомненно, что сам он – приверженец всестороннего развития человека и особенно подчеркивает важность формирования высоких нравственных качеств в нем. С этим связано предпочтение, отдаваемое среди других наук философии, прежде всего моральной, которая становится вершиной всей пирамиды образования. Важное место в этико-педагогической программе Пальмиери занимает мысль о необходимости всегда соотноситься с возрастом, учитывать его возможности и ограничения и, что не менее важно, природные наклонности и устремления, проявляемые каждым человеком.

О. Ф. Кудрявцев

Гражданская жизнь Книги вторая, третья, четвертая

Кто... проявляет всяческое усердие и заботу в честных и достойных познания делах, из которых проистекает... частная или общественная польза, по заслугам достоин похвалы. Теряющие же время в занятиях искусствами, весьма темными, трудными и не имеющими отношения к науке жить добродетельно, достойны всеобщего позора, потому что приносят какую-то пользу не умение доказать человеку, человек ли он или баран и имеет рога, но доказательство того, что он рожден для добродетели, осуществление которой будет полезным делом и общим благом для многих...

В земной жизни существуют разнообразные и многочисленные вещи, созданные природой для того, чтобы доставлять удовольствие людям и быть ими очень любимыми. Но никакая другая любовь не влечет нас сильнее, чем любовь к родине и собственным детям. Понять это достаточно легко, ибо любое другое наше благо и любое другое приятное желание кончаются

вместе с жизнью, [но] мы хотим и страстно желаем, чтобы родина и дети и после нашей смерти продолжали существовать и быть счастливейшими и преисполненными истинной славы. Я не мог бы объяснить в достаточной степени, откуда происходит такое, но признается без сомнения, что в наших душах есть словно бы врожденное желание будущей жизни; оно заставляет нас стремиться к нашей вечной славе, к счастливейшему положению нашей родины и постоянному благу тех, кто от нас родится...

Утверждают поэтому, что среди всех человеческих деяний самым превосходным, наиболее важным и наиболее достойным является то, которое совершается ради усиления родины и ее блага и ради наилучшего положения любого, хорошо устроенного государства, к сохранению которого более всего способны добродетельные люди. Греческие, латинские и варварские истории полны памятных примеров, показывающих, насколько мужественно благородные граждане пренебрегали всякой частной пользой ради спасения государства, за каковые свои труды были прославлены высочайшей славой и благодаря вечной памяти в мире стали бессмертными. Фабии, Торкваты, Деции, Марцеллы, Горации, Порции Катоны и выдающиеся своей славой Корнелии Сципионы и многие другие римские фамилии, чьи представители, будучи благородны душой и столь мужественны, не имели в душе ничего другого, кроме блага государства и его усиления, ради чего они выносили часто многие трудности, заботы, лишения, опасности, раны, принимали жесточайшую смерть, и столь пылко их воодушевляло величие государства и его спасение, что в достижении их они упорно преодолевали любое лишение и любую трудность, привыкая к ним, благодаря непрерывному опыту, начиная с детских лет...

То, что с неба приходят и на небо возвращаются все справедливые правители государств, утверждалось высочайшими мужами во все времена мировой истории с полной достоверностью. Платон в конце своего поистине божественного «Государства» душам лучших граждан, лишенных тел, выделяет место среди небесных тел, с которыми они пребывают [вместе] в блаженной вечности²⁵. Равным образом наш Туллий²⁶ в своем заключении к книгам «О государстве» показывает с помощью Сципиона, что для душ тех, кто оберегает государство, определено место на небе. Достигнув после смерти этого места, Сципион Старший является Сципиону Младшему и побуждает его достойно трудиться ради государства с целью достичь того счастливейшего места, где, как он показывает ему, радуются удовлетворенные предки его и многие граждане, всегда стремившиеся только к спасению и усилению государства.

Когда я вспоминаю об этих вещах, мне на память приходит один случай (о нем я слышал многократно), который чудесным образом произошел с нашим поэтом Данте после выдающейся победы флорентийцев при Кампальдино²⁷... Когда занялись поисками тел сраженных, Данте долго искал своего любимого товарища, который из-за полученных ран лишился жизни; наконец, Данте пришел туда, где лежало его тело, [но] тот, кто был изранен и искромсан, то ли ожив, то ли не будучи мертвым (мне неизвестно), вдруг поднялся перед Данте на ноги, подобно живому, как мне достоверно известно по слухам. Пораженный Данте, не надеясь увидеть его живым, весь задрожал и надолго потерял дар речи; наконец, когда заговорил, раненый сказал ему: «Укрепись духом и оставь всякое подозрение, потому что не без причины послан я по особой милости от светоча вселенной с тем только, чтобы рассказать тебе о том, что я увидел за эти три дня, находясь между двумя жизнями... Нет ничего на земле более приятного Богу, чем любить справедливость, милосердие и благочестие, хотя эти вещи важны в отношении к каждому человеку, но важнее всего остального в отношении к родине. Ее спасителям широко открыт путь на небо, в те вечные жилища, которые ты и отсюда видишь... А я там увидел

²⁵ Платон. Государство. X. 614a-621 в. Пальмиери очень вольно толкует Платона и не говорит ничего, в частности, о переселении душ, описанием чего заканчивается «Государство».

²⁶ Туллий – Цицерон. Пальмиери ссылается на «Сновидение Сципиона» в VI книге Цицерона «О государстве».

²⁷ При Кампальдино в 1289 г. произошла битва между гибеллинами и гвельфами, в результате которой гвельфы одержали полную победу.

души всех граждан, которые справедливо управляли в мире своими государствами; среди них я узнал Фабриция, Курия, Фабия, Сципиона, Метелла и многих других, которые ради спасения родины отодвигали на задний план себя и свои дела... Никакая человеческая деятельность не может быть лучше, чем заботиться о спасении родины, охранять города и сохранять союз и согласие соединенных во благо масс...»

Matteo Palmieri. Vita civile. Edizione critica a cura di Gino Belloni. Firenze, 1982. P. 69, 103–104, 126, 199–201, 206, 208.

Пер. и комм. Н. В. Ревякиной

Лоренцо Валла

Лоренцо Валла (1407–1457) – выдающийся итальянский гуманист, один из наиболее ярких мыслителей XV в. Родился в Риме в семье юриста. В университете не учился, но получил отличное знание латинского и греческого языков. Ранние годы Валлы прошли вблизи папской курии, где был апостолическим секретарем его дядя, ставший после смерти отца опекуном Валлы. В курии в этот период собрались известные гуманисты – Поджо Браччолини, А. Беккаделли, А. Лоски и др.; здесь царил дух вольномыслия, обсуждались события гуманистической жизни, вновь открытые рукописи. Все это не могло не оказать влияния на молодого Валлу. Важным этапом в формировании его взглядов была его работа в университете Павии, где он в 1431–1433 гг. преподавал риторику; здесь, в павийском окружении, рядом с такими гуманистами, как Маффео Веджо, Катоне Сакко, сформировались филологический метод исследования Валлы и его антисхоластическая и антиаристотелевская позиция. Самым плодотворным периодом в творчестве Валлы было его пребывание в 1435–1447 гг. при дворе неаполитанского короля Альфонса Арагонского. Позже Валла вернулся в Рим, служил при папской курии, занимался преподаванием в Римском университете и творческой работой.

Валла отличался независимым и критическим духом, остро чувствовал проблемы времени и откликался на них. Вокруг его работ постоянно велась полемика. Церковь, институты которой (монашество прежде всего) и светскую власть он критиковал, пыталась даже устроить против него в Неаполе инквизиционный процесс, но этому помешал король. Валла был выдающимся филологом своего времени, его трактат «О красотах латинского языка» стал первой научной историей языка; работа была очень популярной, читалась в гуманистических школах. Филологический метод Валла использовал в «Сопоставлении Нового Завета», где, исследуя ряд латинских и греческих рукописей, отмечает грамматические ошибки, ошибки переводчиков, предлагает многочисленные исправления, т. е. подходит к Новому Завету как к историческому документу, доступному филологическому анализу. Эту работу Валлы высоко ценил Эразм. В полемике со схоластикой и ее непререкаемым авторитетом Аристотелем Валла создает свою «Диалектику», где критикует метод мышления и способ аргументации схоластов и пытается, упростив диалектику, приблизить ее к жизни. В диалоге «О свободе воли» он выступает против средневековой теологической концепции относительно соотношения свободы воли и божественного провидения. Его знаменитый трактат «О ложном и вымышленном дарении Константина» (1440), в котором гуманист предстает во всеоружии блестящей филологической культуры, доказывает подложность документа, на котором основывалась светская власть папства; эта работа, помимо ее политического значения, явилась замечательным образцом гуманистической критики источника. В работе «Об истинном и ложном благе» (первая ее редакция – 1431 г., четвертая – видимо, после 1449 г.) Валла, основываясь на идеях отвергнутого Средневековьем и церковью Эпикура, развивает в споре стоика, эпикурейца и христианина свой взгляд на высшее благо, понимая под ним наслаждение и выстраивая на этом свойственный от природы всем живым существам стремлению этическое учение, в основе которого лежит личное благо.

Ниже приводятся фрагменты из книги Валлы «Об истинном и ложном благе», дающие представление о характерных чертах его этического учения.

Н. В. Ревякина

Об истинном и ложном благе

Книга первая

Х. [1] Теперь к тебе, Катон²⁸, возвращаюсь, с которым у меня битва, словно с неким императором заморских народов, далеких от наших нравов. Итак, вначале я мог бы правдиво и по совести, не оскорбляя ничьих ушей, ответить на то, что ты сказал о природе: то, что создала и устроила природа, может быть только свято и достойно похвалы, как это небо, например, которое простирается над нами, украшенное днем и ночью светилами и возведенное с великой разумностью, красотой, пользой. Надо ли упоминать о морях, землях, воздухе, горах, равнинах, реках, озерах, источниках, даже о самих тучах и дождях? Надо ли упоминать о домашних и диких животных, о птицах, рыбах, деревьях, пашнях? Ничего не найдешь устроенного, как уже говорилось, без высшей разумности, красоты, пользы, не наделенного и не отмеченного ими. Свидетельством тому может быть хотя бы само строение нашего тела, как очень ясно показал проницательный и красноречивый муж Лактанций в книге, названной им «О творении», хотя можно еще привести и гораздо больше примеров, и не хуже тех, о которых он упоминает. [2] Однако пусть тебя не удивляет, если я, который кажусь защитником Эпикура (ибо высшее благо, как и он, помещаю в наслаждении), признаю, что все создано провидением природы, чего он не считал.

XIII. [3]...Природа сделала для тебя доступными наслаждения и одновременно дала и сформировала душу, склонную к ним, а ты теперь не воздашь ей благодарности? Но не знаю, из-за какой болезни душевной (именно так подобает это назвать) ты предпочитаешь вести жизнь одинокую и печальную, и чтобы довести вашу несправедливость до высшей точки, вы [стоики] напали на природу, под руководством которой вы могли бы жить счастливее всего, как с самой ласковой матерью, если бы хоть что-то соображали. [4] И у тебя нет причин утрачивать человеческий род этой своей речью против природы, как будто именно она вызывает войны, кораблекрушения, бесплодие и прочее – в наказание злым. В большей части [этих бедствий] повинны люди. Однако, о проницательный человек, когда ты видел, чтобы в милости у природы находились более остальных честные люди? Ведь если ты уступаешь ей наказание бесчестного, то в гораздо большей степени признай за ней возвеличивание честных людей. <...> [6] С другой стороны, ты сам назвал многих, которых сделали, как ты сказал, несчастными добродетели. Но разве ты не знаешь, что существует общее мнение всех философов (не только тех, кто говорит, что Бог ничего сам не делает, ничего не требует от других, но и тех, которые полагают, что Он всегда чем-то занят, что-то создает), что Бог ни на кого не гневается и никому не вредит? Ведь природа – то же самое, что Бог, или почти то же самое, как утверждает Овидий:

Бог и природы почин раздору конец положили²⁹.

XIV. [1]...ты, Катон, считаешь, что надо стремиться к добродетели, я – к наслаждению; оба эти принципа, очевидно, сами по себе противоположны, и между ними нет никакой связи, подобно тому, как говорится у Лукана:

...как пламя от моря

²⁸ В диалоге Валлы ведут спор о высшем благе стоик, эпикурец и христианин; на самом деле речи персонажей диалога – это особая интерпретация Валлой стоицизма, Эпикурова учения и христианства, не совпадающая с подлинными. От имени стоиков выступает Катон Сакко, гуманист и юрист; он выдвигает тезис о всеобщей порочности людей, объясняя ее злым отношением природы к человеческому роду, это злое отношение проявляется и в природных бедствиях, которые природа насылает на людей. Высшим благом стоик считает добродетель как совокупность высших нравственных качеств в человеке, добродетель самоценна, к ней стремятся ради нее самой.

²⁹ Овидий. Метаморфозы. 1, 21 (пер. С. Шервинского).

Или земля от светил – отличается право от пользы³⁰.

Ведь полезное – то же самое, что исполненное наслаждения, справедливое – то же, что добродетельное, хотя некоторые, чье невежество слишком явно, чтобы нуждаться в опровержении, отделяют полезное от исполненного наслаждения...

XV. [1] Итак, наслаждение есть благо, которое ищут повсюду и которое заключается в удовольствии души и тела, почти так определял его Эпикур, греки называют его «гедоне» (наслаждение). Ибо, как говорит Цицерон: «Нельзя найти никакого слова, которое вернее, чем наслаждение, выражало то же по латыни, что по-гречески [понятие] ἡδονή. Под этим словом все люди, где бы они ни находились, понимают две вещи: радость в душе от сладостного волнения и удовольствие в теле»³¹. [2] Высокая нравственность (*honestas*) есть благо, смысл которого заключается в добродетели и которое желанно ради него самого, а не ради чего-то другого, в этом мнении сходятся Сенека и прочие стоики. Или, как говорит Цицерон, «под добродетельным как таковым мы понимаем то, что может быть похвальным по праву само по себе, независимо от всякой пользы, от каких-либо наград и результатов»³². Греки называют *honestum* καλόν, и я полагаю, что ты, Катон, к этому определению ничего не можешь добавить. Каждый из нас называет свое благо не только высшим, но и единственным, ты – основываясь при этом на авторитете Зенона, я же – Аристиппа, который, на мой взгляд, понимал это правильнее всех.

XXXIII. [1] Те четыре качества, называемые добродетелями, которые вы черните именем высокой нравственности³³ и на которые претендуете с обычным для вас высокомерием, не достигают ничего другого, как этой же самой цели... Благоразумие (скажу об этой вещи очень кратко) состоит в том, чтобы уметь предвидеть выгодное для себя и избегать неблагоприятного. Поэтому Энний тонко замечает: «Тщетна мудрость того мудреца, который не может быть полезен самому себе»³⁴. Умеренность – в том, чтобы воздерживаться от какой-то одной радости, с тем чтобы наслаждаться многими и большими... Справедливость – в том, чтобы снискать себе у людей расположение, благодарность и приобрести выгоду... Скромность же (некоторые исключают ее из числа четырех добродетелей) является, насколько лично я понимаю, не чем иным, как средством как-то снискать авторитет и расположение у людей тем, что нет нелепости в голосе, лице, жестах, походке, одежде.

XXXIV. [1] Перед вами истинное и краткое определение добродетелей. Среди них наслаждение будет подобно не блуднице среди матрон, как болтает злоречивый род людей – стоики, а госпоже среди служанок; одной она приказывает поспешить, другой – возвратиться, третьей – остаться, четвертой – ожидать, восседая сама без дела и пользуясь их услугами.

XXXV. [1]... ты [Катон] привел много примеров, вступать в рукопашную схватку с ними всеми мне нет смысла. Нужно раз и навсегда иметь в виду следующее: что бы ни совершили те, которых ты перечислил, они совершили это ради одного наслаждения, то, что даже ты не можешь отрицать. Чтобы заложить основу этого дела, скажу, что ничего так не выделено природой роду живых существ, как способность сохранять себя, свою жизнь и тело и уклоняться от того, что может принести вред. Так вот, что более сохраняет жизнь, чем наслаждение – от вкусовых ощущений, зрения, слуха, обоняния, осязания, без чего мы не можем жить? Без

³⁰ Лукан. Фарсалия. VIII, 487–488.

³¹ Цицерон. О пределах добра и зла. II, 4, 13.

³² Там же. II, 4, 45.

³³ Высшее благо стоиков обозначено термином *honestas* – честь, высокая нравственность, для Валлы это понятие абстрактно и лишено смысла, а конкретные добродетельные качества (благоразумие, справедливость и др.) он признает, но подчиняет наслаждению и отделяет от *honestas* – высокой нравственности, отсюда и его слова: «...черните именем высокой нравственности».

³⁴ Энний. Медея. Цит. по: Цицерон. Об обязанностях. III, 62.

добродетели можем. Так что если кто-то будет суров и несправедлив по отношению к какому-либо из чувств, то он будет действовать вопреки природе и вопреки своей пользе.

Книга вторая

XV [2] [Из всех приводимых примеров] явствует, что добродетель есть некое пустое и бесполезное слово, ничего не выражающее, ничего не доказывающее, и ради нее ничего не следует делать! Не ради нее совершали большие дела и те, которые были названы³⁵. Какая же причина заставила их действовать? Причины могут быть многочисленны; но какие они были, я не ищу и не исследую. Достаточно того, что добродетель, т. е. ничто, причиной не была. Хотя этого для моего доказательства было достаточно, однако надо ответить подробнее и обстоятельнее и показать, что те герои, о которых упоминается, руководствовались не добродетелью, а одной лишь пользой, к которой все и следует свести. Ибо (ответу в самых общих чертах) пользой только то надо называть, что или лишено ущерба, или, по крайней мере, больше, чем ущерб. Полезнее ли рыбам питаться пищей, бросаемой в течение нескольких дней в воду, с тем чтобы их можно было легче оттуда выловить? Или полезнее ли ягненку пастись на более тучных пастбищах, когда тем быстрее он будет заколот, чем быстрее пожирнеет? [4] Им подобны, можно сказать, те, кто предпочитает малые блага большим; вернее, даже благами не должны считаться те, что влекут за собой большее зло... [5]... таким образом, большие блага, каковые суть большие выгоды, предпочитаются меньшим благам или, по крайней мере, меньший ущерб большему. [6] Что же такое большие блага и что меньшие, определить трудно именно потому, что они меняются в зависимости от времени, места, лица и прочих подобных вещей. Но, чтобы разъяснить суть дела, скажу вот что: главное условие большего блага заключается в отсутствии несчастий, опасностей, беспокойств, тягот; следующее в том, чтобы быть любимым всеми, что является источником всех наслаждений. Что это такое, все понимают, и свидетельство тому – многочисленные книги, написанные о дружбе; это ясно и из противоположного, поскольку жить окруженным ненавистью подобно смерти. Согласно этому правилу мы оцениваем и определяем добрых и злых людей из того, умеют они либо не умеют сделать выбор между этими вещами.

XVI. [1] Скажу сначала о злых; тиран Дионисий был, несомненно, злым – не потому, что захватил власть (ибо она желанна и любой сделал бы так), но потому, что в то время как он других грабит, убивает, не оставляет ничего святого, наконец, в то время как внушает всем страх, он сам непременно их же боится... [2] Итак, этого человека я назвал злодеем потому, что он предпочел любви граждан, т. е. безмятежной и радостной жизни, пышные пиры, роскошное великолепие, произвол власти... Заметим, что то же самое было сказано и о других людях, которые потому злы и заслуживают наказания, что действуют во зло себе. Удовольствуюсь, однако, одним примером этого. Так, если кто-то скроет от детей вклад умершего отца и вследствие этого вызовет подозрение тех и остальных людей, он неразумен и несправедлив, так как не заботится о собственной жизни и добром имени. Если же не будет никакого подозрения, то он порочен, потому что предпочитает деньги уважению и благожелательному отношению людей. [3] Так что не может быть свойственно человеку, если не глубоко несчастному или привыкшему к злодеяниям, чтобы он не радовался благу другого человека и, более того, чтобы сам не был причиной радости того, например, в случае спасения кого-то от нужды, пожара, кораблекрушения, плена. Таким образом, на основании ежедневного опыта надо приучить себя к тому, чтобы уметь радоваться пользе других людей, и надо всеми силами постараться, чтобы они нас полюбили. Это случится только при условии, если мы их полюбим и будем стремиться

³⁵ В начале своей речи Катон называет любимых стоических героев, совершавших подвиги ради блага отечества и прославленных бессмертной славой, а также тех, кто прославился в науках.

оказывать им большие услуги. Если мы пренебрежем этим, то наша жизнь никогда не будет радостной.

XXVII. [1] Добавим кое-что о менее важных вещах, которые приводят те (противники). Ты нашел на земле деньги какого-нибудь прохожего: верни их человеку, если он не будет бесчестным или пропащим, хотя следует воздерживаться и от оскорблений бесчестных людей, чтобы из-за нанесенных им оскорблений не произошло вреда для добрых. Доброму же человеку ты возвратишь деньги не потому, что возвратить их добродетельно, но чтобы порадоваться его благу, его радости и расположению и вдобавок расположению других, чтобы снискать себе доверие. Однако здесь необходим совет: делать это не наедине и не скрытно от всех, а так, чтобы это известие дошло до людей; т. е. делать ради пользы, а не ради добродетели, как я уже неоднократно говорил. [2] Если твой расчет в том, чтобы не причинить человеку ущерба, насколько же достойнее и целесообразнее мой – чтобы и ему и себе быть полезным; хотя я действую только в собственных интересах, но при этом хочу быть полезным другому, с тем чтобы равным образом быть полезным самому себе. Поэтому, если бы я не возвратил деньги прохожему, то был бы преступником по отношению к своему доброму имени. Кроме того, верно и то, что если бы деньги были нужны мне для сохранения жизни, то, даже по вашему мнению, я не должен возвращать их.

XXXIII. [1]..Итак, мы говорим, что высокая нравственность есть то же самое в роде, что добродетели, в виде, каковые добродетели сводятся к цели пользы. Таким образом, те будут действовать добродетельно, которые большие выгоды предпочтут меньшим, меньший ущерб большему (в чем необходимо знание большего и меньшего), бесчестны же – те, кто это делает наоборот.

Лоренцо Валла. Об истинном и ложном благе. О свободе воли. М., 1989. С. 83–84, 88–90, 93–95, 112–113, 153–155, 170–171, 193.

Пер. и комм. Н. В. Ревякиной

Джанноццо Манетти

Джанноццо Манетти (1396–1459) родом из Флоренции, происходил из зажиточной семьи, в молодости занимался торговыми и банковскими делами. К гуманизму обратился поздно, но тем знаменательнее факт его обращения. Образование получил дома и в камальдуленском монастыре, ставшем одним из центров флорентийского гуманизма благодаря деятельности в нем монаха-гуманиста Амброджо Траверсари. Манетти изучил философию (моральную и естественную) и теологию, физику, геометрию; наряду с латинским языком выучил греческий и еврейский. Более других писателей ценил Августина и Аристотеля.

Манетти был активным участником общественной и государственной жизни Флоренции и на протяжении 15 лет (1437–1452) верно служил родному городу, пользуясь у граждан большим авторитетом. Он был неоднократным участником дипломатических миссий (к папе, в Венецию, к неаполитанскому королю, в Сиену и др.), исполнял ряд финансовых обязанностей на службе республики. Его речи по поводу коронации папы Николая V, посещения Италии императором Фридрихом III, по случаю смерти канцлера Флоренции Леонардо Бруни стяжали ему славу выдающегося оратора своего времени. Усиление во Флоренции власти Медичи вынудило Манетти покинуть город. Гуманист нашел прибежище в папской курии Николая V, а затем уехал ко двору неаполитанского короля Альфонса Арагонского.

Манетти переводил с греческого и комментировал этические труды Аристотеля. Он составил ряд жизнеописаний (Сократа, Сенеки, Данте, Петрарки, Боккаччо, папы Николая V), написал «Историю Пистойи», трактат «О землетрясении». Проявляя интерес к теологии, участвовал в религиозных диспутах, начал писать сочинение «Против иудеев и язычников», оставшееся незавершенным; переводил с еврейского «Псалмы». Часть работ Манетти до сих пор не опубликована, среди них интересный «Диалог на дружеском пиру» – о браке и семье, о животных, служащих человеку.

Самая известная работа гуманиста – трактат «О достоинстве и превосходстве человека», состоящий из четырех книг. Он посвящен доказательству превосходства человека над всеми другими живыми существами, обоснованию его достоинства и высокого, творческого жизненного предназначения. Автор развивает свои взгляды в полемике с идеологами аскетизма, и прежде всего с папой Иннокентием III, который, будучи кардиналом, написал трактат о жалкой участи человека и презрении к миру. Замысел трактата у Манетти родился в ходе дискуссий при дворе неаполитанского короля Альфонса Арагонского. Двор был культурным центром Неаполя, где Манетти появлялся в посольских миссиях. На вопрос, заданный Манетти королем относительно жизненного предназначения человека, тот ответил: «*Познавать и действовать*»; этот ответ стал центральной мыслью трактата. Написан или дописан трактат был во Флоренции накануне изгнания, в 1451–1452 гг., и посвящен Альфонсу Арагонскому.

Н. В. Ревякина

О достоинстве и превосходстве человека

Книга третья

Поскольку мы [уже] отмечали, что тело и душа – лишь две [части], из которых состоит человек, и обращали внимание на некоторые присущие телу отличия и исключительные и достойные восхищения свойства души, а также на некоторые общие [качества] того и другого в их связи и поскольку по этой причине мы до сих пор, напомним, много говорили в первой книге о замечательных дарах человеческого тела, во второй – об особых дарованиях и преиму-

щества разумной души, то [теперь] в третьей книге рассмотрим кратко человека в целом в его смертной жизни, /человека/, кто был чудесным образом создан всемогущим Богом, в чем мы по праву не можем колебаться и сомневаться, раз те части, из которых, как известно, человек составлен и образован, сотворены божеством, что мы показали выше.

...Начнем более основательно издалека, и прежде всего рассмотрим кратко, что такое человек, ибо всякое учение, которое создается о каком-нибудь предмете, должно отправляться, согласно древнему суждению, от определения, дабы ясно было, что является предметом обсуждения³⁶. Человек – социальное и гражданское животное, наделенное разумом и пониманием³⁷, – так он определялся, как известно, заблудшими и не знающими света [истины] и слепыми философами. Мы же, которым тайный и сокровенный свет истины явился воочию из божественных изречений священных книг, рассматривая вновь и вновь это самое (какое оно ни есть) определение язычников, с достоверностью знаем, что оно не во всех отношениях совершенно. Поскольку известно, что они обладали душой, связанной с бренным и мрачным обиталищем собственного тела и не озаренной никаким светом, кроме естественного, и вследствие этого совсем не могли постигнуть в человеческих спорах сокровенную неизвестность возвышенных вещей, то мы, укрепленные и поддержанные сверхъестественным и божественным величием, осмелимся исправить их определение таким, по крайней мере, образом: человек – животное с вышеназванными определениями (которые остаются), частично смертное, пока находится в этой земной жизни, частью бессмертное, когда воскреснет из мертвых...

Поскольку мы уже показали с очевидностью, что человек был создан всемогущим Богом, осталось, во-первых, немного шире рассмотреть, каким сделал его верховный учитель, затем кратко рассказать о том, к какому долгу и занятию предназначил его, созданного столь чудесным образом, и, наконец, сообщить, почему создал его таким. Изложив это по нашим способностям бесцветно и сухо, мы попытаемся, кроме того, добавить кое-что о некоторых благородных и превосходных свойствах человеческой природы.

Итак, с самого начала Бог, видимо, посчитал это столь достойное и выдающееся свое творение настолько ценным, что сделал человека прекраснейшим, благороднейшим, мудрейшим, сильнейшим и, наконец, могущественнейшим. Ведь его облик, как показали мы очень полно и широко в первой книге, столь возвышен и превосходен, что многие как языческие, так и христианские писатели утверждали, что бессмертные боги должны изображаться в храмах и святилищах только в человеческом образе, гораздо более возвышенном и превосходном по сравнению со всеми прочими; они полагали, что их [т. е. богов] образу подобает быть человеческим, или, скорее, нашему – божественным. Об этом прямо и ясно заявляет Цицерон в первой книге «О природе богов»; его слова таковы: «Этому содействовали поэты, живописцы, скульпторы, ведь нелегко было богам, что-то делающих и чем-то управляющих, изображать в других формах»³⁸. Поэтому эти мнимые нарисованные либо изваянные образы богов получили название от подобия. Но единственным и истинным образом бога является человек, именно в нем все образованные, а равно благочестивые люди, рассматривающие этот вопрос, различают явление и отблеск некоего божественного подобия. Ибо какое соединение членов, какое построение линий, какая фигура, какой облик (если говорить о внешнем и видимом) могут быть прекраснее, нежели человеческие? И если сам мир так украшен и так красив, что не может быть прекраснее ни в действительности, ни в помыслах, ибо и название свое он получил

³⁶ Цицерон. Об ораторе. 1, 48, 209.

³⁷ Такое определение человека основывается у Манетти на аристотелевском определении человека как существа политического (*Аристотель*. Никомахова этика. 1, 5 (VII), 1097b; Политика, I, 9, 1253a); он мог опираться и на высказывания Цицерона о социальной природе человека (*Цицерон*. Об обязанностях. 1, XVI, 50–53), и на античные представления о разумной природе человека (*Цицерон*. О законах. I, VII, 22–23).

³⁸ Цицерон. О природе богов. I, XXVII, 77.

от красоты и нарядности, сколь красивым и изящным мы должны посчитать того, ради кого была создана, как известно, красота мира?

Но чтобы яснее и явственнее засияла вся красота этого мира в целом, вообразим на минуту перед своими глазами, как бы обозревая и созерцая, земли, моря, небеса, украшенные небесными светилами и звездами, солнечный и лунный свет, такой разный, восход и заход светил и их незыблемые и неизменные движения в вечности. Рассмотрим с этой целью разнообразие красот всего названного; неиссякаемость прохладных источников, прозрачную влагу рек, зеленые одежды речных берегов, различающиеся между собой зеленью разнообразных и, так сказать, несхожих оттенков, обозрим пустые глубины пещер, суровые скалы, высокие вершины гор, бескрайние равнины. А сколь разнообразны виды зверей, как прирученных, так и диких? Полет и пение пернатых? Скот на пастбищах и жизнь лесных зверей? Что скажем, наконец, о человеческом роде, который, назначенный быть как бы возделывателем земли, не допускает, чтобы она одичала от свирепых зверей и сделалась пустынной, [захваченная] дикими растениями, и благодаря труду которого равнины, острова, берега покрыты пашнями и застроены городами? Если бы мы могли все это охватить и обозреть единым взором душой и глазами, то перед нами предстало бы столь удивительное зрелище, что невозможно было бы ни словами выразить это сполна, ни вообразить в мыслях в достаточной степени. Ведь если в древние времена выдающиеся мужи считали, что достигли чего-то достойного, увидев вход в Понт и теснины, между которыми первым прошел знаменитый корабль Арго, равно как и те другие, кто увидел проливы океана, где стремительная волна, отделяющая Европу от Ливии, разъединяет их, то каким, надо думать, было бы зрелище, если бы было позволено разом обозреть всю землю, ее расположение, вид, очертания, красоту³⁹. Но поскольку мы не можем увидеть телесным взором одновременно все собранное воедино, то, по крайней мере, укажем на некоторые отдельные, наиболее значительные и достойные вещи и скажем о них несколько пространнее, чтобы мы могли хотя бы лучше вообразить и представить все это столь прекрасное и достойное восхищения.

Итак, сколь удивительна красота моря Океана!⁴⁰ Сколь невероятна величина его, обтекающего, видимо, всю землю! Сколь красиво и прекрасно также наше Средиземное море, которое вытекает из Океана, словно из источника и начала, и дивно омывает многие края и земли! Как красиво, огромно и многообразно все в целом! Как прекрасны морские и речные берега! Сколько различных видов животных живет в глубине и плавает на поверхности! А сколько красоты в небесах! Ведь Солнце, которое нам кажется таким маленьким, словно бы ненамного превосходящим по своей величине размер человеческой головы, в действительности во много раз больше, чем вся Земля, вокруг которой оно вращается в непрерывном и вечном движении. Восходя и заходя, оно рождает день и ночь; то приближаясь, то удаляясь, оно каждый год совершает два противоположных поворота от крайних положений, в течение которых то словно какой-то печалью оно сжимает землю, то вновь радуется, чтобы возвеселилась она с небом. Луна, чья величина меньше земной, бродит в тех же пространствах, что и Солнце. Остальные звезды (бродячие и блуждающие из них мы называем греческим словом «планеты») вращаются вокруг Земли и в силу того же самого движения восходят и заходят; их движение то убыстряется, то замедляется; они даже часто останавливаются. Далее следует большое множество неподвижных звезд, чье разнообразие, действительно, столь удивительно и велико, что нельзя ни найти, ни помыслить ничего красивее, превосходнее и восхитительнее этого зрелища. Всемогущий Бог их создал, видимо, не только с той целью, чтобы лучше и полнее являла себя красота вселенной, но также и для того, чтобы с исчезновением солнечного света после захода солнца

³⁹ Цицерон. Тускуланские беседы. I, XX, 45. Трактаты «Тускуланские беседы» и «О природе богов» широко используются Манетти при описании мира и человека.

⁴⁰ Океан – в представлении древних, к которым близок Манетти, река, текущая по кругу и обтекающая землю; в ней берут начало все морские течения, реки и источники.

не становилась слишком тягостной от неприятного и ужасного мрака темная слепая ночь, не причиняла вреда живущим и не мешала человеку, ради которого Бог установил и правильно распределил все живущее; потому он с помощью необъятного числа малых звезд и ослабил мрак ночи многочисленными маленькими светильниками...

Если считается столь замечательной и великой красота мира, то каким обликом, какой красотой и изяществом должен быть наделен человек, исключительно ради которого и был, без сомнения, создан самый красивый и самый украшенный мир! Поэтому не удивительно, если древние и новые изобретатели благородных искусств, считая, что над всеми одушевленными и неодушевленными существами возвышается божественная природа и превосходит их, и не найдя облика прекраснее человеческого, согласились, видимо, в том, чтобы богов ваяли или рисовали в образе людей. А сколь прекрасен и благороден этот облик человека, можно видеть более всего из того, что любой человек предпочел бы умереть, чем обратиться в какого-либо зверя, сохраняя при этом (если бы могло такое произойти) человеческий рассудок. Подобное говорят о некоем Апулее из Мадавра⁴¹, который был обращен, как болтают, в осла, сохранив при этом человеческий рассудок; после того как он чудесным образом обрел вновь свой прежний облик, подлинно человеческий, он написал обо всем, что в то время выпало на его долю, в книге, которую назвал «Золотой осел». И в самом деле таким, то есть в высшей степени красивым и изящным, должен был быть облик этого скорее божественного, нежели человеческого существа (каким и является он на самом деле), чтобы по справедливости служить подходящим и удобным вместилищем для разума, скорее божественного, чем человеческого, что шире и подробнее мы показали в первой книге этой работы.

Но до сих пор речь шла об облике. А что сказать о тонком и остром уме этого столь прекрасного и изящного человека? Право же, этот ум столь могуч и замечателен, что благодаря выдающейся и исключительной остроте человеческого разума после первоначального и еще не законченного творения мира, видимо, нами было изобретено, изготовлено и доведено до совершенства все [остальное]. Ведь наше, то есть человеческое, поскольку сделано людьми, то, что находится вокруг: все дома, все укрепления, все города, наконец, все сооружения на земле, а их, бесспорно, так много и так они замечательны, что благодаря их великолепным свойствам они по праву должны считаться делом скорее ангелов, чем людей. Наша – живопись, наша – скульптура, наши – искусства, наши – науки, наша – мудрость (хотят или не хотят того академики, считавшие, что мы вообще ничего не можем познать, исключая, так сказать, только незнание). Наши, наконец, – чтобы не говорить больше об отдельных вещах, поскольку они почти бесчисленны, – все открытия, наши различные языки и разнообразные виды письменности, о насущной пользе которых чем больше размышляем, тем сильнее восхищаемся и изумляемся. Когда первые люди и их древнейшие наследники заметили, что они никак не могут жить сами по себе, без взаимной поддержки, они изобрели тонкое и остроумное искусство речи, чтобы через язык благодаря посредничеству слов становилось известным всем слушающим скрытое значение сокровенных помыслов. Когда затем, с течением времени, человеческий род удивительным образом умножился и населил различные области и районы земли, возникла необходимость изобрести буквы, с помощью которых можно было бы уведомлять отсутствующих друзей о наших намерениях. Отсюда, считается, взяли начало и распространились столь различные виды языков и изображения букв.

Наши, наконец, все орудия; удивительные и почти невообразимые, они были созданы и изготовлены с исключительным мастерством благодаря проницательности и остроте человеческого или, скорее, божественного ума. Все это и прочее, подобное ему, столь многочисленное и прекрасное, повсюду бросается в глаза, так что очевидно, что мир и его красоты, изначально

⁴¹ Манетти имеет в виду писателя и ритора II в. Апулея из Мадавра, роман которого «Метаморфозы» позже получил название «Золотой осел», главный герой этого романа юноша Люций чудесным образом превращается в осла.

созданные всемогущим Богом и предназначенные для пользования людей и принятые затем самими людьми с благодарностью, были сделаны ими значительно более прекрасными и превосходными и с гораздо большим вкусом отделанными. Откуда произошло, что первые изобретатели всех искусств стали почитаться древними язычниками за богов...

Стоит ли сверх того говорить о человеческой мудрости, когда само дело построения мира относится, как полагают, к достойному и единственному в своем роде долгу исключительно мудреца? Ведь мы не можем сомневаться и спорить, что мудрец по праву тот, чей прямой долг состоит, как мы говорим, в знании, и он, видимо, заключен именно в том, чтобы в действии соблюдать свой порядок. Но рассмотрим это немного яснее. Считается, что прямой долг мудреца заключается в том, чтобы благодаря своей исключительной мудрости все, что делается, устраивать и упорядочивать, а также управлять им. Но никто не будет отрицать, что большая часть того, что видят в мире, была устроена и упорядочена людьми. Ведь люди, словно хозяева всего и возделыватели земли, своими разнообразными трудами обработали ее удивительным образом, украсив равнины, острова, берега пашнями и городами. Если бы мы могли увидеть и обозреть это как душой, так и глазами, то любой, охвативший все единым взором, как мы уже говорили выше, вовек не перестал бы восхищаться и изумляться...

Далее мы никоим образом не понимаем, кому, как не мудрому человеку, принадлежит заслуга выработки интеллектуальных и моральных добродетелей. Когда он заметил, что двоякое, склонное к гневу желание свойственно как людям, так и животным, он, говорят, нашел и открыл для сдерживания необузданных и строптивых порывов этого желания интеллектуальные и моральные добродетели, которыми, словно уздой, умирал разнообразные и многочисленные позорные наслаждения, ибо он полагал, что желание наслаждений у людей полнее и богаче, чем у прочих животных...

К чему говорить более? Наши – небеса, наши – светила, наши – созвездия, наши – звезды, наши – планеты и, что может показаться более удивительным, наши – ангелы, которые, по словам апостола, считаются созданными для пользы людей, как духовные руководители⁴²...

Из всего сказанного нами выше и подтвержденного более чем достаточно следует прямо и безусловно, что человек является самым богатым и самым могущественным, поскольку он может пользоваться по собственной воле всем, что было создано, и по собственной воле господствовать над всем и повелевать. Поскольку древние римляне понимали, что все это дано человеческому роду от природы по воле божества, они воздали [благодарственную хвалу] за принятое самому Юпитеру, главнейшему, как они полагали, среди остальных богов, и называли его поэтому всеблагим и величайшим⁴³.

Далее, провидение искуснейшего творца предоставило человеку, кого оно создало столь прекрасным, столь талантливым, столь мудрым, столь богатым и, наконец, столь могущественным, первейшим и всюду повелевающим, почти бесконечное наслаждение, которое он мог получить и вкушать от всех видов сотворенных вещей, но которое склонно было к пороку; поэтому Бог поставил выше его добродетель, чтобы она всегда боролась с наслаждением как с кровным врагом. В самом деле, с помощью каждого из ощущений (зрения, вкуса, обоняния, слуха, осязания) люди воспринимают более несомненные, пылкие и более многочисленные наслаждения и удовольствия, чем прочие животные...

Далее, некоторым святым людям была дана небом власть совершать многие чудеса и многих умерших (удивительно сказать!) воскрешать от смерти к настоящей и несомненной жизни, как, помнится, мы читали у достойных авторов о Моисее, Илье, Елисее, Данииле и многих других пророках Ветхого Завета, а также о Петре, Павле, Иоанне и остальных апостолах, о Стефане, Лаврентии, Гервасии, Протасии и многих других мучениках. Кроме того, всем

⁴² Послание к евреям. 1, 14.

⁴³ Цицерон. О природе богов. II, XXV, 64.

священникам была дана власть не только отпускать и уничтожать путем крещения, [используя] некоторые составленные по форме выражения, первородный грех, которым все люди запятнаны от рождения, но и с помощью индульгенции и отпущения уничтожать и прочие человеческие прегрешения, проступки и позорные дела; и, кроме того, мочь – и это едва ли не лучшее из всех – готовить и освящать священнейшее тело Христово. Опустим епископов и других прелатов римской церкви и пап, которым, как известно, были уступлены и переданы всемогущим Богом бесспорные и достойные удивления привилегии осуждать и спасать людей...

Итак, после того как Бог назначил человеку быть таким, каким мы старались описать и обрисовать его, насколько это возможно, кратко, и после того как он наделил его, едва ли не в высшей степени, красотой, умом, мудростью, властью и многими другими восхитительными привилегиями, какую же обязанность вменил он этому небесному и божественному животному, установленному [в мире] столь чудесным образом? Рассмотрим это кратко.

Завершив сначала все дела по устройению мира, Бог сотворил затем человека; его мы называем по-еврейски Адам, именем, которое было дано ему, как известно, по справедливости, поскольку он был создан по воле Бога истинным и достойным человеком (Адам по-древнееврейски означает «человек». – *Н. Р.*). Поэтому в соответствии с той древней священной идиомой и называют Адамом, для ясного отличия его от других людей, первого человека, ради которого Бог незадолго перед тем [т. е. перед созданием Адама] все устроил, предписав ему владеть всем уже созданным и использовать все это для собственной пользы, как он пожелает. Поскольку велики, непоколебимы и восхитительны сила, разум и могущество человека, ради которого, как мы показали, был создан и сам мир и все, что в нем есть, то равным образом прямой, неизменный и единственный долг человека состоит, думается нам, в том, чтобы иметь и быть в состоянии руководить и управлять миром, созданным ради человека, и в особенности всем тем, что мы видим находящимся на земле. И человек никоим образом не смог бы осуществить это в совершенстве и вообще выполнить без действия и познания. Следовательно, мы с полным правом можем сказать, что обязанность действовать и познавать и составляет собственный долг одного лишь человека...

Иначе, то есть без действия и познания, человек совсем не мог бы, как нам думается, использовать мир, созданный ради него. Но никакое другое животное, за исключением человека, не могло по своей природе, как известно, стать причастным действию и познанию. Об этом говорил еще Цицерон во второй книге трактата «О границах добра и зла»⁴⁴, где он спорил с эпикурейцами, которые не увидели, что человек, словно некий смертный бог, рожден, по словам Аристотеля, для двух вещей – для познания и действия, как лошадь – для бега, бык – для пахоты, собака – для выслеживания. Также и сам философ, исследуя в первой книге «Этики» вопрос о присущей человеку обязанности и долге, полагал нелепым считать, что, если есть своя обязанность и долг у плотника и сапожника и у всех остальных ремесленников и, кроме того, у всех человеческих членов, например у глаза, руки, ноги и прочих, человеку как праздному и рожденному для ничегонеделания не выделено никакого особого и свойственного ему занятия. И мысль, которой Цицерон изящно закончил свою фразу, он выразил так: человек рождается именно для действия и познания, словно некий смертный бог. И если бы человек правильно и подобающим образом это делал, как надлежит делать, то он, несомненно, познал бы Бога через то, что создано видимым, и его, познанного, возлюбил бы, уважал и благоговейно почитал, ибо в этом, думается, и состоит собственный долг одного лишь человека, лишь в нем одном и заключен высший смысл его дел и блаженной жизни...

В эпилоге соберем, наконец, воедино разные задачи этой третьей книги, рассеянные там и сям. Если Бог создал мир и все, что в нем есть, ради человека, если пожелал, чтобы человеческий род всем владел и повелевал, если, сверх того, украсил человека красотой, умом,

⁴⁴ Цицерон. О границах добра и зла. II, XIII, 40.

мудростью, могуществом и богатствами и, кроме того, властью и господством, если, наконец, наделил привилегиями как общего свойства, так и отдельными и особыми, то, действительно, кажется подобающим и соответствующим, чтобы тот, кого он поставил на такую высоту и столь выдающуюся ступень достоинства и ради кого он создал все существующее, не был осужден навечно⁴⁵. Поэтому, хотя наш прародитель нарушил божественные заповеди и через это сам и все его потомки заслужили вечное осуждение, Бог, чтобы освободить их от этого, повелел сыну своему принять человеческую плоть, раз по-иному не мог сделать, и подвергнуться позорной смерти на достойном проклятия кресте. Впрочем, если прародители наши не согрешили бы вовсе, Христос тем не менее сошел бы на землю с небес – не для того, чтобы искупить вину человеческого рода, который в этом случае был бы не запятнан прегрешением и свободен от вины; он непременно пришел бы в мир, чтобы прославить человека чудесным и неслыханным образом благодаря этому смиренному принятию человеческой плоти, как вполне благочестиво полагали многие ученейшие, а равно святейшие мужи, побужденные многочисленными доводами и наделенные особой религиозностью и исключительным благочестием.

Ибо считалось, что этой природе [т. е. человеку], которую Бог создал столь прекрасной, столь благородной и столь мудрой, а также столь богатой, столь достойной и столь могущественной, наконец, столь счастливой и столь блаженной, было всего достаточно для ее полного и во всех отношениях абсолютного совершенства, за исключением разве лишь того, чтобы она путем смешения с самой божественностью не только соединилась в той личности Христа с божественной личностью, но также сделалась единой с божественной природой и посредством этого стала, если угодно, исключительной. Это, как известно, было дано, уступлено и назначено не ангелам, не какому-либо другому созданию, но только человеку, ввиду некоего восхитительного достоинства человеческой природы и также необычайного превосходства самого человека.

Итальянский гуманизм эпохи Возрождения / Под ред. С. М. Стама. Саратов, 1988. Ч. II. С. 16–18, 21–31, 34–36, 39–40.

Пер. и комм. Н. В. Ревякиной

⁴⁵ Мысль о всеобщем спасении, которую Манетти здесь высказывает, получила распространение в гуманизме. Любопытен гуманистический пафос Манетти: необходимость всеобщего спасения основана у него на представлении о высоком достоинстве человека.

Джованни Пико делла Мирандола

Джованни Пико делла Мирандола (1463–1494) – одно из самых громких имен итальянского Возрождения. Судьба одарила Пико всем: сиятельным происхождением (из рода графов Мирандолы и Конкордии), высокими связями, состоянием, счастливой наружностью; он в родстве со многими владетельными домами Италии, в дружбе с теми, кто определял духовный облик его времени; он благонравен, обходителен, даже скромнен, его зовут «божественным»; но более всего современников поражало в нем необыкновенное богатство интересов, познаний, способностей. Он учится в Болонье, Ферраре, Падуе, Павии и Париже, осваивая право, древнюю словесность, моральную и натуральную философию, богословие, не пренебрегает никаким знанием; среди почитаемых им авторитетов не только мыслители Античности и Возрождения, но и средневековые схоласты. Он стремится охватить все самое важное и сокровенное из духовного опыта разных времен и народов, для чего изучает новые и древние языки (помимо латыни и греческого, также еврейский, арабский, халдейский и иные).

Воспитанник падуанских аверроистов, обстоятельно изучивший различные направления перипатетической традиции и доступные ему памятники восточного богословия и науки, Пико довольно рано завязывает отношения, а затем сближается с Марсилио Фичино, Анджело Полициано, Лоренцо Медичи и некоторыми другими участниками флорентийской Платоновской академии, дух и среда которой оказались весьма благоприятны для его творческих планов и религиозно-философских исканий. По возвращении из Парижа в 1486 г. он составляет «Комментарий к канцоне о любви Джироламо Бенивьени» и «900 тезисов по философии, каббалистике, богословию», лелея планы публично защищать их на философском диспуте в Риме в присутствии всех ученых именитостей Италии и Европы. Диспут, намеченный на 1487 г., должен был открыться «Речью», напоминающей скорее манифест, чем вступительное слово, посвященный двум главным темам: особому предназначению человека в мироздании и исходному внутреннему единству всех положений человеческой мысли, в чем бы она ни выражалась.

До диспута дело, однако, не дошло. Папа Иннокентий VIII, смущенный не только смелостью рассуждений, «выраженных новыми и необычными словами», о магии, каббале, свободе воли и иных сомнительных предметах, но и, кажется, возрастом философа, слишком уже возманившего о себе в свои 23 года, нарядил для проверки «Тезисов» специальную комиссию, которая осудила часть положений, выдвинутых Пико. Наскоро составленная им «Апология» привела к осуждению всех тезисов. Перед угрозой инквизиционного преследования Пико бежит во Францию, но там он схвачен и заточен в Венсенский замок. Правда, ненадолго: его спасает заступничество высоких покровителей, прежде всего Лоренцо Медичи, фактического правителя Флоренции. Именно в этом городе проводит Пико последние свои годы.

В 1489 г. Пико заканчивает и издает трактат «Гептапл, или О семи подходах к толкованию шести дней творения», в котором, применяя довольно тонкую герменевтику, исследует глубокий, потаенный смысл книги «Бытия». В 1492 г. был написан небольшой трактат «О сущем и едином» – самостоятельная часть программного труда, который имел целью согласовать учения Платона и Аристотеля, но так и не был осуществлен. Не был осуществлен и другой замысел Пико – обещанное «Поэтическое богословие». Работой, завершенной им незадолго до смерти, стали «Рассуждения против прорицающей астрологии».

Похоронен Пико в доминиканском монастыре св. Марка, настоятелем которого был набожный и аскетичный Джироламо Савонарола, тесно общавшийся с философом-гуманистом в конце его жизни.

Идеи и начинания Пико имели огромное влияние на гуманистическую и религиозную мысль Европы, во многом определили дальнейшие направления ее развития в творчестве Жака Лефевра д'Этапля, Иоганна Рейхлина, Эразма Роттердамского, Муциана Руфа, Томаса

Мора, Джона Колета, Хуана Луиса Вивеса, Симфориана Шампье, Шарля де Бовеля, Ульриха Цвингли, воплотились в произведениях выдающихся поэтов, писателей, мастеров искусства. Антропология Пико есть обоснование учения о достоинстве и свободе человека прежде всего как полновластного творца собственного «я». Повторяя вслед за Фичино и другими гуманистами гордые слова «великое чудо – человек», взятые из герметического трактата, Пико имеет в виду божественное свойство человека охватывать своей субстанцией все виды реальности, растворять в себе всякую сущность, всякую природу; вбирая в себя все, человек способен стать чем угодно, он ничем не обусловлен, есть результат собственных усилий. А это означает, что он несет ответственность за себя и, сохраняя возможность нового выбора, никогда не будет до конца исчерпан никакой формой своего наличного бытия в мире.

О. Ф. Кудрявцев

Гептапл

Второе предисловие ко всей работе

По представлениям древних, существует три мира. Высшим из них является сверхчувственный, называемый богословами ангельским, философами – умопостигаемым, коий, как утверждает Платон в «Федре»⁴⁶, никем не воспет по достоинству. Сразу за ним следует небесный; последний из всех – это подлунный, в котором мы обитаем. Этот мир тьмы, тот – света; небо же устроено из тьмы и света. Этот обозначен водой, субстанцией текучей и изменчивой; тот – огнем по причине яркости света и устремленности ввысь; небо же промежуточной природы и поэтому называется евреями *asciataim*, как бы составленным, о чем уже говорилось, из *es* и *taim*, то есть из огня и воды. Здесь – чередование жизни и смерти; там – вечная жизнь и непрерывное действие; на небе непрерывность жизни, но чередование действий и мест. <...>

Помимо этих трех, о которых мы вели речь, есть еще другой, четвертый мир, содержащий в себе все то, что имеется в остальных. Это – человек, как раз потому, по словам вселенских учителей (*catholici doctores*), нареченный в Евангелии именем всей твари, что Евангелие должно проповедовать людям, не скотам и ангелам, но, как наказывал Христос, всей твари⁴⁷. Общепринято среди ученых мнение, что человек – это малый мир, ибо у него есть тело, образованное из смешения стихий, небесный дух, растительная душа, ощущения животных, разум, ангельский ум и подобие Божье. <...>

Книга третья

Глава седьмая

Наконец, он [Моисей] называет человека не потому, что человек является ангелом, но потому, что он является границей и пределом ангельского мира, отчего, трактуя о тленной природе, он также упоминает человека не как часть этой природы, но как ее начало и главу. Отсюда следует, что рассмотрение человека затрагивает три мира: тот, который ему свойствен, и два крайних – мир бестелесный и мир стихий; между тем и другим человек расположен таким образом, что для одного он является пределом, для другого – началом. Но вижу западную, уготованную нашему рассуждению: поскольку можно было бы возразить на то, что человек вла-

⁴⁶ Федр. 247 с.

⁴⁷ Марк. XVI, 15.

дычествует над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом⁴⁸. В самом деле, если сие для нас есть признак ангельской природы, то каким образом может быть истинно, что, как записано, человек владычествует над ними, будучи, согласно мудрости философов и свидетельству пророка⁴⁹, умален перед ангелами? Помогает нам и уничтожает западню Тот, кто уничтожил расставленную перед нами западню Дявола, Иисус Христос, первородный всякой твари. Он воистину уничтожил западню и расторг и разрушил все оковы (*nodum omnem*); ибо, кроме того, что в нем, в ком телесно присутствовала полнота божественности, до такой степени возвышена человеческая природа, что человек Христос, поскольку он человек, ангелов, если верить Дионисию⁵⁰, наставляет, одаряет зрением, ведет к совершенству, будучи, по словам Павла, столь же превосходнее ангелов, сколько славнейшее пред ними наследовал имя⁵¹, также и все мы, коим, по благодати, исходящей от Христа, дана власть соделаться сынами Божиими, можем вознестись выше ангельского достоинства.

Книга пятая

Глава шестая

Доселе речь шла о трех мирах – занебесном, небесном и подлунном. Теперь же перейдем к человеку, о котором написано: «Сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему»⁵². Человек есть не столько четвертый мир, или же некое новое творение, сколько соединение и связь трех описанных миров.

Существует распространенный обычай, который принят царями и князьями земли: основывая великолепный и достойный славы город – ставить в центре его по завершении строительства собственное изображение, чтобы все могли видеть его и любоваться. Не иначе, как видим, поступил владыка всякой твари Бог, ибо, сотворив все мировое устройство (*tota mundi machina*), он последним в центре оного поместил человека, созданного по Его образу и подобию.

Трудно ответить на вопрос, почему человеку дана такая привилегия иметь образ Божий. В самом деле, если – с негодованием отвергая безумную мысль Мелитона⁵³, изображавшего Бога в человеческом виде, – мы вновь вернемся к природе разума и ума, которая, как Бог, является мыслящей, незримой, бестелесной, то на этом основании мы, несомненно, установим, что человек подобен Богу, в особенности той частью души, в которой представлен образ Троицы. Однако мы должны признать, что в ангелах все эти качества, по сравнению с нами, настолько и лучше, и чище от примеси противоположной природы, насколько больше у них подобия и родства с божественной природой.

В человеке же мы ищем нечто особенное, открывающее и свойственное ему достоинство, и образ божественной субстанции, не присущий более никакой другой твари. И в чем другом оно может заключаться, если не в том, что субстанция человека (как замечают и некоторые греческие комментаторы⁵⁴) охватывает собой по своей собственной сущности субстанцию вся-

⁴⁸ Бытие. 1, 26.

⁴⁹ Псалтирь. VIII, 6.

⁵⁰ *Dionysios Areopagita*. De coelesti hierarchia. IV. 4 // PG., 1857. Т. 3. Col. 181.

⁵¹ Послание к евреям. 1, 4.

⁵² Бытие. I, 26.

⁵³ Мелитон – епископ сардийский в Лидии (умер ок. 177 г.). Ориген обвинял его в антропоморфизме.

⁵⁴ Скорее всего имеются в виду Филон Александрийский (см.: De opificio mundi. XLVI, LI), а также Немесий Эмесский, труд которого (De natura hominis. I. 13–15, 26 // PG, 1858. Т. 10. Col. 512, 513, 532, 533), правда, приписывался Григорию Нисскому. Сходные рассуждения есть в написанном по-гречески герметическом трактате «Поймандр» (Poimandres. I. 12–15 // Corpus Hermeticum. Ed. A. D. Nock, A.-J. Festugiere. P., 1945. Т. 1. P. 10, 11), переведенном Фичино и, без сомнения,

кой природы и полноту всего мироздания? Говорю по своей собственной сущности, потому что и ангелы, и всякая мыслящая тварь некоторым образом содержат в себе все, когда сознают себя исполненными формами и разумными основаниями всех вещей. Ведь, подобно тому, как Бог есть Бог, не только потому, что мыслит все, но и потому, что в самом себе соединяет и собирает совершенство истинной субстанции вещей; точно так же и человек (хотя и, как мы покажем, другим способом, ибо иначе он был бы Богом, а не образом Бога) объединяет и связывает в полноте своей субстанции любую имеющуюся в мире природу. Чего нельзя сказать ни о какой другой твари – ангельской, небесной, чувственно воспринимаемой.

Между Богом и человеком различие в том, что Бог заключает в себе все как начало всего, человек же заключает в себе все как средоточие всех вещей (*uti omnium medium*). Отчего в Боге все вещи обладают более высоким совершенством, чем в самих себе; в человеке вещи более низкие становятся совершеннее, а более высокие по сравнению с ним терпят умаление. В теле человека, грубом и земном, которое мы видим, огонь, вода, воздух и земля обладают высшим совершенством их природы. Кроме этого, есть другое духовное тело, более божественное, нежели стихии (как говорит Аристотель), имеющее соответствие с небесной природой. Наделен человек и жизнью растений, осуществляя в отношении себя все те функции питания, роста и размножения, что и они. Он наделен, как и скоты, чувственным восприятием, внешним и внутренним; наделен также духом, коему свойствен небесный разум; он причастен ангельскому уму. В нем воистину божественное обладание всеми этими природами, сливающимися в одно; отчего вслед за Меркурием хочется воскликнуть: «Великое чудо, о Асклепий, человек!»⁵⁵ Именем человека может прежде всего гордиться человеческое создание; и никакая тварная сущность не считает зазорным служить ему. Ему подвластны и покорствуют земля, стихии, скоты; для него трудятся небеса; о его спасении и благе пекутся ангельские умы, если только истинно то, что писал Павел: «...все они суть служебные духи, посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение»⁵⁶. Не следует удивляться, что его любят все твари, ибо каждая находит в нем нечто свое, и более того – целиком всю себя.

Глава седьмая

Земные сущности покорны человеку, небесные – ему благоприятствуют, ибо он есть связующее начало и соединение небесного и земного, которые, если только он пребывает в мире с собой, не могут не быть в согласии с ним, в самом себе устанавливающим мир и союз между тем и другим. Но прошу: давайте поостережемся недооценивать то достоинство, в которое возведены, и будем всегда хранить в памяти в качестве надежной, незыблемой и неоспоримой истины следующее: все сущности к нам благосклонны, доколе мы соблюдаем данный нам закон, но будут неприязненны и враждебны, если по причине греха мы преступим закон и покинем его стезю. Ибо справедливым будет то, что мы, поступая незаконно не только в отношении нас, но и вселенной, которую заключаем в себе, а также Бога, всемогущего творца мира, испытаем также все, в мире сущее, и Бога в первую очередь, как необоримых и страшных мстителей, взыскивающих за учиненное беззаконие. Из этого мы можем заключить, какие наказания, какие страдания ожидают нарушителей божественного закона. <...>

Pico della Mirandola G. De hominis dignitate. Neptapulus. De ente et uno. A cura di E. Garin. Firenze, 1942.

Пер. и комм. О. Ф. Кудрявцева

известном Пико.

⁵⁵ Asclepius. 6. См. по изд.: Corpus Hermeticum. Т. 2. Р. 301.

⁵⁶ Послание к евреям. I, 14.

Мишель Монтень

Мишель Монтень (1533–1592) – крупнейший французский гуманист – представляет поздний гуманизм Европы, прошедший труднейшие испытания временем. Монтень происходил из богатой купеческой семьи, получившей в конце XV в. дворянство. Его отец, образованный человек, познакомившийся с итальянской гуманистической культурой во время походов в Италию в период итальянских войн, позаботился об основательном обучении сына древним языкам в раннем детстве. Затем Монтень учился в коллеже в Бордо. Позже получил юридическое образование. Был советником бордоского парламента и дважды избирался мэром Бордо. Живя в тяжелую для Франции эпоху религиозных войн, он не был яростным католиком и не стал протестантом, а продолжал оставаться гуманистом, сохранял человеческое достоинство, проявлял веротерпимость, старался смягчить вражду боровшихся группировок.

Важным событием в жизни Монтеня, оказавшим влияние на формирование его мировоззрения, была дружба с гуманистом Этьеном де Ла Боэси (1530–1563), создателем трактата «О добровольном рабстве». Главная и в сущности единственная работа Монтеня – «Опыты». В 1580 г. вышли две первые книги «Опытов». В этом же году гуманист предпринимает путешествие по Европе, посещает Германию, Швейцарию, Италию; путевые заметки составили дневник путешествия, многое из него вошло в «Опыты», а сам дневник был опубликован только в 1774 г. Для наблюдения над изданием «Опытов» (1588) (к этому времени была написана и третья книга) Монтень едет в Париж, по дороге он был ограблен лигистами, в Париже пережил «День баррикад», позже был арестован лигистами и посажен в Бастилию, но освобожден по ходатайству королевы. Он присутствовал на Генеральных штатах в Блуа (1588). После убийства короля Генриха III Монтень приветствовал Генриха Наваррского как единственного законного претендента на французский трон и убеждал его в письмах быть великодушным и милосердным. До конца своих дней Монтень продолжал работать над книгой своей жизни – «Опытами», он внес замечания и уточнения в издание 1588 г., которые были учтены в последующих посмертных изданиях.

«Опыты» написаны в жанре эссе – свободного размышления на самые разные темы, волновавшие гуманиста (характерны их названия: «О полезном и честном», «О раскаянии», «О суетности», «О дружбе», «О славе», «О самомнении» и др.). «Опыты» – это книга о самом Монтене, но одновременно и о человеке вообще, который глубоко интересует гуманиста. Огромный материал «Опытов» почерпнут из книг и из жизни, которая живо интересовала Монтеня, свидетельством чему являются путешествие по Европе, разговоры с матросами и купцами, побывавшими в Новом Свете, встреча с туземцами в Руане и др. Жизнью был и огромный опыт самонаблюдения. Интерес Монтеня в «Опытах» сосредоточен вокруг проблем этики и психологии, человека и природы, воспитания. Присущий гуманисту скептицизм был вызван в значительной степени претензиями схоластики на всезнание и ее догматизмом. Он усугублялся тяжелой обстановкой религиозных войн, с их жестокостью и насилием, когда человек своим поведением разрушал все высокие представления о нем ранних гуманистов, когда религиозные лозунги боровшихся группировок прикрывали политические расчеты.

Приводимые ниже фрагменты из «Опытов» показывают нам Монтеня-гуманиста, признающего за каждым человеком своеобразие, несхожесть с другими, ценящего человека по его личным качествам, а не по богатству и званию; но, с другой стороны, такого гуманиста, который отошел от христианского и гуманистического антропоцентризма.

Н. В. Ревякина

Опыты

Книга первая

Глава XXXVI. О Катоне Младшем

Я не разделяю всеобщего заблуждения, состоящего в том, чтобы мерить всех на свой аршин. Я охотно представляю себе людей, не схожих со мной. И, зная за собой определенные свойства, я не обязываю весь свет к тому же, как это делает каждый; я допускаю и представляю себе тысячи иных образов жизни и, вопреки общему обыкновению, с большей готовностью принимаю несходство другого человека со мною, нежели сходство. Я нисколько не навязываю другому моих взглядов и обычаев и рассматриваю его таким, как он есть, без каких-либо сопоставлений, но меряя его, так сказать, его собственной меркой. Отнюдь не будучи сам воздержанным, я от чистого сердца восхищаюсь воздержанностью фельянтинцев и капуцинов⁵⁷, находя их образ жизни весьма достойным; и силой моего воображения я без труда переношу себя на их место.

И я тем больше люблю их и уважаю, что они иные, чем я. И ничего я так не хотел бы, как чтобы о каждом из нас судили особо и чтобы меня не стригли под общую гребенку...

Глава XLII. О существующем среди нас неравенстве

Плутарх говорит в одном месте, что животное от животного не отличается так сильно, как человек от человека. Он имеет в виду душевные свойства и внутренние качества человека. И поистине от Эпаминонда, как я себе его представляю, до того или иного из известных мне людей, хотя бы и не лишенного способности здраво рассуждать, столь же, по-моему, далеко, что я выразился бы сильнее Плутарха и сказал бы, что между иными людьми разница часто бóльшая, чем между некоторыми людьми и некоторыми животными, – *Nem! Vir virgo quid praestat*^{58,59} – и что ступеней духовного совершенства столько же, сколько сажений отсюда до неба; им же несть числа.

Но если уж говорить об оценке людей, то – удивительное дело – все вещи, кроме нас самих, оцениваются только по их собственным качествам...

Почему же, оценивая человека, судите вы о нем, облеченном во все покровы? Он показывает нам только то, что ни в какой мере не является его сущностью, и скрывает от нас все, на основании чего только и можно судить о его достоинстве. Вы ведь хотите знать цену шпаги, а не ножен, увидев ее обнаженной, вы, может быть, не дадите за нее и медного гроша.

Надо судить о человеке по качествам его, а не по нарядам, и, как остроумно говорит один древний автор, «знаете ли, почему он кажется вам таким высоким? Вас обманывает высота его каблуков»⁶⁰. Цоколь – еще не статуя. Измеряйте человека без ходулей. Пусть он отложит в сторону свои богатства и звания и предстанет перед вами в одной рубашке. Обладает ли тело его здоровьем и силой, приспособлено ли оно к свойственным ему занятиям? Какая душа у него? Прекрасна ли она, одарена ли способностями и всеми надлежащими качествами? Ей ли

⁵⁷ Фельянтинцы и капуцины – члены католических монашеских орденов.

⁵⁸ Насколько же один человек превосходит другого! (лат.)

⁵⁹ Теренций. Евнух. 232.

⁶⁰ Сенека. Письма. 76, 31.

принадлежит ее богатство, или оно заимствовано? Не обязана ли она всем счастливому случаю? Может ли она хладнокровно видеть блеск обнаженных мечей? Способна ли бесстрашно встретить и естественную и насильственную смерть? Достаточно ли в ней уверенности, уравновешенности, удовлетворенности? Вот в чем надо дать себе отчет, и по этому надо судить о существующих между нами громадных различиях.

Книга вторая

Глава XI. О жестокости

<...> Мне приходится жить в такое время, когда вокруг нас хоть отбавляй примеров невероятной жестокости⁶¹, вызванных разложением, порожденным нашими гражданскими войнами; в старинных летописях мы не найдем рассказов о более страшных вещах, чем те, что творятся сейчас у нас каждодневно. Однако это ни в какой степени не приучило меня к жестокости, не заставило с нею свыкнуться. Я не в состоянии был поверить, пока не увидел сам, что существуют такие чудовища в образе людей, которые готовы убивать ради удовольствия, доставляемого им убийством, которые рады рубить и кромсать на части тела других людей и изощряться в придумывании необыкновенных пыток и смертей; при этом они не получают от этого никаких выгод и не питают вражды к своим жертвам, а поступают только ради того, чтобы насладиться приятным для них зрелищем умирающего в муках человека, чтобы слышать его жалобные стоны и вопли...

Что касается меня, то мне всегда было тягостно наблюдать, как преследуют и убивают невинное животное, беззащитное и не причиняющее нам никакого зла⁶². Я никогда не мог спокойно видеть, как застреленный олень – что нередко бывает, – едва дыша и изнемогая, откидывается назад и сдается тем, кто его преследует, моля их своими глазами о пощаде...

...Кровожадные наклонности по отношению к животным свидетельствуют о природной склонности к жестокости.

...Когда я встречаю у представителей самых умеренных взглядов рассуждения о якобы близком сходстве между нами и животными, и описания великих преимуществ, которыми они по сравнению с нами будто бы обладают, и утверждения о правомерности приравнивания нас к ним, то цена нашего самомнения в моих глазах сильно снижается и я охотно отказываюсь от приписываемого нам мнимого владычества над всеми другими созданиями⁶³.

Но как бы то ни было, все же существует долг гуманности и известное обязательство щадить не только животных, наделенных жизнью и способностью чувствовать, но даже деревья и растения. Мы обязаны быть справедливыми по отношению к другим людям и проявлять милосердие и доброжелательность по отношению ко всем другим созданиям, достойным этого. Между нами и ими существует какая-то связь, какие-то взаимные обязательства. Мне не стыдно признаться в такой моей ребяческой слабости: я не в силах отказать моей собаке в прогулке, которую она мне некстати предлагает или которой она от меня требует. У турок существуют больницы и учреждения по оказанию помощи животным. Римляне заботились в общественном порядке о пище для гусей, бдительность которых спасла Капитолий⁶⁴; афиняне

⁶¹ Монтень страстно протестует против кровавых расправ королевского двора, в частности против Варфоломеевской ночи в период религиозных войн во Франции (1562–1594).

⁶² В любви и жалости к животным Монтень был не одинок. Т. Мор в «Утопии» страстно протестует против охоты, где «охотник ищет в убийстве и в травле бедного зверька только удовольствие».

⁶³ Подобные мысли Монтень будет развивать в главе XII второй книги («Апология Раймонда Сабундского»).

⁶⁴ По преданию, во время нашествия галлов на Рим в IV в. до н. э., жившие на Капитолии (один из семи холмов Рима, где находился политический и культурный центр) гуси своим криком разбудили защитников и тем самым спасли Рим.

приняли решение, чтобы мулы, работавшие на постройке храма под названием Гекатомпедон, были выпущены на волю и могли свободно пастись всюду...

Глава XII. Апология Раймунда Сабундского

...Рассмотрим же человека, взятого самого по себе, без всякой посторонней помощи, вооруженного лишь своими человеческими средствами и лишенного божественной милости и знания, составляющих в действительности всю его славу, его силу, основу его существа. Посмотрим, чего он стоит со всем этим великолепным, но чисто человеческим вооружением. Пусть он покажет мне с помощью своего разума, на чем покоятся те огромные преимущества над остальными созданиями, которые он приписывает себе. Кто уверил человека, что это изумительное движение небосвода, этот вечный свет, льющийся из величественно вращающихся над его головой светил, этот грозный ропот безбрежного моря, – что все это сотворено и существует столько веков только для него, для его удобства и к его услугам? Не смешно ли, что это ничтожное и жалкое создание, которое не в силах даже управлять собой и представлено ударам всех случайностей, объявляет себя властелином и владыкой Вселенной, малейшей частицы которой оно даже не в силах познать, не то что повелевать ею! На чем основано то превосходство, которое он себе приписывает, полагая, что в этом великом мироздании только он один способен распознать его красоту и устройство, что только он один может воздавать хвалу его творцу и отдавать себе отчет в возникновении и распорядке вселенной? Кто дал ему эту привилегию? Пусть он покажет нам грамоты, которыми на него возложены эти сложные великие обязанности...

Самомнение – наша прирожденная естественная болезнь. Человек – самое злополучное и хрупкое создание и тем не менее самое высокомерное⁶⁵. Человек видит и чувствует, что он помещен среди грязи и нечистот мира, он прикован к худшей, самой глупой и испорченной части вселенной, находится на самой низкой ступени мироздания, наиболее удаленной от небосвода, вместе с животными наихудшего из трех видов⁶⁶, и однако же он мнит себя стоящим выше луны и попирающим небо. По суетности того же воображения он равняет себя с Богом, приписывает себе божественные способности, отличает и выделяет себя из множества других созданий, преуменьшает возможности животных, своих братьев и сотоварищей, наделяя их такой долей сил и способностей, какой ему заблагорассудится. Как он может познать усилием своего разума внутренние и скрытые движения животных? На основании какого сопоставления их с нами он приписывает им глупость?

Когда я играю со своей кошкой, кто знает, не забавляется ли скорее она мною, нежели я ею!

...Каких только человеческих способностей не узнаем мы в действиях животных! Существует ли более благоустроенное общество, с более разнообразным распределением труда и обязанностей, с более твердым распорядком, чем у пчел? Можно ли представить себе, чтобы это столь налаженное распределение труда и обязанностей совершалось без участия разума, без понимания?

Разве ласточки, которые с наступлением весны исследуют все уголки наших домов, с тем чтобы из тысячи местечек выбрать наиболее удобные для гнезда, делают это без всякого расчета, наугад? И разве могли бы птицы выбирать для своих замечательных по устройству гнезд скорее квадратную форму, чем круглую, предпочтительно тупой угол, а не прямой, если

⁶⁵ Приводимое высказывание принадлежит Плинию Старшему. Оно настолько пришлось Монтеню по душе, что было выгравировано на потолке его библиотеки, высказывание цитируется и в других главах «Опытов».

⁶⁶ «Из трех видов» – речь идет о наземных животных, так как птицы и рыбы, с точки зрения Монтеня, находятся в более благоприятном положении.

бы они не знали преимущества этого? Разве, смешивая глину с водой, они не понимают, что из твердого материала легче лепить, если он увлажнен? Разве, устилая свои гнезда мохом или пухом, не учитывают они того, что нежным тельцам птенцов так будет мягче и удобнее?..

Все сказанное мною должно подтвердить сходство в положении всех живых существ, включая в их число человека. Человек не выше и не ниже других: все, что существует в подлунном мире, как утверждает мудрец⁶⁷, подчинено одному и тому же закону и имеет одинаковую судьбу...

Надо заставить человека признать этот порядок и подчиниться ему. Он не боится, жалкий, ставить себя выше его, между тем как в действительности он связан и подчинен тем же обязательствам, что и другие создания его рода; он не имеет никаких подлинных и существенных преимуществ или прерогатив. Те преимущества, которые он из самомнения произвольно приписывает себе, просто не существуют; и если он один из всех животных наделен свободой воображения и той ненормальностью умственных способностей, в силу которой он видит и то, что есть, и то, чего нет, и то, что он хочет, истинное и ложное вперемешку, то надо признать, что это преимущество достается ему дорогой ценой и что ему нечего им хвалиться, ибо отсюда ведет свое происхождение главный источник угнетающих его зол: пороки, болезни, нерешительность, смятение и отчаяние.

Итак, возвращаясь к прерванной нити изложения, я утверждаю, что нет никаких оснований считать, будто те действия, которые мы совершаем по своему выбору и умению, животные делают по естественной склонности и по принуждению. На основании сходства действий мы должны заключить о сходстве способностей и признать, что животные обладают таким же разумом, что и мы, действуя одинаковым с нами образом...

Мишель Монтень. Опыты в трех книгах. Книги первая и вторая. 2-е изд. М., 1979. С. 209–210, 233–234, 376–379, 390, 392, 394–395, 398.

Пер. первой книги А. С. Бобовича.

Пер. второй книги и комм. А. С. Бобовича и Ф. А. Коган-Бернштейн

⁶⁷ Екклесиаст. 9.

Хуан Луис Вивес

Хуан Луис Вивес (1492–1540) – крупнейший испанский гуманист и философ. Родился он в Валенсии, но с 17 лет жил вне Испании. В 1509–1512 гг. учился в Парижском университете, однако схоластическое преподавание оттолкнуло его, и он, оставив Париж, отправился во Фландрию. Позже против схоластов Сорбонны написал книгу «Против псевдодialeктиков» (1519). Преподавал в университете Лувена, где читал Вергилия и Цицерона, «Естественную историю» Плиния и «Географию» Помпония Мелы. В это время он познакомился и подружился с Эразмом. Постоянным местопребыванием гуманиста стал Брюгге.

В 1523 г. Вивес был приглашен в Англию преподавать гуманитарные науки в Оксфорде (1523–1527). Как испанец, он пользовался покровительством королевы Екатерины Арагонской, посвятил ей трактат «О воспитании христианки» (1523), ставший очень популярным, был приглашен наставником принцессы Марии, для которой написал небольшой учебник основ латинского языка. В 1529 г. он был вынужден уехать из Англии, так как в бракоразводном процессе короля Генриха VIII занял сторону королевы.

Последующая жизнь в Брюгге была посвящена преподаванию и активной творческой деятельности. Были написаны книги: «Об учениях», «О согласии и розни человеческого рода», «О душе и жизни» и др., в которых он развивал мысли об общественной школе, о роли матери в образовании детей; но особенно ценны его психологические наблюдения над ребенком, изучение особенностей его памяти, темперамента, попытки приспособить гуманистические науки к возможностям ребенка. Он обсуждает роль в преподавании родного языка как моста к древним, расширяет понимание знания за счет включения знаний о природе, шире вводит в обучение современную литературу. Педагогические работы Вивеса имели широкое распространение, его «Практика латинского языка» (1539) выдержала за полвека 49 изданий.

«Об учениях» (1531) – главная работа Вивеса. Это огромный труд, представляющий собой размышления автора о культуре, ее роли, развитии, причинах упадка и возрождении. Приводимые ниже фрагменты первой части работы, известной под названием «О причинах упадка искусств», интересны отношением гуманиста к древней культуре, которую он воспринимает с достаточной долей критики, а также указанием на нетворческое отношение людей его эпохи к знаниям, на скованность мысли тем или иным авторитетом. Вивес против того, чтобы отдавать «себя и свой разум как в рабство определенной школе», он за творческое восприятие знаний, за развитие науки.

Н. В. Ревякина

О причинах упадка искусств

<...> Не то что древние не завещали нам великих богатств; но только и мы, если бы постарались, могли бы оставить нашим потомкам не меньше, а то и больше, потому что нам помогали бы и их открытия и новоприобретенная сила суждения. Неверно и глупо кем-то придуманное сравнение, которому многие приписывают великую тонкость и глубину: «По отношению к древним мы – карлики, взобравшиеся на плечи великанов». Это не так. И мы не карлики, и они не великаны, а все мы люди одного роста, и благодаря их наследию мы можем даже подняться чуть выше, лишь бы только сохранить их деятельную страсть, горение духа, доблесть и любовь к истине. Но если у нас и не будет этого, мы опять-таки не карлики и не на плечах у великанов, а люди нормального роста, растянувшиеся на земле. Не веря в себя, зажмурив глаза, мы вручаем себя тому, кого сочтем мудрым и всевидящим судьей, причем не лучшему вождю, которого сами бы избрали, а первому, с кем нас сводит случай.

По воле учителей, любящих больше собственную славу, чем истину, все распалось у нас на школы и секты, так что раздорами и как бы гражданской войной невежды теперь вымогают то, чего не могли добиться добрым искусством. Не осталось ни одной науки, не запятнанной партиями и фракциями, не исключая даже богословия, которому это всего меньше пристало. Среди разногласия учений добрые и худые, знающие и невежественные учителя понемножку пишут и учат⁶⁸, причем каждый с великим упорством защищает свое, и нет такой абсурдной и жалкой секты, которая не нашла бы себе приверженцев.

Неграмотный отец ведет сына в школу. Какое счастье, если он не нападает на дурного и невежественного наставника, а ведь теперь везде таких полно! Что остается отцу, как не возносить к небу молитвы о научении своего детища? Едва несведущий подросток переступает порог школы, его начинают напирать мнениями одной из сект. Он их принимает, одобряет и привязывается к ним еще до всякой возможности иметь собственные: он слышит, что наставник говорит обо всем с величайшей уверенностью, с огромной убежденностью, явствующей в чертах лица, в движении бровей, в голосе; он видит, что товарищи по школе принимают все с глубоким одобрением и восхищением; он сам верит всему, как голосу с неба, и усваивает преподаваемое учение как достовернейшую и бесспорную истину, как непреложное первоначало всего. Ведь о чем бы ни шла речь – о времени, движении, свойствах души, строении тел, совершенно неведомых вещах, наконец, – мнения утверждаются с безмерной категоричностью, и стоит кому-то хоть немного усомниться, спорить с ним считают столь же бессмысленным, как спорить с человеком, говорящим, что нечто одновременно и существует и не существует. Ученик настолько покоряется воззрениям школы, настолько поработается ими, что не только верит в их непогрешимость, но начинает считать все другие подозрительными. Так он быстро освобождается от собственного суждения, этого лучшего средства отыскивать истину, необходимого не только для занятия искусствами, но и в повседневной жизни. Многие после этого уже ни на шаг не могут отойти от некогда затверженного, потому что совершенно не читают, никогда не слышат других мнений и ничего не знают об их существовании, ни о том, лучше они или хуже его собственных; некоторые люди не подозревают, что есть другая диалектика и другое богословие, чем то, которому они выучились, как, помню, случилось со мной самим и многими моими соучениками в Париже. А кто все-таки знакомится с чужими мнениями, тот или не может в зрелом возрасте переучиться, стыдясь того, что в старости приходится расставаться с усвоенным в молодости, по словам поэта⁶⁹, или, рабски предавшись одному мнению, отвергает и презирает новые теории, называя их вздорными, невероятными и глупыми. Если такую теорию освящает какое-нибудь знаменитое имя, они искажают ее, пока не подгонят под собственные взгляды, чтобы казалось, будто великий человек их подтверждает, хотя на деле говорят совершенно другое. И, как в гражданской войне, каждый лагерь старается, как может, истолковать все на свете в свою пользу и во вред противнику.

В борьбе мнений величайшим легкомыслием отличались греки, но и мы оказываемся не серьезнее их. Все, что отходит от принятого взгляда, мы обличаем и осмиваем, словно бешенство и безумие, без суда и разбирательства, только по подозрению в расхождении с нами. Нынче все, что не согласуется с положениями школы, – ересь для схоластического богослова; обвинение в еретичестве так распространено, что, невзирая на его крайнюю суровость, им угрожают за малейшее расхождение во взглядах... О, как обкрадывают себя люди в плодах наук из-за того, что всегда верят кому-то другому, никогда не обращаются к самим себе и не зовут сами себя на совет для проверки достоинства того, что они заучивают с таким великим старанием!

⁶⁸ Переиначенная строка Горация: «Пишем все мы стихи, умеем или нет, без разбора» (Искусство поэзии, 117).

⁶⁹ Гораций. Послания. II, 1, 84–85.

Одни из тех, кто отдал себя и свой разум, как в рабство, писателям определенного направления, настолько держатся новизны, что никаких древних даже по имени знать не хотят, – отчасти потому, что их головы, забитые невероятным многословием современных авторов, так никогда и не освобождаются для знакомства со старыми. Другие, наоборот, презируют все новое и так привязаны к древним, что, если им попадается новый писатель, они боятся его, как заразы.

Однако ведь очень важно разобраться, кого называть новыми, а кого – старыми. Если старые – это те, кто открыл и усовершенствовал искусства и науки, а новые – те, кто их извратил или приспособился к извращениям, то, конечно, я предпочту тощие книжечки древних толстеньким томам новых. Впрочем, не впадай и в крайность, измеряя достоинство давностью лет, когда чем старше писатель, тем он кажется тебе славнее и достовернее. Разве Аристотель не после Анаксагора, Цицерон – Катона, Демосфен – Перикла и Вергилий – Энния? Между тем знатоки древности ставят более поздних намного выше ранних. Ненавистники нового тоже очень вредят росту своих знаний, обессиливают и подрывают собственную способность суждения. Хуже всего, что они так преданы и покорны древним, что, не слушая, не читая, сразу осуждают все, что не старо, хотя бы на деле оно было старинным, а они только считали его новым, и, наоборот, восторгаются новым, если принимают его за старое; здоровое суждение для них мало что значит, они верят только имени. Я знал человека, который безмерно почитал как принадлежащие Вергилию или другому поэту той эпохи стихи одного ныне живущего писателя, найденные в старинной библиотеке под слоем пыли, изъеденные червем; другой с презрением отверг послание Цицерона, под которым умышленно поставили французское имя, и еще прибавил, что оно полно заальпийской варварской крикливости.

Иногда говорят, что искусства совершенствовались до некоторого времени, а потом началось их падение, и поэтому мы должны читать и перечитывать только писателей эпох расцвета. Но как о них судить, если считается зазорным даже прикасаться к другим? Я тоже вовсе не отрицаю за древними высокий ум, большой опыт и усердие исследователей и наставников, стремившихся в самом ясном виде передать свои знания потомству; но плохо думают о природе люди, полагающие, что ее истожили первые или вторые роды. Почему они не верят, что сами, постаравшись, могут чего-то добиться? Самое простое и незатейливое искусство таит в себе бесконечные возможности, способные вечно занимать умы. Новые тоже добились немало, кое в чем оказались точнее, во многом достовернее древних, тем более что те, развлекаемые многообразием мира, оставляли в небрежении точное знание о некоторых предметах. Новый опыт показал, что дело часто обстоит не так, как опыт того времени подсказывал Гиппократу, Аристотелю, Плинию и другим таким же знаменитым мужам. У Аристотеля, если уж говорить о самом прославленном и серьезном писателе, есть верные во многих отношениях учения, но много легковесных и случайных, – например, когда он говорит, что, если есть какое-либо действие или воображение, свойственное только душе, она отделима от тела, если нет – неотделима⁷⁰. Это все равно что сказать: «Если человек, запертый в помещении, может видеть свет каким-нибудь другим способом, кроме как через оконные стекла, то он может выйти из него, а если нет, то не может и выйти». То же самое – когда Аристотель говорит, что начала природных вещей противоположны⁷¹. Я не спорю, какой-нибудь упрямый человек сможет защитить все аристотелевские учения, но только с помощью сотни подпорок, только многое перетолковывая, искажая и изменяя, только с тысяча и одним пояснением. Но ясно, что всегда будет вызывать возражение то, что не укрепляет ум, а сбивает его с толку. Всего больше поражает, что с помощью столь шатких малообоснованных учений – исходя из своего разделения кате-

⁷⁰ Ср.: Аристотель. О душе. II, 1, 413а 6–8 и др.

⁷¹ Ср.: Аристотель. Метафизика. XI, 3, 1061 и 12–15 и др.

горий, из своего бытия, простого и сложного, – Аристотель нападает на таких противников, как Парменид и Мелисс.

Поэтому пусть никому не кажется странным, что древние выдвинули так мало непоколебимых всеобщих законов. Ведь общий принцип должен вырастать из многих и точных частных наблюдений. Удивительно ли, что они ошибались, высказывая универсальные суждения о впервые наблюдавшихся явлениях крайне изменчивой природы, меняющих свои свойства в зависимости от времени и места? Аристотель говорит в первой книге о живых существах, что обладатели тонких ног имеют и тонкие руки, – утверждение, которое опровергается в нашей Бельгии, где у многих людей едва заметны икры, а руки полные и мускулистые. Сказанное древними о Греции и Италии мало подходит к другим местам и областям, а теперь даже к самим этим странам из-за изменившегося с течением времени образа жизни и духа народа. Кто теперь строит по нормам Витрувия? Кто ест по предписаниям Галена? Кто пашет землю, следуя советам Варрона или Колумеллы? Многие оставшиеся нам от древности наблюдения о небе, земле и стихиях оказываются полностью противоположны теперешним; так, в старину неверно судили о жизни в жарких странах, об истоках Нила, об антиподах, а также о породах, одушевленных существах, плодах. Плиний пишет, что персики, выросшие в Риме, вредны, а сейчас они считаются лакомством. Где теперь в Испании овцы, о которых Марциал писал, что они естественно окрашены в нужный цвет?

Люди, ищущие только древностей, забывают, среди каких людей и в какое время они живут, и настолько сродняются со стариной, что, как говорится, у себя дома и среди своих они иностранцы: нравы и познания своего ненавистного времени им неведомы, хотя этим же самым любителям древности хотелось бы видеть, что их собственные книги в цене, что ими увлекаются и зачитываются. Дух пристрастности настолько царит повсюду, что диктует мнения о странах и народах: «Этого писателя я не одобряю, потому что он не из такой-то местности». Словно таланты – это фрукты или вина, обычно оцениваемые по почве и месту! Умы процветают в любой стране, надо только их взращивать; возможно, в определенных местах великие таланты появляются чаще, но они есть везде. Впрочем, любители древности часто не щадят собственную родину и свой родной город, из чего становится ясно, что они не столь осуждают, сколько злобствуют. Они надеются, что брань и презрение обязательно поставят их выше презираемых. Но злословить еще не значит победить, презирать – не значит превзойти: только неразвращенные судьи способны понять, кто прав и кто оклеветан...

Наконец, даже когда мы идем за нашими предками, ступая им вслед, как в детской игре, мы не знаем, кто они, эти наши предки, и каковы были их голоса⁷².

Эстетика Ренессанса / Под ред. П. Шестакова. М., 1981. Т. 1. С. 467–470.

Пер. и комм. В. Бибихина

«...иль позором считают совпасть с молодыми, сознавшись, что разлучаться пора с затверженным в детстве уроком».

⁷² Здесь Вивес начинает говорить о порче старых книг из-за неграмотности переписчиков и произвольных вставок толкователей, а потом приступает к изложению «кратких правил критического искусства», т. е. принципов критики текста.

«Достойное воспитание – наилучшее богатство»

Пьер Паоло Верджерио

Пьер Паоло Верджерио (1370–1444) – видный гуманист, был первым теоретиком гуманистического воспитания. Он родился в г. Копре (Каподистрии) в Истрии, происходил из знатной, но обедневшей семьи. Учился в Падуе, где слушал лекции в университете Конверсини да Равенна. Трижды бывал во Флоренции, гуманизм и гражданский дух которой оставили глубокий след в его мировоззрении, недаром к канцлеру Флоренции гуманисту Салютати он обращался как к своему учителю. Изучал Верджерио свободные искусства, право, медицину и естественные науки, но с наибольшим увлечением занимался гуманистическими дисциплинами. Один из приездов его во Флоренцию был связан с изучением греческого языка у Мануила Хризолора.

Активная творческая деятельность Верджерио связана с Падуей, где он жил с 1390 по 1405 г. с перерывами, занимаясь преподаванием в университете. После 1405 г. он перешел на службу в римскую курию, был на Констанцском соборе (1414–1417); в 1418 г. уехал вместе с императором Сигизмундом в Венгрию, где сыграл видную роль в развитии гуманизма. Писал Верджерио на этические и политические темы, он автор хроники правителей Падуи Каррара, трактата «О монархии». Известен он и своей защитой античной культуры: в 1397 г. он выступает с инвективой против Карло Малатесты, который, захватив Мантую, приказал убрать памятник Вергилию как языческому поэту. Он готовит к изданию поэму Петрарки «Африка», пишет жизнеописание поэта. Важны и письма Верджерио, развивающие гуманистические идеи.

Уже в молодые годы, между 1388–1390 гг., Верджерио написал под влиянием Теренция комедию «Павел», предназначенную служить «исправлению нравов юношей». Это первая дошедшая до нас гуманистическая комедия. Свой педагогический трактат «О благородных нравах и свободных науках» гуманист написал в начале XV в. Трактат был посвящен Убертино – сыну правителя Падуи Франческо Каррара, которому было в то время 10–12 лет. В историографии поэтому распространилась точка зрения, согласно которой Верджерио был наставником будущего правителя, советником и секретарем Каррара, официальным придворным историографом. Однако ни сам гуманист, ни его современники об этом нигде не говорят.

По своему содержанию трактат шире, чем наставление будущему государю, хотя он начинается и завершается обращением к Каррара и в самом трактате имеются ссылки на опыт семейства Каррара. Трактат состоит из введения, содержащего обращение к Каррара и призыв к родителям обучать детей «добрым искусствам и честным наукам», и двух частей. В первой части гуманист обращает внимание на характеры детей, отличительные особенности их возраста и говорит о важности нравственного воспитания. Во второй части обсуждается значение образования, дается обзор наук с расстановкой соответствующих акцентов, указывающих на их важность, высказывается ряд соображений по поводу процесса обучения, а также говорится о физическом воспитании и отдыхе. В трактате ощущается влияние античных идей (Цицерона, Аристотеля, Плутарха и Псевдо-Плутарха, «Физиогномики» Псевдо-Аристотеля), спартанской системы воспитания. В оценке Верджерио естественных наук чувствуется и питомец Падуи. В трактат включены некоторые элементы рыцарской системы воспитания (военная подготовка).

Идеи Верджерио были подхвачены и развиты итальянскими и другими европейскими гуманистами, писавшими о воспитании, и осуществлялись на практике гуманистами-педагогами. Трактат был очень популярен и выдержал до 1600 г. 40 изданий.

Н. В. Ревякина

О благородных нравах и свободных науках

Твой дед, Франциск Старший⁷³, который прославился многими славными деяниями и о мудрых высказываниях которого всюду вспоминают, обычно говорил, что существуют три вещи, относительно которых родители безусловно могут и по праву и с полным основанием должны тщательно позаботиться для своих детей. Во-первых, дать им достойное имя. Ведь имя недостойное, хотя это и кажется не столь важным, приносит немалый ущерб. Относительно этого иные родители очень часто заблуждаются, когда по какому-то легкомыслию, желая сами создать новые имена или переняв их от предков, уверенно передают эти имена потомкам, словно родовое наследие. Во-вторых, вырастить детей в прославленных городах, поскольку могущество и известность родины более всего способствуют богатству и славе. Впрочем, в этом деле, скажу от себя, часто случается так, как было с Фемистоклом. Будучи афинянином, он ответил в споре некоему серифийцу, который упрямо утверждал, что Фемистокл прославился не собственной доблестью, а благодаря славе родины; ни ты, сказал Фемистокл, не сделался бы знаменитым, даже если бы стал афинянином, ни я не был бы неизвестен, став серифийцем⁷⁴.

Третье же условие состоит в том, чтобы обучить детей добрым искусствам. Прекрасны все вещи, о которых говорил Франциск, бывший и считавшийся в любом деле разумнейшим человеком своего времени. Но эта последняя вещь, кроме прочего, и весьма полезна. Действительно, никаких более прочных богатств или более надежной опоры в жизни не могут родители уготовить детям, чем обучить их искусствам и свободным наукам. Знающие их обычно возвышали и прославляли и безвестное имя своего рода, и ничем не примечательную родину.

Изменить свое имя любому позволено, если это делается без обмана; никому не запрещено переменить и местожительство, если ему заблагорассудится. Но если кто с детства не будет обучен добрым искусствам и будет жить обученный дурным, он вряд ли сможет надеяться в зрелом возрасте забросить вторые и тотчас приобрести для себя первые. Следовательно, основы доброй жизни должны быть заложены в детском возрасте и душа должна быть приучена к добродетели, пока она нежна и легко воспринимает любое впечатление, так что и в дальнейшей жизни оно сохранится в первоначальном виде.

И хотя всем людям, и родителям в первую очередь, следует стремиться правильно воспитать своих детей, а детям надлежит показать себя достойными своих родителей, но более всего подобает быть образованными в важнейших искусствах, чтобы считаться достойными и судьбы, и звания, тем, кто высоко поставлен и чьи слова и дела не могут быть не известны. Ибо те, кто желает, чтобы им причиталось все лучшее, должны по справедливости и сами являть собой все наилучшее. Самое надежное и прочное основание для правления состоит в том, что обладающие властью почитаются всеми как наидостойнейшие из всех этой власти.

Ты, Убертино, во-первых, получил имя, издавна славное в вашей семье и недавно прославленное тем, кто шестым из вашего рода обладал властью⁷⁵. Во-вторых, ты рожден в древнейшем царственном городе, который славится изучением всех добрых искусств и изобилует множеством всяческих вещей, полезных людям, и рожден в роду государей и отцом-государем, под властью которого день ото дня приумножается счастье и благосостояние города и слава вашей семьи. Но более всего я радуюсь (клянусь моей честью и благосклонностью ко мне твоей и твоих близких), видя, что ты всеми силами стремишься к добрым искусствам и славным занятиям благодаря заботе отца и, главным образом, по собственному стремлению.

⁷³ Франциск Старший – Франческо I да Каррара Старший, правитель Падуи в 1355–1388 гг., дед Убертино.

⁷⁴ Цицерон. О старости. III, 8; Плутарх. Фемистокл. XVIII, 5.

⁷⁵ Имеется в виду Франческо II Новый (1359–1406), отец Убертино.

Хотя все три вещи, о которых мы сказали, более всего, видимо, требуются от родителей (и я не отрицаю, что родители действительно в состоянии многое сделать в каждой из них), однако родители дают, главным образом, имена при рождении. Родину человеку дает случай, иногда – выбор. Славные же искусства, или саму добродетель, каждый добывает для себя сам, а именно добродетель должна быть наиболее желанной по сравнению со всем тем, что можно приобрести от людей усердием. Ведь богатства, слава, наслаждения ненадежны и преходящи, свойства же и плоды добродетелей пребывают неизменными и остаются вечными. <...>

Так как человек состоит из души и тела, то те, кому дано быть здоровыми телесно и душевно, получили, на мой взгляд, нечто драгоценное от природы. Видя многих людей, кому без вины от рождения случается быть тупыми умом и болезненными телом, сколь много благодарностей мы должны воздать природе за то, что у нас и то и другое здорово и невредимо. И природе воздастся достойная благодарность, если мы не будем пренебрегать ее дарами, а позаботимся об их совершенствовании надлежащими занятиями добрыми искусствами.

Следовательно, вначале надлежит каждому оценить самому свои природные качества⁷⁶, а если мы по возрасту еще не сможем сделать этого, то на это должны будут обратить внимание родители и прочие, кто о нас заботится. И к чему мы будем способны и склонны от природы, к тому, главным образом, и надлежит направить наши занятия и всецело им отдаться. Более же всего не следует позволять тем, кто от природы наделен способностями к свободным занятиям, цепенеть в бездейтельном досуге или связывать себя с неблагородными занятиями.

Как следует распознавать нравы и склонности юношей, а равно как их следует оценивать

Вообще признак благородного нрава состоит в том, чтобы стремиться к похвале, воспламеняться любовью к славе, откуда рождается некая благородная зависть и лишенное ненависти состязание в похвале и честности. Ближайший же признак этого – охотно повиноваться старшим и не противиться наставляющим в благом. Ведь подобно тому как лучшими для битвы считаются те лошади, которыми легко управлять и которые, наострив уши на звук трубы, приходят в возбуждение, так, видимо, подают большую надежду принести щедрые плоды и юноши, внимающие наставникам и возбуждаемые похвалами к добру. А поскольку само благо добродетели и лик чести они, неопытные в делах, постигнуть разумом не могут (а если бы те могли предстать глазам, то вызвали бы, как говорит Платон и повторяет Цицерон, необычайную любовь к мудрости⁷⁷), то ближайшая ступень к этому – привлекать их к лучшему через их стремление к похвале и славе. От природы к этому больше расположенными оказываются те, кто склонен к деятельности, избегает праздности и любит всегда заниматься чем-то хорошим. Возвратимся к тому же сравнению: как считают лучшими в беге тех лошадей, которые по сигналу пускаются вскачь и не нуждаются в прищипоривании или ударах бича, так следует считать прекрасно расположенными к добродетельным делам юношей, которые в назначенное время с готовностью возвращаются без указаний наставника к постоянным и ненадолго прерванным занятиям и упражнениям. Но то же следует сказать о юношах, если они боятся угроз и наказаний, но больше – позора и бесчестия, отчего рождается стыд – наилучший признак благородного нрава в этом возрасте. И прекрасно, если они будут краснеть от порицаний, становиться лучше от наказаний и любить своих наставников, ибо это означает, что они любят учение.

⁷⁶ Слово «ingenium» переводится нами по-разному в зависимости от контекста: в первой части трактата речь идет о природных свойствах, натуре, характере, нраве; позже этим словом Верджерио обозначает природные качества ума, умственные способности.

⁷⁷ Цицерон. Об обязанностях. I, 5, 15.

Не меньшую надежду на то, что станут добродетельными, следует возлагать и на тех, кто по природе добросердечен и склонен к примирению. В душе ведь есть нечто подобное тому, что и в теле. Как признак доброй телесной природы – не испытывать отвращения ни к какой пище, но легко принимать желудком все, что предлагают, и переваривать для питания членов, так и признак души, хорошо устроенной от природы, – не иметь ни к кому ненависти или пренебрежения, но все, что говорится или делается, принимать с лучшей стороны. И многие другие признаки можно узнать именно таким способом из поведения.

Что же касается телесного вида, то Аристотель писал, что слабые телом способны умом⁷⁸. О прочем следует посоветоваться с теми, кто заявляет, что по лицу каждого можно определить природные способности и нрав – способ, который мы здесь обойдем молчанием. Но, как уже говорилось, на основе врожденных свойств часто можно распознать, в каких мужей мы превратимся из юношей. Ведь в некоторых детях природа с раннего детства показывает, как украшение, признаки будущей добродетели, и потому мы называем юношами с добрыми врожденными свойствами тех, которые, судя по выражению их лица, жестам и прочим движениям, кажутся подающими добрую надежду⁷⁹.

Как этим юношам позорно обмануть ожидание людей, так достойны хвалы те, кто без всякого знака сделался тем не менее добродетельным, подобно некоему сорту яблок, сохраняющему под безобразной и грубой кожурой сладкий вкус. Поэтому похвален совет Сократа юношам⁸⁰ – часто смотреть на свое изображение в зеркале с той именно целью, чтобы те, кто обладает достойной внешностью, не обезображивали свое лицо пороками, а те, которые кажутся уродливыми на вид, позаботились бы с помощью добродетелей сделаться красивыми. Но, пожалуй, они смогут достигнуть того же самого в большей степени, если будут смотреть не столько на свое лицо, сколько на нравы и живое подобие добродетельного человека. Ведь если П. Сципион и Кв. Фабий говорили, что их сильно вдохновляет созерцание изображений выдающихся мужей⁸¹ (а к этому обычно прибегали чуть ли не все благородные духом люди), и если подобное занятие вдохновило на высшее из деяний Юлия Цезаря, увидевшего изображение Александра Македонского⁸², то что произойдет, когда предметом созерцания будет живой пример? Впрочем, возможно, образы предков больше побуждают души стремиться к славе, потому что присутствие самого человека славу большей частью умаляет и живущим обычно сопутствует зависть.

По крайней мере, для примера добродетели и нравов и для любого обучения живой голос и нравы живого человека важнее. Поэтому целеустремленный юноша, которого побуждает желание добродетели и истинной славы, должен выбрать кого-то одного или нескольких из уважаемых им честнейших людей, чтобы подражать им в их жизни и нравах, насколько позволит ему возраст. А эти люди и прочие старшие по возрасту должны всегда помнить о серьезности и скромности и более всего соблюдать их перед младшими. Ведь юный возраст склонен к заблуждениям, и если не удерживать юношей примером и авторитетом старших, то они всегда легко соскальзывают к худшему.

Поскольку возрасту юношей, как и остальным возрастам, присущи особые нравы, то добрые нравы следует укреплять и поддерживать практикой и наставлениями, а дурные и непохвальные – исправлять; из них одни зависят только от природы, другие – от недостаточного

⁷⁸ Аристотель. О душе. II, 9, 26.

⁷⁹ Верджерио имеет в виду искусство физиогномики, основанное на представлении о связи и взаимовлиянии души и тела и об отражении на лице душевных качеств. В эпоху Возрождения получил широкое распространение трактат «Физиогномика», который приписывали Аристотелю (большие фрагменты из трактата и его оценку см.: Лосев А. Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М., 1975. С. 329–354).

⁸⁰ Плутарх. Пиршественные беседы. 25.

⁸¹ Саллюстий. Югуртинская война. 4.

⁸² Светоний. Жизнь двенадцати Цезарей. Юлий Цезарь. 7.

опыта, третьи – от того и другого⁸³. Во-первых, от природы юноши щедры и расточительны, потому что не испытывали нужды и не добывали себе средств собственным трудом; обычно ведь не бывает, чтобы тот, кто собрал средства своим трудом, легкомысленно их растрачивал. Равным образом потому, что у них в избытке жар и кровь, необходимые не только для питания тела, но и для роста; в стариках же – наоборот, в результате действия противоположной причины. Каким же стариком ожидаем мы увидеть с годами того, кто в юности был скуп и алчен? Говорю это, впрочем, не для того, чтобы юношам позволить щедрость, которую они не умеют проявлять в своем возрасте и не различают, что, кому и за какие заслуги подарить, а потому, что алчность – это свойство испорченной природы и неблагородного ума. Эти, т. е. склонные к алчности, пригодны к прибыльным занятиям – ручному труду, торговле или к управлению семейным имуществом. Правда, они, даже если когда-нибудь овладевают более благородными искусствами, почти всегда сведут их, как и все прочее, к неблагородной прибыли; благородным же умам это дело вовсе чуждо.

Далее юноши надеются на хорошее и льстят себя надеждой легко достигнуть многого и значительного, и прежде всего долгой жизни, так как у них в таком изобилии естественный жар, словно они способны вынести любой труд и в любое время. По этой же причине они обладают великодушным и благородным сердцем. Так как сила жара такова, что он устремляется вверх, случается отсюда, что они высокомерны и, согласно Флакку⁸⁴, не слушают тех, кто увещевает, оскорбляют других, а самих себя превозносят. Они ведь стремятся к превосходству, вследствие чего, желая казаться многознающими, они с легкостью раскрывают потаенное и в своем хвастовстве часто изобличаются как обманщики. Равным образом и из-за своей неопытности они, думая, что говорят истину, во многом заблуждаются. Но от этой тщеславной лжи их надо более всего удерживать. Во-первых, потому, что привыкшие лгать в юности, они и в зрелом возрасте сохраняют эту привычку, а позорнее ее нет ничего. Затем потому, что ничто, пожалуй, так не оскорбляет старших, как ложь юношей, стремление недавно рожденных провести старых людей своими плутнями. Поэтому будет полезным посоветовать им говорить немного и редко и только тогда, когда их спрашивают. Ведь в пространной речи всегда найдется то, что можно опровергнуть. Конечно, можно допустить оплошность и в том и в другом, т. е. и в разговоре и в молчании. Значит, надежнее молчать, чем говорить, так как тот, кто в неподходящий момент молчит, виноват только в том, что молчит, в разговоре же случается ошибиться во многом.

Следует также позаботиться, чтобы юноши не приучались к мерзким, постыдным разговорам. Поистине, как сказал греческий поэт и повторил апостол Павел, «худые сообщества развращают добрые нравы»⁸⁵. Но, согласно сказанному выше, юноши жаждут превосходства, поэтому они испытывают также стыд, боясь позора и тотчас же вспоминая о порицаниях родителей и учителя; в то же время, поскольку они неопытны, они считают, что их легко можно уличить во лжи.

Юноши также слишком доверчивы. Ведь из-за недостатка опыта в делах они верят всему, что слышат. Они также легко меняют мнение, так как соки в их организме из-за роста тел находятся в движении и так как в изобилии жар, который производит это движение; душа же следует за строением тела. Поэтому как легко они желают того, чего им недостает, так, завладев этим, быстро удовлетворяются. Но более всего они следуют своим страстям и все делают

⁸³ В дальнейших рассуждениях о возрастной психологии юношей Верджерио испытывает влияние «Риторики» Аристотеля, где во второй книге, излагающей учение о страстях и нравах, содержится описание нравов людей, находящихся в разных возрастных периодах (юность, старость, зрелый возраст) и имеющих разное общественное положение. Верджерио интересуют особенности возрастной психологии юношей, которые определяются у него особенностями их физиологии и недостаточным жизненным опытом. До Верджерио эти материалы «Риторики» использовались средневековым ученым Эгидием Римским (1246/47–1316) в трактате «De regimine principum», получившем широкое распространение. Не исключено, что Верджерио мог использовать и Эгидия, у которого все эти вопросы изложены пространнее.

⁸⁴ *Гораций*. Поэтическое искусство. 163.

⁸⁵ Первое послание к Коринфянам; 15, 33.

пылко, поскольку их желания, возбуждаемые жаром, остры, а разум и благоразумие, которые могли бы их умерить, не имеют достаточной силы. Я же, соглашаясь с Сосией Теренция, считаю по справедливости, что самое полезное в жизни – все делать надлежащим образом и ничего слишком⁸⁶.

Юноши также жалостливы и не злого нрава, так как по рождению они недавние и потому имеют богатую кровь; прочих они оценивают по себе и, поскольку сами они мало еще согрешили, думают, что и другие тоже и что страдают они несправедливо.

Более же всего они радуются дружбе и любят дружеские союзы, которые часто в один и тот же день заключают и расторгают.

Итак, согласно этим наблюдениям и следует строить обучение; при этом добрые нравы должны поощряться, дурные же – ослабляться или вообще выкорчевываться.

Хотя забота о юношах вверена во многом домашнему воспитанию, но некоторые вещи обычно определяют и законы, а должны, я бы, пожалуй, сказал, определять все. Ведь для государства важно, чтобы молодежь в обществе была добрых нравов, и если юношей обучать, сообщаясь с этим принципом, то это будет полезно для общества и будет благом для них самих⁸⁷.

Всего же более (чтобы специально сказать об этом) юношей следует удерживать от тех пороков, в которые они легко впадают по природе, из-за возраста. Ведь каждый возраст имеет свои пороки: юношеский возраст пылает страстью, средний тревожит честолюбие, старость истощают жадность и алчность; говорю об этом не потому, что не бывает исключений, но скорее оттого, что к этим порокам люди более склонны по возрасту⁸⁸.

Надо, следовательно, позаботиться, чтобы юноши как можно дольше оставались целомудренными, так как слишком ранняя любовь ослабляет телесные и душевные силы. Поэтому юношей надо удерживать от плясок и прочих подобных забав, а также от многолюдных женских обществ, не позволять им ничего говорить и слушать об этих вещах, ведь раз сам пыл их возраста влечет их к любви, то не останется никакой надежды, если еще и совет даст дурной товарищ. Но главным образом, никогда не надо давать им бездельничать, а всегда следует занимать их каким-нибудь честным физическим или духовным трудом. Ведь праздность делает их склонными ко всяким страстям и неумеренности. Следовательно, юношей, слишком склонных к безделью и страсти, надлежит лечить разнообразным трудом. Но им очень вредит не только безделье, но также и одиночество, которое размягчает слабую душу непрерывным размышлением об этих вещах и не позволяет ей обратиться к другому. Как тех, кто впадает в отчаяние, не следует оставлять в одиночестве, так и тех, душа которых взята в плен наслаждением. Поэтому их надо удерживать и бдительно охранять от всякой мерзости и преступной безнравственности и поручать только тем лицам, чьи нравы и вся жизнь совершенны, и, следуя примеру этих людей, они уже не согрешат, а удержатся их авторитетом. Подобно тому как к молодым деревьям приставляют подпорки, чтобы они не могли согнуться под собственной тяжестью или силой ветра, так к юношам следует приставить наставников, чтобы с помощью их увещаний они бы учились, убеждением удерживались от дурного и благодаря подражанию им совершенствовались.

Юношей надлежит удерживать от неумеренности также в другом, что относится к образу жизни. В самом деле, излишние еда и питье и слишком долгий сон – скорее от привычки.

⁸⁶ Теренций. Девушка с Андроса. I, 1.

⁸⁷ В отличие от других гуманистов, писавших после него на темы воспитания (например, Веджо, Альберти, Пикколомини) и имевших в виду домашнее воспитание или частную школу, Верджерио, возможно, не без влияния Аристотеля, проводит мысль об общественном воспитании, считая его полезным для государства и благом для самих юношей.

⁸⁸ Так как наш перевод сделан по весьма несовершенному изданию трактата Верджерио начала XVII в., то в отдельных случаях мы пользуемся итальянским переводом Э. Гарэна, который выполнен по современному изданию, недоступному нам. Так, конец фразы о специфике возраста дан по этому переводу. Перевод текста, использованного нами, выглядел бы иначе: «...старость истощают жадность и алчность не потому, что у всех есть богатства, но оттого...»

Говорю это не для того, чтобы отрицать, что людям с различными телесными свойствами эти вещи необходимы в разной степени, но потому, что во всех людях природа довольствуется немногим, если иметь в виду необходимость, если же наслаждение, то ничто ей не сможет показаться достаточным.

Но более всего в этом возрасте надо удерживать от вина: его излишнее употребление и доброму здоровью враждебно, и сильно расстраивает способность здравого суждения. В этом, мне кажется, вовсе не следует осуждать правило спартанцев⁸⁹, которые приказывали приводить на свои пиры пьяных рабов не затем, чтобы развлекаться их бессвязными речами и безобразными движениями (ибо бесчеловечно удовольствие, когда человек развлекается недостатком или пороком другого человека), но чтобы показать своим юношам на примере, сколь позорно выглядеть пьяным. Поэтому надо с малых лет приучить мальчиков скорее пить воду, разбавленную вином, чем чистое вино, доводящее до безумия, и пить столь умеренно и редко, чтобы питье больше предназначалось для смягчения пищи, чем для утоления жажды. Право же, не подобает (и это имеет отношение не только к нравственности, но и к доброму здоровью) пищу и питье измерять желудком, мерой сна делать зимние ночи и предел в наслаждениях определять пресыщенностью, но надо все регулировать разумом и настолько ввести это в привычку, чтобы легко можно было обуздать юношеские страсти, понимая при этом, что не все, что позволено делать, используя силу или случай, следует делать.

Прежде всего, однако, подобает, чтобы хорошо воспитанный юноша не пренебрегал почитанием и уважением богослужения и приучался к этому с молодых лет. Ибо что будет святого среди людей для того, у кого окажется в пренебрежении сама божественность? Однако не пристало в этом доходить до старушечьих суеверий, которые в этом возрасте обычно большей частью осуждаются и подвергаются осмеянию, но надо знать известную меру. Хотя какую меру можно применить в этом деле, в котором все, что в наших способностях, менее всякой меры? В особенности же следует увещевать юношей не богохульствовать (что отвратительно в любом возрасте), не насмехаться над священными именами и не давать легкомысленно по собственному побуждению клятву; ведь тот, кто беззаботно клянется, часто имеет обыкновение клятву нарушать.

Далее подобает, чтобы юноши оказывали большое уважение старикам и старшим по рождению, считая их как бы родителями. В этом древнем обычае была прекрасно воспитана римская молодежь; юноши в день заседания сената провожали сенаторов, которых называли отцами, в сенат и там, перед входом в здание, неусыпно находились в ожидании их, а после роспуска сената уводили многих домой⁹⁰, и это было бесспорно первой подготовкой к проявлению постоянства и терпения в более зрелом возрасте. Можно сказать, что те юноши, которые охотно льнут к старикам, не без труда уходят от тех, с чьей помощью могут чему-то научиться, видимо, вполне серьезно желают опередить возраст благодаря добродетели.

Кроме того, юношей следует научить принимать приходящих, а также провожать тех, кто уходит, скромно приветствовать старших, ласково обходиться с младшими, дружески обращаться к друзьям и доброжелателям. Хотя эти качества хорошо выглядят во всех людях, но в правителях и их детях кажутся прекрасными, и они более всего заметны именно в них, в чьих нравах и во всей жизни обычно любят мягкость, а хвалят строгость; им следует, однако, опасаться того и другого: чтобы строгость не перешла в свирепую суровость, а мягкость – в шутовскую фамильярность. Но этого они, т. е. правители, смогут избежать, если каждый будет легко переносить увещевание и порицание, – условие, целительное в любом возрасте, при любом деле и положении. Ведь подобно тому как, глядясь в зеркало, мы видим недостатки своего лица, так взвешиваем и душевные ошибки, когда их порицают друзья, и здесь самое

⁸⁹ Возможно, использован Плутарх. Жизнь Ликурга.

⁹⁰ Валерий Максим. О достопамятных речах и делах. II, 1, 9.

время их исправить. Те же, кто не может слышать ничего, что им неприятно, легче всего впадают в заблуждение. Переносить только изысканную пищу – свойство слабого желудка; надо, следовательно, быть в состоянии и вытерпеть злословящих, и выслушать порицающих. Ведь того, кто не терпит, чтобы его порицали в его присутствии, нелегко обычно защищать, когда он отсутствует. <...>

Впрочем, юношей также обычно размягчает и расслабляет излишняя доброта родителей, что чаще всего проявляется в тех из них, кто воспитан матерями-вдовами в неумеренной любви. Поэтому ценен обычай, существующий у некоторых народов: заботиться о том, чтобы дети воспитывались вне города или, по крайней мере, вне семьи, у родственников или друзей. И если дети часто находят их более добрыми, чем родителей, то сознание того, что живут они в чужом доме, лишает их неограниченной вольности и делает более старательными в наилучших занятиях, которые мы называем свободными и о которых пришло уже время сказать.

Что такое свободные занятия, которым должны обучаться юноши?

Свободными занятиями мы называем те, которые достойны свободного человека, а именно те, которыми возделываются и совершенствуются добродетель и мудрость и благодаря которым тело и душа предрасполагаются ко всему лучшему, вследствие чего люди обычно достигают чести и славы – первой награды мудрому человеку после добродетели. Ведь как для неблагородных людей целью являются выгода и наслаждение, так для благородных – добродетель и слава. В таком случае стремиться к ним и со всем старанием пытаться достичь мудрости надлежит с самого детства. Ибо если ни одно из отдельных искусств, даже из тех, которые не требуют тонкости ума, никто не может освоить в совершенстве, не занимаясь им с детства, что же сказать о мудрости, которая заключается в столь многих и великих вещах и в которой содержатся опыт, правила и наука всей жизни? В самом деле, мы не станем мудрыми (а мудрыми мы все хотим считаться и быть), не станем, повторяю, в старости мудрыми, если не почувствуем вкуса к этому с самой юности. <...>

У многих юношей именно от природы такой быстрый ум в понимании, такой проницательный в исследовании, что даже без долгого учения они могут рассуждать о важных вещах и высказывать серьезнейшие соображения; если их врожденные способности укрепить эрудицией и помочь им наукой, то обычно из них выходят ученые мужи. Как необходимо в таком случае позаботиться об этих юношах, так не должно пренебрегать теми, кто имеет средние способности, и даже, напротив, следует скорее помогать им, поскольку в них природные способности слабее.

Однако всех надо заставить заниматься и трудиться с детства, пока податливы души юношей, пока подвижен возраст, как сказано в стихах Марона⁹¹. И усерднее всего надо заниматься в детстве, ибо этот возраст более всех остальных восприимчив к наукам; однако продолжать учиться нужно в любом возрасте, если не разделять того мнения, что учиться вообще позорнее, чем оставаться невеждой. Но совсем иначе думал Катон, глава семьи Порциев, который изучил латинский язык почти стариком, а греческий – уже совсем старым; он не считал, что старику позорно учиться, поскольку для человека знать – всегда прекрасно. Также и Сократ, столь замечательный философ, уже в пожилом возрасте начал играть на кифаре и доверил обучение своих пальцев учителю⁹². Между тем как нашим юнцам из-за их изнеженности учиться неприятно и быть с учителем им, у кого еще молоко на губах не обсохло, кажется стыдным.

⁹¹ Вергилий. Георгики. III, 165.

⁹² Цицерон. О старости. VIII, 26.

Однако их вовсе не следует представлять собственному суждению, но различными уловками надо побуждать к добрым и надлежащим занятиям.

При этом одних следует привлекать похвалой и понятием о чести, других – небольшими наградами и ласками, третьих – принудить угрозами и розгой. И все эти способы воздействия так хорошо обдумать и разумно отрегулировать, чтобы наставники использовали то один, то другой из них⁹³; им следует остерегаться и того, чтобы не быть ни слишком мягкими, ни излишне суровыми. Как чрезмерная вольность разрушает доброе природное дарование, так суровое и постоянное порицание ослабляет силу ума и гасит в детях природную искру; страшась всего, они не могут ни на что отважиться, и оттого происходит, что, боясь в чем-то ошибиться, они почти всегда ошибаются. В особенности же следует обходиться без принуждения в отношении тех, в ком преобладает черная желчь, их более всего следует предоставлять собственной воле и позволять им наслаждаться свободой и играми: имеющие подобный физический склад, не все (как думал Аристотель)⁹⁴, но очень многие, несомненно, более щедро одарены от природы⁹⁵.

Случается, однако, что многие, одаренные способностями, стараясь обучаться надлежащим наукам, или отклоняются от них насильственно, или как бы из-за встающих перед ними барьеров вынуждены останавливаться в ходе занятий, или их направляют в другую сторону. Действительно, для очень многих препятствием становился недостаток средств, что вынуждало свободную душу, созданную для лучшего, служить прибыли. Однако натура благородная обычно возвышается вопреки даже крайним трудностям⁹⁶, и чаще добрым умам вредило чрезмерное богатство, нежели крайняя бедность, так что о таких людях обычно говорят не без негодования: «О сколь великим мужем он стал бы, если бы был рожден в более скромных условиях». Для некоторых на пути к обучению стоит власть родителей и с детства усвоенный образ жизни. Ведь тому, что привычно для нас с малых лет, мы обычно с легкостью следуем, став старше, поэтому дети охотно соглашались продолжать занятия родителей, с помощью которых они были возвращены и воспитаны. Но мы часто следуем и тому, что принято в нашем обществе, будто лучше всего делать то, что одобряют и делают прочие.

Итак, это размышление о выборе занятия – труднейшее из всех, ибо мы или несвободны в нем, или приходим к нему, проникаясь ложными мнениями, оказавшись в зависимости от плохих привычек, дурного слова людей. Однако некоторым людям дана особым даром Бога возможность самим, без вождя, вступить на правильный путь и следовать им, а именно тем немногим, кого, как говорит поэт, благосклонный Юпитер полюбил или даже породил⁹⁷, если верить в чем-то басням. Из них мы узнали прежде всего о Геракле, о чем сообщают греки и вслед за ними упоминают латиняне. Когда Геракл увидел перед собой две дороги, одну – добродетели, другую – наслаждения, он, находясь, возможно, в том возрасте, когда следует задуматься о жизни в целом, удалился в пустыню и, размышляя в одиночестве много и долго (поскольку возраст тот не силен в суждении и решении), посвятил себя в конце концов доб-

⁹³ Очевидно, в зависимости от обстоятельств.

⁹⁴ Аристотель. Проблемы. XXX, 1.

⁹⁵ Верджерио, по всей видимости, был первым среди итальянских гуманистов, кто выдвинул требование различных методов педагогического воздействия на учеников в зависимости от их характеров. У последующих педагогов-гуманистов, прежде всего у Ветто, эти представления получают дальнейшее развитие.

⁹⁶ Этот вопрос был поставлен еще в трактате Псевдо-Плутарха «О воспитании детей», влияние которого на Верджерио несомненно. Однако решение вопроса различно. Псевдо-Плутарх писал: «Но кто, испытывая нужду, будет не в состоянии воспользоваться моими наставлениями, те пусть винят в этом нужду, а не того, кто хочет помочь им советом. Однако бедные также должны, по силе возможности, стараться давать своим детям наилучшее воспитание, если же это не удастся, то следует пользоваться возможным» (цит. по: Журавковский Г. Е. Очерки по истории античной педагогики. М., 1963. С. 431). Верджерио же решает вопрос по-иному, в духе гуманизма, возлагая надежды на самого человека, который способен преодолеть все препятствия.

⁹⁷ Вергилий. Энеида. VI, 129–131.

родетели, отбросив наслаждение. И тем самым через многочисленные и трудные подвиги он проложил себе, как считают люди, путь на небо⁹⁸.

Вот так было с Гераклом. Нам же повезет, если предписания и рука наставника поведут нас к добродетели или если мы будем побуждены к этому силой необходимости, ибо благословенна необходимость, увлекающая к благу. <...>

Но есть в наши времена огромная толпа тех, кто чурается науки как позора или одобряет мнение Лициния, некогда римского императора, который называл литературу ядом и общественной заразой⁹⁹. Гораздо лучше говорит другой: счастливы были бы государства, если бы ими управляли мудрецы или если бы их правителям случилось выучиться мудрости¹⁰⁰. Притом верно и то, что занятия литературой не лишают человека ни безумия, ни злобности; и даже более того: как тем, кто рожден к добродетели и мудрости, они очень помогают, так способствуют часто сокрытию глупости или служат орудием пагубной несправедливости. Мы знаем, что Клавдий (вернемся снова к римским императорам) был достаточно ученым и Нерон, его пасынок и наследник в правлении, весьма образованным; но первый был человеком редкостной глупости, второй запятнал себя жестокостью и всяческим позором. <...>

Напротив, твой прадед Яков Каррара, благоразумный муж и великодушный государь, будучи сам не очень образованным, тем не менее необычайно высоко ценил ученых¹⁰¹, так что считал, что ему одного недоставало для счастья – быть образованным хотя бы настолько, насколько это доступно скромному человеку.

И в старости можно желать стать образованным, однако нелегко этого достичь, если с ранней юности не вооружиться знанием с помощью старания и труда. Следовательно, в юности надо подготовить для себя утехы, которые могут услаждать честную старость. И те занятия, которые в юности тягостны, в старости будут сладким отдыхом. Поистине есть в этих занятиях большая опора: мы находим в них целебное средство против изнемогающей усталости, или утешение от беспокойных дел. Есть ведь два рода жизни: один – свободный, заключающийся целиком в досуге и созерцании, другой состоит в деятельности и труде. Сколь необходимо знание и использование книг в первом роде жизни, всем должно быть ясно, а сколь полезно это во втором, легко можно распознать из дальнейшего. Я уже не говорю о том, насколько благоразумнее благодаря наставлениям авторов книг и примерам, приводимым в них, могут стать те, кто посвящает себя деятельной жизни.

Но и управляя государством, ведя за пределами отечества войны или занимаясь дома делами своими и своих друзей, не найдут они, утомившись, ни в чем другом более приятного занятия, чем в чтении. Выпадают также часы и моменты, когда от этих дел мы освобождаемся по необходимости, ведь и от государственных дел мы часто не по своей воле удаляемся, и не всегда ведутся войны, и в иные дни и ночи случается что-то, что заставляет задержаться дома и остаться самому с собой, вот тогда-то, когда ничем другим извне мы не будем заняты в свой досуг, и приходит на помощь чтение книг. <...>

Если бы даже свободные науки не приносили никаких иных плодов (а плоды эти при всех обстоятельствах разнообразны и многочисленны), то вполне достаточным должно казаться такое весьма важное обстоятельство: в то время, пока мы внимательно читаем, мы отвлекаемся от многого, о чем не можем думать без стыда или вспоминать без душевной муки. Действи-

⁹⁸ Образ Геракла был очень популярен в обществе эпохи Возрождения, возвысившей человека и уверовавшей в его героические возможности. Салютати даже пишет трактат «О подвигах Геракла», где дает толкование мифов о Геракле, подчеркивая его моральный героизм, обретающий у Салютати общественную значимость. Верджерио, в связи с педагогическими задачами трактата, воспроизводит сюжет о Геракле Продика Кеосского, известного софиста V в. до н. э., чье сочинение на эту тему излагает в своих «Меморабилиях» Ксенофонт (II, 1, 21–34).

⁹⁹ Валерий Лициниан Лициний – римский император (308–324).

¹⁰⁰ Платон. Государство. V, 473 с.

¹⁰¹ Джакомо II Младший, правитель Падуи (1345–1350), покровительствовал Петрарке, который в 1348 г. прибыл по его приглашению в Падую, где оставался до смерти Каррара; Петрарка пишет о нем с похвалой в «Письме к потомкам».

тельно, если есть что-то в нас самих или в нашей судьбе, что доставляет нам неприятность, мы, читая книги, легко это забываем и утешаемся. Помимо этого, занятия наукой рожают в душах людей удивительные наслаждения и со временем приносят обильнейшие плоды, если семя их упадет в добрую душу, подходящую для такого возделывания.

Итак, когда мы одни и свободны от всех прочих забот, что лучшее мы можем сделать, как ни обратиться к книгам, где есть все – и приятнейшее для познания, и побуждающее к доброй и чистой жизни? Как для прочей жизни, так более всего для сохранения памяти о прошлом важны и необходимы памятники письменности, в которых описываются деяния людей, превратности судьбы, редкостные творения природы и обо всем этом сохраняются суждения прошедших времен. В самом деле, то, что передается памятью людей из рук в руки, постепенно исчезает, едва превышая век одного человека. То же, что хорошо вверено книгам, остается навечно, и это могут превзойти, пожалуй, только живопись, мраморное ваение или литье. Впрочем, эти последние не несут на себе печати времени, не сразу указывают на разнообразие душевных движений, запечатлевают только внешнюю форму и легко могут быть повреждены. Передаваемое же письменно не просто воспроизводит сказанное, но передает также речи людей, отражает их мысли и притом, распространенное во многих экземплярах, вряд ли может погибнуть, тем более если написано достойным стилем; ведь то, что пишется недостойно, и доверия не заслуживает, и существовать долго не может.

Итак, какой образ жизни может быть приятнее и, без сомнения, полезнее, чем постоянно читать либо писать и познавать вновь открытые деяния древности, нынешние же дела сообщать потомкам и таким образом делать нашим любое время – и прошлое, и будущее? О книги, славное украшение (как говорим мы) и приятные слуги (как справедливо называет их Цицерон), честные и послушные в любых обстоятельствах! Они ведь никогда не надоедают, не заводят спор, не жадны, не хищны, не дерзки, по твоему желанию говорят или замолкают и всегда наготове по любому приказу; от них никогда ничего не услышишь, кроме того, что хочешь и сколько хочешь. И раз наша память не способна сохранять всего, даже малого, и едва в состоянии удерживать отдельные вещи, книги, на мой взгляд, надо ценить и сберегать как вторую память. Ведь именно памятники письменности и книги являются верной памятью о событиях и общей кладовой, заключающей все, что мы можем знать и помнить. Поэтому, если нам не по силам ничего сочинить самим, мы должны позаботиться о том, чтобы передать потомкам целыми и невредимыми книги, полученные от предков; тем самым мы позаботимся о пользе тех, кто будет жить после нас, а тех, кто ушел, вознаградим за их труды хотя бы этой единственной наградой¹⁰².

В дурном отношении к книгам мы, пожалуй, по справедливости можем обвинить некоторые эпохи, и в частности ближайшие к нам прошедшие времена. Можно лишь негодовать, но уже ничем нельзя помочь в том, что была допущена гибель столь многих прославленных трудов выдающихся авторов. От некоторых до нас дошли только имена, украшенные высокими похвалами, от других же – лишь часть их неусыпных трудов и отдельные фрагменты. И потому, зная о блестящей славе и известности первых, мы желаем разыскать их труды и поистине негодуем по поводу гибели остальных трудов вторых, когда видим великолепие и достоинство того, что дошло до нас, хотя мы получили их в большей части столь испорченными, некоторые даже в отрывках и сокращенные, что было бы, пожалуй, лучше, если бы из них ничего до нас не дошло. Но нельзя недооценивать и того, что в результате столь огромной утраты многие деяния прошлого и притом то, что совершено в Италии и весьма достойно познания, порой остаются по большей части скрытыми от нас, ибо сведения о них погибли вместе с гибелью книг и памятников. И вот так мы, зная о деяниях варваров, не знаем из-за гибели книг о многих из

¹⁰² Верджерио развивает мысли Петрарки о книгах и передаче культурных традиций, высказанные, в частности, в трактате «Об уединенной жизни».

наших деяний. Это привело к тому, что достоверные сведения о латинской истории мы берем у греческих авторов. Ведь очень многое из того, о чем у нас сообщается кратко или что вообще неизвестно, у них оказывается изложенным пространно, хотя сама греческая речь, бывшая некогда близкой и понятной нашим предкам, чуть ли не погибла у них, у нас же совершенно исчезла, если только не вызовут ее на свет из могилы те немногие, кто в наш век ревностно ею занялись¹⁰³.

Однако возвращусь к истории, утрата которой тем тяжелее, чем полезнее и приятнее знание этой науки. В самом деле, людям, имеющим склонность к свободным наукам, и тем, кто должен заниматься государственными делами и бывать в общественных собраниях, более всего подобает знать историю и изучать моральную философию. Ведь все другие искусства называются свободными потому, что приличествуют свободным людям. Философия же потому свободна, что ее изучение делает людей свободными. Следовательно, в одном случае мы находим предписания, чему подобает следовать, а чего избегать, в другом – примеры, ибо в философии раскрываются обязанности всех людей и что каждому соответствует, в истории же то, что было в прошлом сделано и сказано, и она учит нас, что следует сказать и сделать в нужный момент. Не ошибусь, если прибавлю к этому третью дисциплину – красноречие, которое является еще одной частью гражданской науки. Если благодаря философии мы можем правильно мыслить, что в любом деле – главное, благодаря красноречию веско и красиво говорить, чем одним в высшей степени соединяются души многих, то история помогает нам и в том и в другом¹⁰⁴

¹⁰³ Видимо, Верджерио имеет в виду преподавание греческого языка, начатое во Флоренции греком Мануилом Хризолором, приглашенным с этой целью в город. У Хризолора обучались Леонардо Бруни, Палла Строцци, Поджо Браччолини, сам Верджерио и др.

¹⁰⁴ Моральная философия, история, риторика, выделяемые Верджерио в качестве воспитывающих дисциплин, формирующих человека как члена общества (недаром он называет их в целом гражданской наукой), составляют основу гуманистической системы образования *studia humanitatis*; к ним часто добавляют еще поэзию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.